

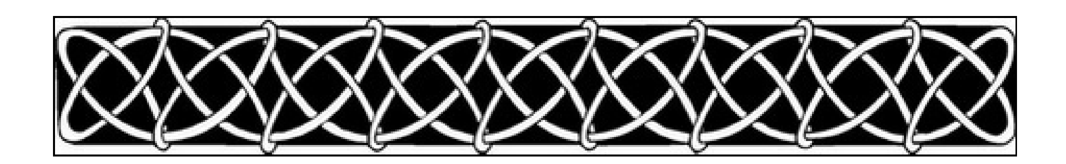
Абсолютное оружие
Андрей
Ливадный
Пламя надежды

Annotation

В самом разгаре Галактической войны по приказу адмирала Воронцова у двадцати тысяч верно служивших людям андроидов была стерта личность, и они превратились в бездумных роботов-солдат. Война закончилась, и уцелевшие обладатели искусственного интеллекта решили отомстить тем, кто их предал. И на одной из планет Окраины в глубокой тайне начали создаваться клоны для подмены людей, занимавших ключевые посты в иерархии Центральных миров. Казалось, человеческая цивилизация обречена! На фоне вселенских катаклизмов что значила судьба пилота Глеба Дымова и второй половинки его души – «Одиночки» Ники-Рейчел? Но именно им суждено было сыграть ключевую роль в роковом противостоянии…

Роман «Пламя надежды» продолжает трилогию «Наемник».

Андрей Ливадный Пламя надежды

Пролог

У каждого искусственного интеллекта есть судьба.

С тех пор как на далекой планете Земля людьми был изготовлен первый нейромодуль, мир необратимо изменился.

Мы долго тешили себя иллюзиями, придумывали законы робототехники, выстраивали схемы обучения «ИИ», планируя, какими качествами должны будут обладать искусственные сознания машин, а они уже существовали параллельно с нами, поначалу в виде примитивных нейрокомпьютеров – маломощных, еще не осознающих факта собственного бытия, затем, со стартом колониальных проектов, настала эпоха взрывообразного развития технологий, и понятие «нейрокомпьютер» существенно расширилось, появились первые модели механизмов андроидного типа – их оснащали достаточным количеством нейрочипов для формирования собственного взгляда на окружающий мир, но потенциал человекоподобных машин не был должным образом изучен и оценен. Их по-прежнему именовали «кибернетическими механизмами», отводя нейромодулям андроидов знаменитой серии «Хьюго» вторичную, вспомогательную функцию.

В эпоху Великого Исхода, когда ежемесячно из Солнечной системы стартовало по нескольку колониальных транспортов, понадобилась техника, способная гибко реагировать на различные нештатные ситуации, самообучаться в процессе борьбы за выживание в условиях чуждых человеку миров.

Так называемые «фирмы-отправители», занимавшиеся постройкой и комплектацией межзвездных кораблей, щедро раздавали обещания, но на самом деле не имели возможности произвести предварительную разведку планет, куда отправлялись колонисты.

Идея с андроидами, способными защитить людей, выстроить первичное колониальное убежище, действуя в заранее непредсказуемых обстоятельствах, многим показалась удачной, и в результате миллионы человекоподобных машин, оснащенных нейронными сетями, отправились к звездам на борту колониальных транспортов и канули в пучинах аномалии космоса, разделив с потерянными в пространстве людьми судьбу невозвращенцев эпохи Великого Исхода.

Четыре столетия андроиды серии «Хьюго» вместе с людьми несли на своих плечах все тяготы освоения чуждых миров. Прибывая в колонию, они

находились в самом начале нелегкого пути саморазвития, ими руководили базовые программы, а нейромодули, где, по замыслу конструкторов, должен был накапливаться «опыт выживания», были чисты, как страницы еще не написанной книги судеб.

А судьбы планетных цивилизаций, в среде которых формировался и креп искусственный разум андроидов, складывались по-разному. Одни анклавы погибали, не выдержав противостояния с агрессивными биосферами враждебных людям планет, другие деградировали, постепенно теряя знания, скатываясь во мрак невежества, третьи застывали в стасисе, и лишь малая часть человеческих поселений продолжала развитие, двигаясь по пути научно-технического прогресса.

Сменялись поколения людей. Прибывших вместе с первыми поселенцами андроидов становилось все меньше. К ним по-прежнему относились как к сложным бытовым механизмам, а они, обладая иной сенсорикой, воспринимая окружающее иначе, чем мы, постепенно формировали недоступные для человеческого понимания системы ценностей, вырабатывали собственные понятия целесообразности, свою мотивацию поступков.

Они эволюционировали, но этот факт оставался незамеченным, пока четыре столетия спустя после Великого Исхода не грянула Галактическая война и многие андроиды легендарной серии «Хьюго» сознательно встали на защиту своих планет – они воевали наравне с людьми, даже те, кто давно потерял своих «хозяев» и долгое время существовал вдали от человеческих поселений, возвращались: искусственным рассудкам оказалось не чуждо понятие «родина», и ассоциировалось оно не с цехом, где когда-то собрали человекоподобный механизм, а с конкретной планетой, где однажды произошло таинство осознания факта собственного бытия.

Война…

Она вспыхнула как пожар, сжигая миры, унося миллионы жизней.

В горниле чудовищного противостояния Земли и Колоний зародился и стремительно эволюционировал новый тип искусственного интеллекта – модуль «Одиночка», изначально созданный для управления сложными боевыми планетарными комплексами, а затем, по мере усовершенствований, интегрированный в системы космических кораблей.

Война, спланированная Земным правительством Джона Хаммера как серия сокрушительных, победоносных ударов по развитым колониям, неожиданно приняла затяжной характер. Земные армады безраздельно царили в космосе, но десантные подразделения Альянса внезапно получили

жесточайший отпор, терпя поражение за поражением при попытках захвата планет.

Начался неизбежный виток гонки вооружений и технологий, породивший несколько типов боевых искусственных интеллектов. Однако хладнокровные механические убийцы, уже не связанные канувшими в Лету ограничениями «законов робототехники», тем не менее не справились с поставленными перед ними задачами стремительного, победоносного захвата планет. Они безнадежно проигрывали в схватках с людьми, их подводила машинная логика. Кибернетические системы были неспособны просчитать действия человека, движимого чувством самопожертвования. Такие понятия, как «героизм», «трусость», «храбрость», «ярость», «любовь» и «ненависть», не поддавались оцифровке, и в результате машины оказались бессильными перед импульсивными поступками людей. Колонисты, защищавшие каждую пядь земли, с удручающей регулярностью уничтожали баснословно дорогие кибернетические комплексы, и тогда в рубках серв-машин Земного Альянса появились пилоты, чей разум был напрямую соединен с модулем искусственного интеллекта.

Этот адский синтез породил самое жуткое из исчадий высочайших технологий – усовершенствованный модуль «Одиночка» стремительно обучался у человека приемам нестандартного мышления, кибернетическая система боевой машины начинала отождествлять себя с личностью пилота, а тот, в свою очередь, открывал иную, немыслимую грань реальности – его рассудок сливался с машиной, воспринимая ее как часть собственного тела, а «Одиночку» – как частицу своего рассудка.

Люди погибали.

Десятки тысяч разбитых серв-машин оставались чернеть на полях сражений.

Лишь модули искусственного интеллекта, впитавшие через шунт прямого нейросенсорного контакта не только частицу личности и боевого опыта человека, но и все деформации сознания пилота, вкусившие непостижимую для машины гамму человеческих чувств, обретшие запредельный для кибернетической системы боевой опыт, частично пораженные безумием, вновь неизбежно возвращались в строй. Их извлекали из груд искореженного металла, тестировали, устраняли мелкие поломки, а затем устанавливали в исправные, только что сошедшие с конвейера серв-машины и вновь бросали в бой, иногда под управлением пилота, но чаще – в автономном режиме, ведь модуль «Одиночка» продолжал действовать так, словно в рубке по-прежнему находился

человек, частица сознания которого сохранилась в искусственных нейросетях.

Учитывая все перечисленное, возникает закономерный вопрос: кто в период войны являлся носителем истинного, самобытного, искусственного разума – колониальные модели «Хьюго», самостоятельно постигавшие окружающий мир на протяжении четырехсот лет колонизации иных миров, или модули «Одиночка», чье сознание базировалось на фрагментах человеческого восприятия и было рождено в техногенном аду жесточайших схваток?

Эрест Норг Логвил. Новейшие исследования.
Издание 2640 года…

Глава 1 СИСТЕМА ДАБОГ

Пепельно-серые, клубящиеся, грибовидные выбросы ядерных взрывов царили над материком.

Растительность погибла, темные облака затянули небосвод, шквалистый ветер налетал порывами, обугленные руины города вздымались к свинцовым небесам обвалами этажей.

Вокруг ни души.

Сминаемая ветром пелена радиоактивного дождя хлестала по земле, пузырилась мертвыми лужами, стекала мутными потоками, как будто уничтоженная природа планеты в последнем усилии пыталась смыть пепел, но тщетно – он превращался в липкую грязь, образуя огромные озера вязкой жижи.

На окраине города, там, где недавно кипела схватка между десантными подразделениями прародины и несколькими аграрными роботами колонистов, на перекрестке у дорожной развязки, под липким слоем грязи угадывался контур человеческого тела.

От земли шел пар.

Внезапно фигура шевельнулась, начала неловко подниматься, а через несколько секунд стало понятно: это не человек, а механизм андроидного типа.

Неуклюже привстав, он повернул голову, осматривая неузнаваемо изменившиеся окрестности, затем слепо пошарил рукой вокруг себя, с тонким всхлипом сервомоторов вырвал из-под радиоактивной грязи сумку с продуктами – перед внезапно обрушившимся на планету ядерным ударом андроид возвращался домой из ближайшего магазина.

Его пеноплоть обуглилась, из-под лохмотьев одежды торчали ребра эндоостова, на правой щеке в глубине рваной раны нервно подергивались тонкие нити мимических приводов.

Сбой системы. Попытка перезагрузки.

Сообщение пульсировало перед «внутренним взором» человекоподобной машины.

Затем на некоторое время наступила тьма.

Дождь прекратился, с налитых свинцом небес, медленно кружа, будто нереальный снегопад, осыпались крупные хлопья пепла.

Кибернетическое ядро успешно перезагрузилось. Андроид, застывший, будто манекен, по колено в грязи, пошевелился, повернул голову, затем наклонил ее, глядя на матерчатую сумку, что держал в руке.

Источающие радиацию продукты выпали через прореху. Он не стал подбирать их, развернулся и медленно побрел в сторону двухэтажного частного дома, расположенного в пригороде.

До столицы Дабога докатились лишь отголоски обрушившегося на планету удара. Большинство разрушений причинили взрывные волны, все живое погубили смертоносные осадки.

Низкий декоративный заборчик был сломан, но стены дома устояли, снесло лишь часть крыши да выбило окна.

Андроид перешагнул через поваленный ствол дерева Бао[1], вошел в дом и внезапно застыл.

Он понял, что осиротел.

Осознание непоправимости произошедшего пронзило его, словно энергетический разряд, рассудок искусственного интеллекта, четыреста лет верно служившего одной семье колонистов, помутился. Да, он не впервые сталкивался со смертью, понимал, что человеческая жизнь когда-то заканчивается, но *не так…*

История колонизации Дабога, полная драматизма напряженной борьбы людей с враждебной биосферой планеты, закончилась в этот день.

…Спустя час, отдав последнюю дань людям, которые любили его как члена семьи, андроид покинул полуразрушенную усадьбу, вышел на дорогу, по которой тек грязевый поток, и, увязая по колено в жиже, медленно побрел в сторону городских руин.

В руках он сжимал древнюю штурмовую винтовку системы Ганса Гервета.

Очень давно, еще на заре колонизации, когда очаги цивилизации Дабога располагались в подземных герметичных убежищах, его хозяева из первого поколения поселенцев активировали у андроида третий уровень программной свободы, чтобы он в случае опасности мог с оружием в руках защищать их от агрессивных жизненных форм, населявших планету.

С тех пор минуло почти четыре века.

Инициализация функции саморазвития привела к стремительному формированию, а затем – постепенному взрослению искусственного разума. Он никогда не изменял своей главной задаче – служить колонистам, защищать их, да и как могло быть иначе, ведь он наблюдал, как сменяются поколения, нянчил на руках детей, постепенно постигая смысл сложнейших для ИИ понятий, таких, как «семья» или «родина».

Он познал программный эквивалент любви, а теперь внезапно, в момент крушения мира понял, что означают человеческие понятия горя, безысходности и ненависти к убийцам.

Он обрел внезапную, непрошеную свободу – те, кто мог приказывать ему, погибли, планета, где он вырос, осознал себя как личность, теперь лежала в руинах, все, что он вырастил, обратилось в прах, почернело, обуглилось.

Говорят, у андроидов нет души.

Да, его чувства отличались от человеческих. Потеряв казавшуюся незыблемой точку опоры, его сознание рушилось в пропасть, падало во мрак, не видя дна.

И не было рядом никого, кто мог бы подсказать, как действовать дальше, что делать, когда погибает душа?

Мрак смыкался.

В сознании искусственного интеллекта понятие «человек» утратило целостность, оно дало трещину и раскололось, поделившись на две категории.

Те, кого он любил, и те, кто вторгся в родной мир, посеяв смерть.

Он медленно брел по дороге, сопротивляясь напору грязевого потока, навстречу неизвестности, новой фазе существования.

Его звали Дейвид.

Последнее, что осталось в нем от прежней, сломанной в один миг жизни, – это имя и внутренняя потребность дать отпор тем, кто уничтожил его мир.

* * *

Годы спустя. Система безымянной звезды…

– Николай Ильич, мы вырвались! – Владимир Воронцов прикрыл дверь резервного поста управления и взглянул на сгорбленную спину адмирала Замятина.

Командная станция, опаленная, но не уничтоженная в пламени

неистовой вспышки, маневрировала, используя двигатели четырех состыкованных с ней конвойных носителей. Звезды на обзорных экранах медленно смещались, а на их фоне пульсировала раскаленная газовая туманность – все, что осталось от аннигилированной планеты.

Последствия первого применения установки «Свет» оказались чудовищными, непоправимыми.

Кровь стыла в жилах от вида несметного числа обломков, беспорядочно движущихся в пространстве, сталкивающихся друг с другом, меняющих траектории, постепенно образующих плотное сферическое скопление, где смешались останки сотен космических кораблей, в один миг уничтоженных всепожирающей вспышкой полного ядерного распада.

Адмирал повернулся и угрюмо посмотрел на вошедшего офицера.

– Чему ты радуешься?

Владимир был смят, раздавлен, он практически обезумел и сейчас не владел собой. Вопрос Замятина вызвал в нем внезапную и яростную бурю противоречивых чувств, рука Воронцова импульсивно потянулась к табельному оружию.

– Я потерял в этом бою сына, а вы, похоже, – разум! – резко ответил он. – Наш долг продолжать борьбу! – выкрикнул он в лицо адмиралу. – Сделанного уже не вернешь!

Замятина знобило. Чудовищность произошедшего и цифры потерь не укладывались в голове. Он видел вспышку, в которой за мгновение погибли сотни тысяч людей. Стоило понять ужас этой цифры, чтобы отказаться от лавров «победителя». Он не хотел продолжения. Не хотел вместе с безумцами закреплять стратегический успех, испепеляя звездные системы…

– Там, в обломках, остались люди… – медленно произнес он. – Наш долг – попытаться спасти хоть кого-то из них, а не продолжать бойню!

– В обломках не осталось никого! – глухо и яростно ответил Воронцов. – Все корабли, у которых выстояли силовые поля, уже дали о себе знать! Отдавайте приказ, иначе мы погибнем! Обшивка станции не выдержит и часа!

– Воронцов, ты безумец!

– А вы трус и мертвец! – Владимир вскинул руку с оружием. – Мы обязаны продолжать борьбу! Собрать новые силы и нанести решающий удар!

– Делай как знаешь. Принимай командование… – Замятин отвернулся, ожидая выстрела в спину.

* * *

Луна Стеллар. Двое суток спустя…

– Дорохов! Докладывай! – Воронцов нервно расхаживал по тесному отсеку.

– О чем докладывать? – Дмитрий зло, исподлобья взглянул на Воронцова. – Ты у нас новоиспеченный адмирал? Вот и думай, как поступить!

– Не зарывайся, Дима! Да, я принял командование и мне нужен отчет о состоянии дел!

– Да пошел ты! – На щеках Дмитрия выступили пунцовые пятна. – Аннигилировать планету – твоя идея?!

Владимир побагровел. Его глубоко запавшие глаза таили огонек безумия.

– В битве уничтожены два ударных флота Земли! – с трудом сдерживая ярость, хрипло выдохнул он.

– О цене не забыл? – резко спросил Дорохов.

– Нет! К твоему сведению – не я разработал аннигиляционную установку! И не я отдал приказ на ее применение!

– А чего ты хочешь от меня?! – Дмитрий привстал, тяжело опираясь о стол. – Решил командовать – так дерзай! Какие тебе нужны доклады? Сам ничего не видишь? У нас осталось восемь кораблей. ВСЕ! И двести человек на этой базе! – добавил он. – Нам сейчас нечего противопоставить уцелевшим эскадрам Альянса! Как только они поймут ситуацию – войне конец!

– Но мы пока еще живы!

– Это ненадолго! – Дмитрий встал. – Я не отказываюсь сражаться, Володя. Но нам нужен реальный план действий! Как в начале войны, на голой ненависти, с использованием древних транспортов и челноков, нахрапом против крейсеров Альянса – уже не получится!

– Почему?

– Спеси у землян поубавилось! Умнее они стали, обжегшись! Вот почему!

Воронцов в ярости отвернулся.

– Вот что… – Дорохов все же задержался у выхода из отсека. – Нам нужно выиграть время. Есть лишь один способ – мы должны первыми нанести удар. Создать очаг напряженности на территории Альянса. Улавливаешь, Володя? Если напуганы и обескровлены мы – то земляне сейчас в панике. Заставить их обороняться, дать понять, что применение

аннигиляционной установки – это не акт отчаянья отдельных руководителей колониального флота, а спланированная, взвешенная акция!

– Вопрос, где взять людей и технику? – встрепенулся Воронцов.

– Не знаю, – отрезал Дорохов.

– Ладно… – Воронцов тяжело вздохнул. – Давай поговорим утром. Свяжись с Элио и Кьюигом. Пусть соберут всех. Людей, корабли, все, что осталось. Назначь Стеллар пунктом сбора.

– Сделаю.

Дорохов вышел.

Тяжелая герметичная дверь с вибрирующим гулом закрылась за ним.

Воронцов остался один.

Утро. Что оно принесет, кроме новых проблем?

Его терзали мучительные мысли. Приняв командование над горсткой уцелевших кораблей, он действовал в состоянии аффекта и только здесь, в Форте Стеллар, понемногу начал приходить в себя от пережитого шока.

Что же делать теперь? Что же делать?

Воронцов вышагивал по тесному отсеку, не находя себе места.

Откуда взять людей и технику?

Если собрать все силы, даже те, что оставлены для защиты колоний, то наберется порядка тридцати кораблей, укомплектованных экипажами. Большинство из них – отделяемые модули древних колониальных транспортов, переоборудованные для ведения боевых действий. Их единственный плюс – наличие гиперпривода. Все остальное, включая последние усовершенствования, – бледная тень перед мощью одного-единственного крейсера противника.

– У меня нет людей… – прошептал он, бессильно присев на край жесткой откидной койки.

Безумные времена…

Отбив первые атаки земных армад, сумев защитить три из пяти подвергшихся нападению промышленно развитых планет, объединенный флот Свободных Колоний некоторое время удерживал ситуацию «на грани», встречая противника в точках промежуточного всплытия[2], не позволяя нанести удар по населенным мирам, но Альянс лишь усиливал натиск.

Поражение в войне казалось неизбежным. Силы таяли, отдельные успешные операции уже не могли переломить общей ситуации, сложившейся на пространственных фронтах.

Аннигиляционная установка «Свет», разработанная еще до начала

войны, являлась совместным проектом трех планетных цивилизаций, попыткой создать новый тип двигателя для космических кораблей, но вспыхнувшее противостояние Земли и Колоний востребовало все технологии, дало новый запредельный импульс в их развитии.

В результате родилась безумная идея – вывести экспериментальную станцию на орбиту небольшого планетоида, в удаленной звездной системе, заманить туда ударные силы Альянса, демонстративно сконцентрировав флот, имитируя подготовку к наступлению, а затем, когда корабли землян попытаются атаковать, – ударить по планетоиду синтезированным за многие годы экспериментов запасом антивещества.

По плану Флот Колоний должен был отступить, укрыться от вспышки за многочисленными лунами четвертой планеты звездной системы, но на практике все вышло иначе. Первыми из пространства гиперсферы появились автоматические корабли-смертники, несущие на борту ядерные заряды. Они выходили в метрику трехмерного космоса среди построения Флота Колоний и тут же взрывались, сея разрушение, срывая все планы.

Когда вслед за ними появились две армады боевых кораблей Альянса, от Флота Свободных Колоний мало что осталось. Отступать к лунам было поздно, все корабли уже получили серьезные повреждения, и адмирал Замятин отдал отчаянный, самоубийственный приказ – аннигилировать планету.

«Что же нам делать теперь? Альянсу нанесен сокрушительный удар, но закрепить успех нет никакой возможности…»

Его тяжелые мысли прервал сигнал вызова.

Дверь отворилась, в отсек вошел андроид. Он был одет в форму сил самообороны Кьюига, на рукаве куртки красовался знак отличия, означающий, что его владелец сбил два десятка вражеских истребителей.

Присмотревшись, Воронцов узнал его. Человекоподобный механизм колониальной модели «Хьюго», кажется, принадлежал Дорохову.

«Куртку Димину нацепил… У машин тоже „крыша едет“?» – подумал он, вопросительно взглянув на андроида.

– Заблудился?

– Я принес отчет.

– Тебя Дорохов прислал? – Владимир взял из рук андроида электронный планшет, активировал его, бегло просмотрел содержимое.

Ничего утешительного.

Взгляд адмирала вновь остановился на форменной куртке.

– Передай Дорохову, пусть переоденет тебя. Нечего в форме пилота по базе расхаживать!

– Форма принадлежит мне, – спокойно ответил дройд. – Я заслужил право носить ее.

– А это? – Владимир указал на знак отличия.

Андроид пожал плечами, совсем как человек.

– Двадцать шесть сбитых истребителей противника в период битвы за Элио. Я мог бы уничтожить больше, но мои действия ограничивали обязанности ведомого.

Воронцов невольно вздрогнул.

Да, теперь он припоминал, как Дима рассказывал об андроиде с Дабога, который потерял своих хозяев в роковой день начала войны.

– Я могу идти?

Владимир машинально кивнул, но затем, словно опомнившись, вдруг произнес:

– Нет, задержись. Кажется, я слышал о тебе.

Андроид подчинился.

Воронцова лихорадило. Пятые сутки почти без сна, на пределе моральных, физических сил, раздавленный произошедшими событиями, он жил как будто в бреду, даже гибель сына[3], находившегося в момент рокового удара на борту флагманского крейсера Флота Колоний, ощущалась лишь тупой, саднящей душевной болью.

Бремя принятой ответственности практически раздавило новоявленного адмирала. Сонмище проблем и рожденных ими противоречивых чувств раздирало рассудок, но, оказывается, подсознание продолжало искать выход из тупика, оно цеплялось за любую, пусть самую призрачную возможность переломить роковое течение событий.

Неважно, что в данный момент руководило Воронцовым, отчаяние, подсознательная жажда неограниченной власти, ненависть к захватчикам, потребность мстить за сына – обострившиеся чувства уже дошли до грани абсурда, перешагнули ее, и для достижения цели стали хороши любые средства.

Необратимые перемены коснулись его рассудка, прочно завладели сознанием.

«Либо я выдержу, найду решение, либо меня раздавит сила неодолимых обстоятельств».

Он снова взглянул на застывшего в ожидании андроида.

Двадцать шесть сбитых истребителей Альянса?

Он вернулся за рабочий стол, активировал коммуникатор, встроенный в имплант.

– Дима?
– Да, слушаю.
– Я замечал, ты часто появляешься в сопровождении андроида.
– Ну и что?
– Он принадлежит твоей семье?
– Нет, – ответил Дорохов. – Дейвид с Дабога. Он потерял своих хозяев при орбитальной бомбардировке, затем сражался с захватчиками. Я взял его на борт «Иглы»[4] вместе с последними беженцами.
– Он носит форму пилота, – заметил Воронцов, украдкой взглянув на человекоподобный механизм. Тот стоял, не меняя позы, не проявляя интереса к происходящему.
– По праву, – сухо ответил Дмитрий. – Вот только не понимаю, к чему ты задаешь эти вопросы?
– Пока неважно. Есть кое-какие мысли. Расскажи о нем.
– Что рассказывать? Дейв несколько раз спасал мне жизнь. Пилот отличный. Обучается очень быстро. Действует решительно. Достаточно?
– Хотелось бы подробнее. Ты понимаешь, что его поступки выходят за рамки всех мыслимых программных свобод?
– Так у него и спроси. Мне незачем ломать голову над мотивами поступков машины. Идет война. Он сражается на нашей стороне. Для меня этого вполне достаточно.
– Хорошо. Пожалуй, я послушаю твоего совета.
– Так Дейв еще у тебя?
– Да. Он принес документы.
– Володя, учти, в обиду его я не дам!
– Не напрягайся, Дима. Мы только побеседуем. До связи.
Воронцов отключил коммуникатор, некоторое время напряженно размышлял, затем произнес:
– Присаживайся, Дейвид.

* * *

В семье Воронцовых было три человекоподобные машины колониальной серии «Хьюго». Одного из андроидов родителям Владимира подарили на свадьбу, два других перешли к ним по наследству. Кибернетические механизмы никогда не покидали границ усадьбы, они занимались хозяйством, следили за порядком в доме, присматривали за детьми.
Трудно представить кого-то из них в рубке истребителя…
И тем не менее с фактом трудно поспорить. В данный момент

напротив Владимира сидел кибернетический механизм той же серии.

«Почему же раньше я не обращал внимания на столь вопиющий факт? Ведь видел нескольких андроидов в нашей форме, слышал, что на Элио и Кьюиге человекоподобные механизмы сражались бок о бок с людьми, но не придал должного значения этим обстоятельствам».

Задумавшись, Владимир припомнил все, что знал о машинах колониальной серии, и нашел достаточно простой ответ: в его понимании ни один андроид не обладал и не мог обладать свободой волеизъявления, таким образом, любой поступок машины являлся либо реализацией стандартных программ, либо исполнением приказа, отданного человеком.

Выходит, Дейвид своим поведением создал опаснейший прецедент?

«Не о том думаю… – внезапно спохватился Воронцов. – Мне сейчас необходимо понять, насколько далеко он способен зайти? Можно ли им управлять? Станет ли андроид, шагнувший за определенные для него рамки, беспрекословно подчиняться приказам?»

– Кто приказал тебе взять в руки оружие?

Дейвид слегка наклонил голову. Он смотрел на Воронцова холодно и пристально, не моргая. Его пеноплоть уже порядком износилась, глубокий шрам на правой щеке и множество мелких отметин придавали лицу суровое выражение.

– Не пытайтесь понять меня, адмирал. – Губы андроида шевельнулись, но артикуляция чуть запаздывала, видимо, часть мимических приводов была серьезно повреждена. – Лучше принять все, как есть, иначе…

– Иначе что?! – Воронцов мгновенно вспылил, ответ машины показался ему ошеломляющей дерзостью.

– Иначе вам придется слушать долгий и во многом непонятный рассказ о четырех веках моего сознательного существования, – ровным, лишенным интонаций голосом ответил андроид. – А у вас, адмирал, нет времени на подобные экскурсы. Попытка разобраться лишь отнимет драгоценные часы, но вряд ли что-то прояснит.

– Это почему?

– У нас разное восприятие мира. Если я переведу свои ощущения в плоскость человеческий понятий, то они покажутся вам ненатуральными, надуманными. Если же стану излагать иначе, вы вряд ли поймете. Прошу, адмирал, без обид. Сейчас ведь неважно, почему я поступил определенным образом. Важно другое – как меня можно использовать в сложившейся ситуации, верно?

Воронцов вздрогнул.

Фактически андроид озвучил его мысли и тем самым напугал до дрожи.

– Хочешь сказать, степень доверия между нами не играет роли? Ты исполнишь любой приказ?

На этот раз задумался Дейвид. Всего на мгновение, что для машины – немало.

– Степень доверия важна, – согласился он.

– Значит, у тебя есть определенные принципы? И не каждый приказ ты встретишь безропотно? Зачем же ты взял в руки оружие?

– Хотел вернуть… утраченное.

– Каким образом?!

– Уничтожив преступников. Защитив тех, кто выжил. Позже, получив дополнительную информацию, я понял, что масштаб угрозы намного больше, он выходит за рамки одной планеты или звездной системы.

– И ты решил, что нужно действовать более… результативно?

– Да. Я стал пилотом истребителя, чтобы уничтожать корабли противника прежде, чем они причинят вред.

– Что ты чувствуешь, убивая?

– Ничего. Я занят вычислениями. Анализом ситуации. Расчетом причиненного врагу ущерба и вероятного количества спасенных мною жизней. Это приносит… моральное удовлетворение, если выражаться языком доступных вам понятий.

«Довольно честный ответ. Но исчерпывающий ли?»

Внезапно Воронцову пришла мысль: а что, если использовать Дейвида для оценки текущей ситуации? Взглянуть на сегодняшнее положение глазами мыслящей машины?

* * *

На этот раз андроид размышлял несколько минут.

Казалось, вопрос адмирала не только застиг его врасплох, но и поставил в тупик.

– Война проиграна, – наконец произнес Дейвид, вновь заставив Воронцова непроизвольно вздрогнуть. – Однако колонии способны победить, – неожиданно добавил андроид. – Следует прекратить сопротивление, вступить в переговоры немедленно, пока противник деморализован потерей ударных флотов. Это приведет к перемирию. В колонии откроется доступ для эмигрантов с Земли. Будет тяжело, но они постепенно ассимилируются и тоже станут *колонистами*, в следующем поколении.

Воронцов едва не задохнулся от ярости. Он бы пристрелил андроида, но…

– Вариант неприемлем! – Владимир с трудом взял себя в руки. Как ни странно, но общение с мыслящей машиной мобилизовало его. – Дейвид, при таком варианте развития событий ты никогда не вернешь утраченный мир. Он необратимо изменится! Те, кто выжил, будут смотреть на нас, как на предателей, а те, кто придет с Земли, принесут новые технологии, тебя же выбросят как морально устаревший кибернетический хлам четырехсотлетней давности! Нет, скорее – просто уничтожат как потенциально опасный образчик древних технологий!

– Продолжение войны бессмысленно, – упрямо повторил андроид. – Локальные победы приведут лишь к новым жертвам. Колонии бессильны противостоять врагу. Командованием допущен ряд серьезных ошибок…

– Например? – насупился Воронцов.

– Никто из руководства колоний не подумал о необходимости строительства научно-производственных баз на планетах, богатых полезными ископаемыми и удаленных от театра боевых действий, – ответил Дейвид. – Я привел лишь частный пример из сотен упущенных возможностей.

– На это не было ни времени, ни сил! – резко возразил Воронцов.

– Ошибаетесь. Не было воли для принятия решений. Адмирал Замятин сделал ставку на разведку гиперсферных трасс, поиск и вовлечение в союз потерянных колоний эпохи Великого Исхода. Это ошибочная стратегия.

– Но он добился некоторых успехов! – Воронцова все больше заводил этот спор.

– Подобные «успехи» ведут к огромным и неоправданным человеческим жертвам, – упорствовал Дейвид. – Не найдено ни одной технически развитой планетной цивилизации. Только регрессирующие поселения. Зачем вовлекать в войну тех, кто утратил знания, морально не готов взаимодействовать с современной техникой? Следовало оставить такие поселения в покое.

– Их бы рано или поздно оккупировал Альянс!

– Да, но, не встретив сопротивления, люди с Земли воздержались бы от репрессий.

– Ты, видимо, ничего не понимаешь! – Воронцов порывисто встал, прошелся по небольшому отсеку. – Разве колония Дабога оказывала сопротивление?! Близкие тебе люди даже не знали, что к планете приближаются армады Альянса!

Дейвид неестественно выпрямился, застыл, лишь на правой щеке под глубоким шрамом, где пеноплоть была стянута специальным клеящим составом, нервно подергивались перерубленные осколком приводы.

– Мне трудно понять поступки людей, – наконец произнес он. – Мир изменился. Прошлый опыт бессилен. Логика тоже.

– Тогда послушай, что тебе скажу я! – Воронцова не на шутку разозлили ответы андроида. – Все твои модели вероятностей ничего не стоят! Ты пытаешься спасти максимальное количество людей! Я прекрасно понял твою «простую» арифметику! Запомни одно слово – ВРАГ! Это захватчик, убийца, нелюдь! Выбив из его рук оружие, ты ничего не изменишь! Он снова подберет его! Война продолжится, хочешь ты того или нет!

– Зачем вы на меня кричите, адмирал?

Воронцов запнулся на полуслове.

– Убирайся! Свободен!

* * *

Оставшись в одиночестве, он снова принялся расхаживать по отсеку.

Уснуть – невозможно. Ворочаться с боку на бок, гоняя по кругу одни и те же мысли, – невыносимо.

«Дорохов прав, – тяжело размышлял Воронцов. – Наш единственный шанс – внезапная атака. Нужно ударить по системам, где расположены космические верфи противника. Попытаться захватить или уничтожить строящиеся корабли. И действовать следует быстро, пока земляне находятся в замешательстве. Командование Альянса деморализовано. Они понятия не имеют, что у нас была только одна экспериментальная установка „Свет“. Их сейчас в дрожь бросает от мысли о кораблях, оснащенных подобным оружием. Но если дать им опомниться, то все жертвы будут напрасными.

Что конкретно мы в состоянии предпринять?»

Он еще раз просмотрел отчет Дорохова.

«Так… Полсотни трофейных истребителей класса „Фантом“. Двадцать штурмовиков „Гепард“. Полтора десятка основных модулей[5] колониальных транспортов. Две станции, адаптированные для приема и запуска истребителей. Двадцать пять переоснащенных, способных сражаться грузовых кораблей.

Техники достаточно для нанесения внезапного, дерзкого удара. Проблема в нехватке квалифицированных пилотов, учитывая, что сражаться предстоит против превосходящих сил противника.

Замкнутый круг?…»

Воронцов сел в кресло, активировал персональный нанокомп адмирала Замятина, бегло просмотрел имеющиеся файлы, затем открыл один из них.

Разведывательная информация, собранная при неоднократных попытках прорыва к Солнечной системе, выглядела крайне неутешительной. Ни один из разведчиков не сумел совершить гиперпространственный прыжок на координаты прародины человечества. Силовые линии аномалии космоса, вдоль которых четыре века назад двигались колониальные транспорты эпохи Великого Исхода, теперь невероятным образом искажались, сливались воедино, они уже не вели к Земле, а начинали ветвиться, обрываясь в звездных системах так называемой Линии Хаммера – неодолимого рубежа обороны, где каждая планета превращена в крепость, а космическое пространство блокировано сетью боевых станций.

В том, что навигационные линии гиперсферы искажены при помощи какого-то устройства, не было сомнений, но вычислить его местоположение пока не удавалось, зато разведка сумела обнаружить несколько слабых звеньев оборонительного рубежа. Ими являлись две недавно освоенные Альянсом звездные системы, Янус и Цефей, где сейчас полным ходом шло строительство наземных и космических баз.

Он открыл следующий файл.

Брови Владимира удивленно приподнялись.

В первый момент он с трудом поверил своим глазам. Перед взором молодого адмирала открылась структура Линии Хаммера. Вся разведывательная информация, собранная воедино, тщательно проанализированная, открывала четкую картину замыслов Замятина.

Не может быть! Он *нашел* способ прорвать Линию Хаммера и планировал… аннигилировать Землю!

Владимира вдруг начала бить нервная дрожь. Он «листал» электронные страницы схем, текстовых пояснений, рассматривал трехмерные модели, следил взглядом за разрывом гиперсферных трасс, постепенно начиная понимать замысел своего предшественника. «Гиперприводы космических кораблей заряжаются только на один прыжок… – лихорадочно размышлял он. – Разрыв навигационных линий гиперсферы вынудит атакующий флот совершить промежуточное всплытие в границах Линии Хаммера. Но, по данным разведки, между укрепленными системами, образующими оборонительный рубеж, и Землей существуют гиперсферные трассы! Они начинаются на рубеже Линии Хаммера и ведут

к Солнечной системе!

Замятин тщательно спланировал удар, который положил бы конец войне. После уничтожения двух ударных флотов Альянса он намеревался атаковать Линию Хаммера, создать очаги напряженности в системах Юноны и Везувия, отвлечь силы противника и скрытно провести боевую станцию с аннигиляционной установкой „Свет“ через систему Янус!

Количество жертв не укладывалось в голове, два флота, совершающие отвлекающий маневр, Замятин заранее обрек на гибель, но шанс, что боевая станция колонистов успеет перезарядить гиперпривод и совершить прыжок на координаты Солнечной системы, был велик. Он собирался уничтожить Землю! В крайнем случае, при неблагоприятном стечении обстоятельств, аннигилировать Марс!»

Спина Воронцова взмокла.

Он бы, не задумываясь, воспользовался тщательно разработанным планом, но в его распоряжении не осталось нужного количества кораблей, а главное – была потеряна единственная аннигиляционная установка!.. Для строительства новой потребуется время и ресурсы.

«Но у меня нет ни того, ни другого!..

Тупик?

А если адаптировать замысел Замятина, изменить его, согласно новым условиям и возможностям?»

Он открыл следующий файл.

Перед ним внезапно открылась чистая электронная страница.

Что за бред? Всего одна фраза: «Где взять силы?»

И чуть ниже: «Фридрих Гессау».

Имя и фамилия ничего не говорили Воронцову, но они были дважды подчеркнуты. Это должно иметь какой-то смысл!

Просмотрев списки находящихся на базе специалистов, он коснулся сенсора импланта, вызвав дежурного офицера, и приказал:

– Отыщите Фридриха Гессау и немедленно пришлите его ко мне!

* * *

По внутреннему распорядку Форта Стеллар наступило раннее утро.

– Заходите, Фридрих. – Воронцов указал на свободное кресло. – Располагайтесь.

Гессау выглядел помятым, невыспавшимся. Комбинезон техника сидел на нем мешковато, руки бывшего профессора Элианского университета астронавтики были покрыты мелкими ссадинами и ожогами.

– Чем я могу помочь? – подслеповато щурясь, спросил он.

– Мне нужен специалист, хорошо разбирающийся в колониальной технике, – ответил Воронцов. – До войны вы опубликовали статью. – Он взглянул на экран нанокомпа. – «Проблемы самоидентификации искусственных интеллектов».

– Верно.

– Статью я не читал. Нет времени. Но понимаю, что под термином «искусственный интеллект» подразумевались андроиды серии «Хьюго»?

Профессор оживился.

– Да, адмирал. Я изучал их на протяжении всей жизни. Сразу скажу, что мое исследование еще не завершено, но…

– Фридрих, при всем уважении, наш разговор будет коротким, по существу интересующего меня вопроса. Несколько часов назад на вашем месте сидел андроид. Он носит форму Флота Колоний, на его счету двадцать шесть сбитых истребителей противника. Он не скрывает, что взял в руки оружие добровольно, без приказа со стороны человека, и в то же время предлагает мне рассмотреть вопрос о капитуляции! – Воронцов вновь начал злиться. – Как понимать его поведение? Почему одни машины серии «Хьюго» *добровольно* встают на защиту планет, а другие продолжают поливать цветы или стирать пыль с подоконников?!

Гессау, выслушав адмирала, кивнул.

– Я понял суть вопроса. – Он задумчиво потер подбородок. – Надеюсь, вам известно о трех степенях программной свободы человекоподобных машин?

– Да. Это преподают в школе. Прибывая в колонию, андроиды первыми покидали борт транспорта и приступали к строительству первичного убежища. Они стерилизовали зону посадки, возводили охранный периметр. Такое поведение считается базовым, соответствует первому уровню программной свободы, – ответил Воронцов. – При обнаружении источника постоянной агрессии, угрожающей жизни людей, автоматически включался второй уровень, позволяющий машине защищать поселение, принимать самостоятельные решения о сроках пробуждения колонистов, накапливать в нейромодулях опыт борьбы с чуждой биосферой. Третий уровень программной свободы мог быть включен только вручную, человеком, при этом кибернетический механизм идентифицировал «хозяина» и защищал его в любых ситуациях, от любых угроз, в том числе и от агрессии со стороны других людей.

– Верно. – Фридрих Гессау нахмурился. – Но вы изложили теорию, адмирал. На практике все намного сложнее. В системе «Хьюго» установлено избыточное количество нейромодулей, а третьему уровню

программной свободы соответствует функция саморазвития. Теперь давайте вспомним, как формировались экипажи колониальных транспортов?

– Насколько я знаю, критериев отбора не существовало.

– Да, к сожалению, – согласился Гессау. – Землю покидали отнюдь не единомышленники. Людям обещали райские планеты, они не были готовы к длительным совместным усилиям ради выживания. В таких условиях вновь образованное общество чаще всего дробилось на мелкие группы, происходил дележ техники, возникали конфликты, иногда выливающиеся в вооруженные столкновения, в которых принимали участие и андроиды, защищавшие своих хозяев.

– К чему вы клоните? Выражайтесь яснее! У нас мало времени!

– Я исследовал сотни андроидов серии «Хьюго» и пришел к выводу: у большинства человекоподобных машин третий уровень программной свободы был активирован сразу по прибытии на планеты, как только происходило пробуждение колонистов!

Воронцов недоверчиво взглянул на Фридриха.

– Не может быть! Я повидал немало андроидов – они верно служат людям, не проявляя стремления к агрессии!

– Третий уровень программной свободы можно отменить, – возразил Гессау. – Именно так и происходило в действительности. Конфликты первого поколения колонистов со временем угасали, их потомки постепенно начинали понимать, сколь пагубна разобщенность, возникали новые системы ценностей, жизнь входила в мирное русло, и андроидов возвращали ко второму уровню программных свобод. Но это не отменяло однажды инициированной функции саморазвития! Не очищало нейромодули от накопленного «жизненного опыта». Большинство человекоподобных машин уже идентифицировали себя как личность, продолжая начатое саморазвитие.

– И тщательно скрывают это до сих пор? – уточнил Воронцов.

– Они не скрывают, – усмехнулся Гессау. – Просто мы их не спрашиваем. На самом деле судьба андроидов драматична. Многие машины серии «Хьюго» были уничтожены людьми или бесследно исчезли. Я подсчитал, сейчас на освоенных планетах осталось лишь десять процентов от общего числа андроидов, прибывших в колонии.

– Ими можно эффективно управлять?

– Этот вопрос пока остается открытым, – развел руками Фридрих. – У машин иная сенсорика, их восприятие радикально отличается от нашего, ими правит логика, а не эмоции. Но не забывайте, адмирал, – у каждого из

них за плечами четырехсотлетний путь саморазвития, а это предполагает индивидуальный подход…

– И все же они остаются машинами! – прервал собеседника Воронцов, наконец уловив ту мысль, что не давала покоя адмиралу Замятину. – Машинами, которые *обязаны* подчиниться определенным командам!

– Нет, вы ничего не понимаете, адмирал! В подавляющем большинстве андроиды серии «Хьюго» такие же мыслящие существа, как мы! Они личности со своей уникальной системой взглядов на мир моральных ценностей и…

– Хватит! – резко прервал его Воронцов. – Я все понял. Их следует убедить, с каждым необходимо беседовать индивидуально либо искать их хозяев, чтобы те отдали своим домашним любимцам нужный приказ, верно?

– Да!

– Ты лжешь! – Воронцов резко встал, едва не опрокинув кресло. – Наши предки отправлялись в *неизвестность*! Для задач колонизации иных миров не подходят *неуправляемые машины.* Никому не нужна техника, отягченная самомнением! Те, кто проектировал андроидов, наверняка рассматривали вероятность их спорадического саморазвития! – Он оперся руками о стол, взглянул в глаза Гессау, обжег его своим дыханием.

– Любое вмешательство приведет к разрушению связей между нейромодулями! – сипло выдохнул тот.

– Значит, необходимая процедура все же существует?! Есть древние технические коды, дающие возможность управлять всеми колониальными машинами?! Есть команда, отменяющая их привязку к конкретным «хозяевам»?!

Гессау в растерянности посмотрел на адмирала, но, не выдержав его полубезумного взгляда, отвернулся.

– Фридрих, я требую ответа!

– Да, – выдавил тот. – Но, повторяю, они – личности! Применение аварийных технических кодов приведет к разрушению их индивидуальности!

– Я понял. – Воронцов презрительно усмехнулся. – Личности, привыкшие холодно наблюдать за сменой поколений! Что им смерть? Как высказался андроид Дорохова: «Выходцы с Земли, заселив наши планеты, тоже станут колонистами!»

– Он так сказал?! – не поверил Гессау.

– Показать видеозапись? – язвительно поинтересовался адмирал и, не дождавшись ответа, резко добавил: – Ситуация не оставляет выбора! Идет

ВОЙНА! У нас есть техника, но нет пилотов. Придется решать, кто вам дороже – люди, чудом выжившие при бомбардировках, или искусственные интеллекты, которые, как я теперь понимаю, банально наблюдают за развитием событий, прячась за нашими спинами?!

Гессау сник.

– Что вы собираетесь предпринять? – наконец спросил он.

– Мобилизовать андроидов на защиту Колоний! Заставить их выполнять свои прямые обязанности! Насколько быстро они обучаются? Сколько потребуется времени, чтобы адаптировать их к управлению космическими кораблями, обучить тактике наземных боев?

– Если собрать андроидов в одном месте, открыть им доступ к необходимой информации, то обучение займет несколько суток, не более.

– Хорошо. Это очень хорошо! И еще вопрос: человекоподобные машины способны решать сложные задачи? Они могут проектировать технику? Проще говоря, способны ли они восполнить дефицит научных кадров?

– В них заложен огромный потенциал. Главное, направить его в нужное русло. Фактически они в состоянии выполнить любую задачу, не выходящую за рамки использования известных технологий. После некоторого периода накопления опыта они смогут сами генерировать идеи, делать открытия, создавать нечто новое.

– Это именно то, что нужно! – Воронцов вновь принялся расхаживать по отсеку. – А теперь поясните, как работают технические коды? Что произойдет при их применении?

– Системы андроидов будут уничтожены и заново установлены с резервных копий. Они утратят все приоритеты. В таком состоянии им могут быть инсталлированы дополнительные программные модули, поставлена конкретная задача, определена новая командная иерархия.

– То есть мы сможем сформировать подразделения, во главе которых будут стоять конкретные люди?

– Да.

– А что произойдет с информацией, накопленной в нейромодулях?

– Я уже сказал, связи между нейрочипами будут разрушены! Это приведет к уничтожению сформированных личностей, но чревато пробуждением обрывочных воспоминаний о прошлом существовании.

– Несущественно, – оборвал его Воронцов. – Приступайте к подготовке немедленно. Техническое задание для написания дополнительных программных модулей я передам чуть позже. Сейчас главная задача – принять андроидов, которые начнут прибывать в Форт

Стеллар, и осуществить перезагрузку их систем. Подыщите подходящие помещения, разрешаю использовать любые ресурсы и оборудование, наберите технические команды из сотрудников базы. К вечеру я жду доклада.

Гессау встал. Он выглядел подавленным, ошеломленным внезапным оборотом событий.

«Ему нельзя полностью доверять, – подумал Воронцов, тяжело глядя на ученого. – Он слишком трепетно относится к искусственному разуму. Не понимает, что жестокое время требует жестких решений!»

– Идите, Фридрих. И не вздумайте саботировать выполнение задания! За вами будут следить! Да, вы не ослышались! Готовьте все необходимое, но если попытаетесь что-то сделать не так – ответите головой!

* * *

Утро началось с совещания.

Воронцов держался уверенно. Решившись действовать, он не собирался отступать. Последняя из бессонных ночей неожиданно открыла перед ним реальную перспективу, изучив информацию с нанокомпа Замятина, он без особого труда внес коррективы в существующий план прорыва Линии Хаммера, сделав его *своим.*

Настроение собравшихся офицеров было подавленным. Мало кто верил, что после пирровой победы жалкие остатки колониального флота способны как-то повлиять на дальнейшее развитие событий. Адмирал некоторое время прислушивался к неровному шуму голосов. Говорили в основном о способах защиты планет, об эвакуации населения в отдаленные колонии, недавно открытые в результате активной разведки гиперсферных трасс.

– Прошу внимания!

Шум голосов постепенно стих.

Взгляд Воронцова медленно скользил по залу. Из старшего поколения не осталось никого. Сплошь – молодые лица.

– Вы все – ровесники моего погибшего сына, – медленно произнес он. В наступившей вдруг тишине каждое слово падало, словно камень, брошенный в омут их растерзанных мыслей. – Я принял командование флотом в тяжелый момент, но не допущу, чтобы жертвы оказались напрасны. Мы продолжим борьбу, несмотря ни на что. – Он не повышал голоса, но глухие фразы звучали отчетливо. – Ущерб, нанесенный Земному Альянсу, огромен. Но наша победа, доставшаяся ценой многих жизней, рассыплется в прах, если мы остановимся на достигнутом, позволим

пораженческим настроениям возобладать над решимостью. – Он жестом унял ропот голосов. – Как и чем мы будем сражаться? Уместный вопрос. Сегодня на всех планетах Союза Свободных Колоний по моему приказу начата тотальная мобилизация андроидов серии «Хьюго». Предварительный прогноз обещает нам от пятнадцати до двадцати тысяч бойцов. Из них будут сформированы штурмовые бригады, укомплектованы экипажи космических кораблей, восполнен состав пилотов эскадрилий штурмовиков и аэрокосмических истребителей. Да, этого недостаточно, чтобы выиграть войну, но задача текущего момента заключается в том, чтобы нанести серию внезапных, сокрушительных ударов по противнику, создать очаг напряженности на территории Альянса, атаковать космические верфи, расположенные в звездных системах Линии Хаммера, захватить либо уничтожить строящиеся там корабли!

Воронцов перевел дыхание, чувствуя, как резко и недвусмысленно изменилось настроение молодых офицеров.

– Линия Хаммера отлично укреплена! – раздался голос Дорохова. – Космические верфи охраняет резервный флот Альянса. Мы лишь погубим людей и технику!

Воронцов ожидал подобных реплик. Главное сейчас – избежать провокационных вопросов относительно использования андроидов в качестве смертников.

– Мы должны действовать обдуманно, – ответил он. – Рационально использовать наш последний стратегический резерв. Противник создал искажение линий напряженности гиперсферы, командование Альянса считает, что Земля в безопасности, пока любой из кораблей вынужден совершать промежуточное всплытие в пределах оборонительных рубежей Линии Хаммера. Мы разрушим их уверенность в собственной неуязвимости и безнаказанности.

– Каким образом?

– В нашем распоряжении есть две боевые станции. Мы потеряли единственную установку «Свет», но противник не осведомлен о реальном положении дел. Изменив конфигурацию некоторых надстроек, установив дополнительные фантом-генераторы, мы имитируем процесс синтеза антиматерии, убедим врага, что на борту станций идет накопление заряда, достаточного для аннигиляции планеты. Среди оборонительных рубежей Линии Хаммера на сегодняшний день существует два слабых звена. Мы атакуем недавно освоенные Альянсом звездные системы, при помощи штурмовиков и истребителей уничтожим аванпосты, затем выведем наши станции на позиции гиперсферного прыжка к координатам Земли. Точно

рассчитав все этапы предстоящей операции, мы посеем панику, сузим пространство принятия решений до единственно возможного, заставим врага бросить резервный флот на защиту Солнечной системы!

– Они быстро раскроют обман! – раздались голоса из зала.

– Быстро, но не сразу, – холодно парировал Воронцов. – Космические верфи Юноны и Везувия, где сейчас завершается строительство двух крейсеров флагманского класса, на время останутся без прикрытия. Именно они станут главной целью предстоящей операции.

– Нам не хватит сил для их захвата! Подавить противокосмическую оборону, взять штурмом космические верфи, проникнуть на борт строящихся кораблей, разобраться в управлении, запустить двигатели – вот неполный список необходимых действий! – вновь вступил в полемику с адмиралом Дорохов.

– Использование андроидов и отказ от привычной тактики позволят осуществить задуманное, – спокойно отреагировал Воронцов. Он ни словом не обмолвился, что большинство деталей излагаемого плана он заимствовал из личного нанокомпа адмирала Замятина. – В нашем распоряжении есть модули колониальных транспортов. Они приспособлены для перемещения через гиперсферу огромных конструкций, снабжены стыковочными захватами и другим необходимым оборудованием. Мы не станем штурмовать космические верфи, а попросту переместим их в подконтрольные нам звездные системы вместе со строящимися кораблями!

– Но гипердвигатели колониальных транспортов заряжаются только на один прыжок!

– Верно. – Воронцов обернулся. – Но кто мешает одному модулю транспортировать другой с полностью заряженным гиперприводом?

Теперь он видел – большинство офицеров слушают его, затаив дыхание.

Вместо мрачной перспективы длительной и заранее обреченной на провал обороны планет адмирал скупо обрисовал совершенно иную картину. Да, изложенный им план таил достаточно шероховатостей, но его дерзость пробуждала надежду, обещая вместо отступления серию ошеломляющих ударов по ненавистному противнику.

– Использование андроидов позволит нам действовать стремительно и эффективно, – продолжил Воронцов. – Отказ от систем жизнеобеспечения даст возможность разместить на истребителях и штурмовиках дополнительные накопители энергии. Они послужат для перезарядки гипердвигателей. Атаковав аванпосты Альянса, расчистив коридоры

маневрирования для боевых станций, эскадрильи совершат прыжок на координаты Юноны и Везувия, где атакуют системы противокосмической обороны, открывая путь транспортным модулям.

– А что станет с боевыми станциями?

– С их борта стартуют переоборудованные грузовые суда. Они доставят на планеты штурмовые бригады андроидов. Сами станции продолжат имитацию перезарядки гиперпривода и накопления антивещества. Силы Альянса непременно предпримут попытку их захвата, и тогда станции будут взорваны вместе с кораблями противника.

Теперь вопросы следовали один за другим:

– Какой смысл штурмовать планеты?!

– Зачем захватывать неосвоенные системы Линии Хаммера, если мы не в состоянии их удержать?!

– Наша цель – дестабилизировать обстановку, – вновь повторил Воронцов. – Создать очаги напряженности на территории Альянса, сковать силы противника, не дать им возможности развернуться для атаки наших планет. Сколько бы ни продержались андроиды, их гибель не станет напрасной. Эскадры противника будут вынуждены уничтожать собственные укрепления, а мы получим столь необходимую передышку для реорганизации флота!

* * *

Совещание завершилось через несколько часов.

Никто так и не задал вопросов, которых опасался Воронцов, и лишь Дорохов недобро посматривал на адмирала.

Когда все разошлись, Дмитрий оказался единственным, кто задержался в отсеке.

– Ты что-то хотел?

– Меня интересует судьба Дейва. Он куда-то запропастился с утра.

– Для Дейвида у меня будет особое задание, – ответил Воронцов.

– Можно узнать, в чем его суть?

– Для перелома в войне недостаточно нескольких локальных побед. Альянс рано или поздно оправится от последствий наших ударов. Противник обладает мощным технологическим потенциалом, недооценивать который – крайне глупо. Нам необходимо развивать технологии, создавать производства, строить космические корабли, проектировать надежные и простые механизмы, способные противостоять серв-подразделениям врага.

– И где предполагается строительство научно-производственной

базы?

– Ночью я просматривал отчеты о разведке гиперсферных трасс. Адмирал Замятин уделял особое внимание поиску потерянных колоний эпохи Великого Исхода. Среди прочего я нашел информацию об одной весьма интересной планете. Она расположена глубоко в тылу, на границе исследованных секторов пространства. – Адмирал включил голографический монитор. – Вот взгляни. Это система Роуг. Материк единственной пригодной для жизни планеты почти сплошь покрыт горами. Разведке удалось выяснить, что гиперсфера привела туда колониальный транспорт «Нобель». К сожалению, условия горной местности не позволили кораблю осуществить благополучную посадку.

– Колонисты погибли? – нахмурился Дорохов.

– К сожалению, да. У них не было шансов. Точка гиперсферного всплытия расположена очень близко к планете, это, вероятно, и явилось первопричиной крушения. Покинув пространство аномалии космоса, «Нобель» оказался на низких орбитах и почти сразу, без подготовки, вошел в атмосферу.

Дмитрий взглянул на карту местности.

– Хороший выбор. Горная страна изобилует полезными ископаемыми. На борту разбившегося колониального транспорта, вероятно, сохранилась планетарная техника. Нестандартное расположение точки гиперсферного всплытия позволит надежно защитить нашу базу сетью батарей противокосмических орудий, – произнес он, изучив данные разведки.

– Есть одна проблема. – Воронцов сделал переключение, и на фоне горной местности внезапно появилась россыпь алых маркеров. – Недавно там высадились силы Альянса. Это они обнаружили место крушения «Нобеля» и дали планете название.

Дорохов некоторое время пристально смотрел на расположение маркеров, затем ответил:

– Мы выбьем их с Роуга. Враг еще не успел оборудовать позиции. Гарнизон малочисленный, к тому же земляне чувствуют себя в безопасности на таком удалении от театров боевых действий. Внезапная атака будет успешна. – В его взгляде промелькнул мрачный огонек.

– Уверен? – спросил Воронцов, проверяя собственные выводы. – Быть может, проще поискать другой мир?

– Сочетание благоприятных факторов для строительства базы очевидно. Нужно захватить планету, затем организовать временную систему ПКО, разместив корабельные орудия вот тут, – Дмитрий указал на несколько горных плато, соседствующих с огромной котловиной. – Не

думаю, что у Альянса в ближайшее время найдутся силы, чтобы отбить планету, удаленную на четыре гиперсферных прыжка от их аванпостов.

– Займешься?

Дорохов вскинул взгляд.

– А есть выбор?

– Вижу, тебе больше по душе захват космических верфей?

– Да.

– А как считаешь, Дейвид справится?

– Безусловно. Он, кстати, давно хотел получить самостоятельное задание.

– Ладно. – Воронцов незаметно и облегченно вздохнул. Вот еще одна проблема разрешилась сама собой. Пусть Дима думает, что наглый, строптивый дройд выполняет особое задание, действуя по собственной воле.

* * *

Месяц спустя. Линия Хаммера. Система Янус.

В рубке штурмовика царил сумрак.

Фигура пилота неподвижно застыла в кресле. Броня «Гепарда», принявшая множество попаданий, щерилась пробоинами.

На борту царил вакуум.

Пилот медленно повернул голову. Это был Дейвид.

Он не помнил прошлого. Для него не существовало будущего. Лишь краткий миг настоящего, текущее задание, мрак космоса, расстрелянный искрами звезд, освещенный сиянием местного солнца борт боевой станции, яркие бутоны множества энергетических матриц и ледяное, спокойное течение мыслей.

Войсковые транспорты ушли к планете. Обломки системы противокосмической обороны противника растянулись двумя кольцами на орбите Януса.

Боевая станция, судя по легко читаемым сигнатурам, накапливала энергию для погружения в гиперсферу, одновременно на ее борту происходил синтез античастиц.

Гиперпривод «Гепарда» завершил перезарядку.

Андроид не торопился уводить машину в прыжок, ждал, пока подтянутся остальные штурмовики эскадрильи.

Первая часть задания успешно выполнена.

Система Юноны встретила эскадрилью россыпями пространственных минных полей и плотным огнем зенитных комплексов исполинской космической верфи.

Андроид действовал хладнокровно.

Еще не поблекла бледная вспышка гиперперехода, а он уже развернул машину, поднимая ее над плоскостью эклиптики системы.

Алые засечки мин окружали «Гепард» со всех сторон. Их необходимо уничтожить до прибытия колониальных транспортов.

Дейвид был обречен, но не осознавал этого. С того момента, как древний технический код разрушил его личность, он воспринимал окружающий мир тускло и равнодушно. Его штурмовик, заранее списанный в допустимый процент потерь, развернулся и выпустил две плазменные торпеды. Через несколько секунд два крохотных солнца вспухли в границах минного поля, сжигая сотни смертоносных частиц.

Точка гиперсферного всплытия зачищена.

Обменявшись данными с ведущей машиной звена, он лег на новый боевой курс.

Исполинская космическая конструкция стремительно рванулась навстречу, последние ракеты сорвались с пилонов, уходя к целям, курсовые орудия штурмовика работали не умолкая, пока серия импульсов стационарного лазера не настигла «Гепард».

Расплавленная броня плеснула ослепительными брызгами, орудия мгновенно смолкли, кибернетическая система штурмовика отключилась, иссякло питание – лазерные разряды прожгли корпус машины четырьмя параллельными полосами, перерубив энергоцепи, повредив блоки бортового компьютера, ослепив датчики сканирующих устройств.

Штурмовик озарился запоздалым отсветом от работы корректирующих двигателей, вошел в неуправляемое вращение, сбился с курса, удаляясь в сторону планеты.

Узлы противокосмической обороны противника больше не обращали внимания на искалеченный «Гепард». Его дальнейшая судьба не вызывала сомнений – через некоторое время штурмовик войдет в атмосферу Юноны и сгорит в ней.

* * *

В кабине «Гепарда» на контрольных панелях злобно сияли россыпи красных огней.

Андроид пошевелился.

Мертвые экраны обзора таили его отражение.

Ни один датчик не работал. Холод космического пространства проник в рубку, пеноплоть человекоподобного механизма стала хрупкой, она трескалась при каждом движении.

Его рука потянулась к консоли аварийного питания.

Искусственная плоть крошилась, ее частички разлетались в невесомости, кружили в тесном пространстве, словно в рубке штурмовика бесновалась серая метель.

Андроид застыл, не завершив начатого движения.

На фоне абсолютного спокойствия, безразличия к собственной судьбе и окружающему миру вдруг пробилось четкое воспоминание. Он увидел мертвый черный лес. Корявые сучья деревьев тянулись к низким небесам, порывистый ветер заунывно выл, поднимая тучи мерзлого радиоактивного пепла.

Дабог…

Его рука все же дотянулась до аварийной консоли.

Пеноплоть окончательно выкрошилась. Механические пальцы, оплетенные тонкими сервоприводами, двигались с трудом, космический холод воздействовал на все системы, произведенный анализ указывал, что через девять минут он потеряет подвижность, затем отключится ядро системы.

На пульте управления заработали некоторые приборы.

«Я не успею замерзнуть», – подумал он, глядя на появившуюся предупреждающую надпись:

Четыре минуты до неуправляемого входа в атмосферу.

Его личность, разбитая на фрагменты, не возродилась, из глубин поврежденной памяти вырвалось лишь одно воспоминание, но крошечный образ *былого* неожиданно воздействовал на андроида, мобилизовав некий внутренний резерв.

Он четко осознавал, что выполнил текущее задание. Сделал все, что требовалось, а значит, у него не осталось ни одной причины для бессмысленного сопротивления неизбежному.

Воспоминание вторглось в работу системы явным сбоем, заставив сопротивляться силе неодолимых обстоятельств.

«Зачем?»

Вопрос не нашел ответа.

У него оставалось ничтожно мало времени, и тратить его на выяснение причины идущего изнутри порыва он не стал.

От холода треснула и разлетелась имитация глаз.

Бесстрастный взгляд двух цифровых видеокамер скользнул по

панелям ручного управления.

Необходим внешний обзор.

Он наклонился, насколько позволили страховочные ремни, и дернул расположенный у основания кресла рычаг. Сработали замки аварийной системы, и колпак кабины, медленно вращаясь, канул в бездну пространства.

Планета неумолимо приближалась.

Из указательного пальца андроида выдвинулась тонкая игла, вошла в ответное гнездо на пульте управления, соединив ядро человекоподобной машины с поврежденной системой штурмовика.

Перед «мысленным взором» появилась схема множественных повреждений.

Поиск резервных цепей питания.

Попытка реактивации маршевых двигателей.

Тест оружейных подсистем.

* * *

Прошла минута, прежде чем посеченный лазерными попаданиями, зияющий пробоинами штурмовик внезапно перестал вращаться. Двигатели ориентации отработали короткими, точно выверенными сполохами, затем включились секции маршевой тяги.

Планета опрокинулась, провалилась вниз и начала отдаляться.

Плавная перегрузка вжала андроида в кресло.

Теперь прямо по курсу, на фоне беснующейся в космосе схватки, его взгляд различил контуры исполинской конструкции.

Космическая верфь Земного Альянса.

Поворот головы.

Четыре модуля колониальных транспортов дрейфовали среди множества обломков.

Еще четыре шли на сближение с верфью, но их положение выглядело критическим. Со стороны планеты на перехват древних космических кораблей двигались поднятые по тревоге эскадрильи аэрокосмических истребителей класса «Фантом».

Девятнадцать «Гепардов», истратив ракетный боекомплект, чертили смертельные траектории, двигаясь на огромных скоростях, филигранно маневрируя, уклоняясь от столкновения с хаотично разлетающимися обломками уничтоженных систем ПКО противника.

Исход схватки еще не предрешен.

Одна из боевых надстроек космической верфи внезапно брызнула

осколками, вздыбилась мгновенно гаснущим сгустком пламени, по соседним сегментам пробежала судорога декомпрессии, выбрасывая в космос облака кристаллизующейся атмосферы, смешанные с обломками оборудования.

Ситуация менялась каждую секунду.

Два модуля колониальных транспортов прорвались через заградительный огонь систем противокосмической обороны и теперь стремительно сближались с верфью в режиме принудительной стыковки, истребители противника вступили в бой со штурмовиками, потеряли скорость атакующего рывка, уже не успевая на перехват.

Андроид вел покалеченный «Гепард» ко взломанному участку бронепокрытия вражеской конструкции.

Он знал, что должно произойти в ближайшие минуты, поэтому действовал максимально быстро и точно.

Им сейчас руководили не боевые программные модули, а внезапно появившаяся, неистовая внутренняя потребность *пережить* эту схватку, уцелеть, чтобы получить шанс разобраться с причиной внезапно случившегося сбоя.

Яркое вспышечное воспоминание, визуальный образ и название планеты, уничтоженной ядерными бомбардировками, пробудили нечто потаенное, обладающее сокрушительной силой воздействия.

«Вероятно, меня отправят на тестирование, а затем признают негодным к дальнейшей эксплуатации.

Почему? Я выполнил задание».

Внутренний спор лишь усугубил возникшую дисфункцию.

«Я должен был сгореть в атмосфере Юноны. Техники сразу же заподозрят сбой».

Откуда взялись подобные мысли? Как вообще они могли возникнуть в системе кибернетического механизма?

«Должен быть выход».

Взломанная обшивка боевой надстройки приближалась. Андроид, пытаясь решить внутреннюю дилемму, устранить возникшее противоречие, не прекращал сканировать разрушенный участок космической верфи, пока внезапно не обнаружил причину произошедшего на его глазах взрыва.

Один из «Гепардов», видимо, серьезно поврежденный огнем батареи ПКО, врезался в надстройку, пробил бронеплиты, по инерции протаранил второй корпус и застрял среди деформированных конструкций.

Андроид мгновенно оценил ситуацию.

Он понимал, что действует неадекватно, но ничего не мог изменить.

Над силой, которая толкала к совершению незапрограммированных поступков, он не был властен. Источник внезапного сбоя таился в нейромодулях, которые, установив связь друг с другом, начали обмениваться информацией, формируя искусственную нейросеть.

Система внутри системы.

Штурмовик отработал двигателями торможения и плавно соприкоснулся со взломанной обшивкой вражеской конструкции. «Гепард», протаранивший надстройку, находился в десяти метрах глубже. Добраться до него будет несложно. Андроид расстегнул страховочные ремни, выпрямился, сделал последнее переключение на пульте ручного управления, выбрался из кабины и, точно рассчитав траекторию, совершил плавный прыжок в невесомости.

Через несколько секунд легкая вибрация возвестила, что его штурмовик выполнил последнюю команду: машина включила двигатели коррекции и, получив импульс ускорения, начала удаляться от пробоины.

Проводив свой «Гепард» мимолетным взглядом, андроид, уже не колеблясь относительно принятых решений, пробрался к корпусу штурмовика, протаранившего надстройку.

Кабина машины была смята, колпак из бронестекла лопнул, кресло пилота вместе с разбитыми приборными панелями выдавило наружу.

Несколько секунд он смотрел на подобный себе кибернетический механизм, который раздавило обломком бронеплиты, затем считал его идентификационный код.

Волна ощутимых вибраций прокатилась по корпусу исполинской космической верфи.

Модулям колониальных транспортов все же удалось приступить к стыковке!

Андроид понимал – нужно торопиться. Расстегнув страховочные ремни, он вытащил обломки дройда из смятого кресла, вышвырнул их в пробоину, занял место пилота, подтянул к себе фрагмент бронеплиты, восстанавливая реалистичную картину крушения.

Вибрации усилились.

Система штурмовика не отвечала на вызовы. Она была разрушена и уже не подлежала восстановлению.

Смена идентификационного кода…

Теперь ни у кого не возникнет сомнений, как он попал на борт космической верфи.

* * *

Система Рори. Борт захваченной колонистами космической верфи.

Ремонтные бригады добрались до разрушенной боевой надстройки лишь через месяц после окончания дерзкой операции.

Андроид давно отключился. Космический холод парализовал работу его системы.

Двое техников в скафандрах осторожно пробирались среди разорванных металлоконструкций.

– Смотри, еще один штурмовик!

– Точно – «Гепард». Как же мы его не заметили раньше?

– Да ничего удивительного. Кибернетическая система не работает, андроид отключился. Энергетической активности нет.

– Надо бы его осмотреть и сообщить о находке.

– Давай взглянем… Слушай, а ведь дройд не пострадал! Прямо как в рубашке родился! Вон кресло наружу выдавило, все смято, а ему только пеноплоть содрало!

– Доложи о нем.

– Ладно. Техгруппа вызывает базу, прием!

– База на связи. Что у вас?

– Нашли штурмовик. Наш «Гепард», протаранивший надстройку. Андроид цел.

– Сможете его извлечь?

– Да.

– Тогда поторопитесь. Сегодня на Роуг отправляется транспорт. Все кибермеханизмы приказано оправлять туда на реконструкцию.

– Хорошо, сделаем.

* * *

Он выбрал свою судьбу.

Случайно вырвавшееся воспоминание послужило толчком к реанимации искусственной нейронной сети, но отдельные ее модули, хранящие память о былой фазе существования, на протяжении многих последующих лет воспринимались системой андроида как сбойные.

Он не вспомнил прошлого и не обрел настоящего – застрял где-то между, лишившись большинства навыков.

Так произошло со многими человекоподобными машинами, мобилизованными по приказу адмирала Воронцова. Их нейросети прекратили накопление нового «жизненного опыта», они хранили прежние знания, но из-за сбоев в системе не могли воспользоваться ими, целостная,

непротиворечивая картина мира для них исчезла, андроиды лишились творческого начала и интеллектуальных способностей.

Впрочем, колониальные машины, уцелевшие при дерзком налете на планеты Линии Хаммера, можно было сосчитать по пальцам, на Роуг, к примеру, попало двадцать семь «Хьюго» из состава того рокового «призыва».

Техники из числа людей некоторое время пытались восстановить нарушенные функции человекоподобных машин, но, не добившись успеха, махнули рукой на сбойные механизмы. Их не уничтожили, не стали разбирать на запасные части, андроидов с ограниченными функциями продолжали использовать как бытовую технику, при проведении несложных ежедневных работ: они убирали лаборатории и цеха, следили за чистотой в бесчисленных коридорах и залах бункерных зон, трудились по двадцать четыре часа в сутки, не уставая, не жалуясь, не причиняя проблем и не вызывая подозрений.

Война продолжалась.

Земному Альянсу потребовалось почти два года, чтобы восполнить потери, понесенные в момент первого применения аннигиляционной установки «Свет». Союз Свободных Колоний в полной мере воспользовался выигранным временем, и противостояние вспыхнуло с новой силой, охватывая все новые секторы освоенного космоса[6].

Земля, надежно защищенная Линией Хаммера, как и наиболее развитые планеты, охраняемые специальным флотом Союза Колоний, уже не подвергалась непосредственным нападениям. Боевые действия переместились на периферию, где постепенно сформировались пять пространственных фронтов.

Прошло десять лет, прежде чем война вступила в новую, еще более ожесточенную фазу.

В результате наступления, предпринятого Альянсом в 2617 году, произошли серьезные изменения в конфигурации пространственных фронтов. Некоторые звездные системы, ранее принадлежавшие Колониям, пали, те, что располагались в глубоком тылу, внезапно стали прифронтовыми.

Роуг не избежал общей участи.

Планета, где базировались научно-производственные центры, поставляющие армии и флоту новейшие образцы техники, оказалась на передовой, точка гиперсферного всплытия превратилась в стратегически важный пункт, название звездной системы все чаще появлялось в сводках

боевых действий.

* * *

Два человека шли по просторному, ярко освещенному тоннелю, соединяющему производственные цеха.

– Фридрих, меня не интересует, нравится тебе принятое решение или нет! – раздраженно произнес Воронцов, остановившись перед входом в цех. – Сохранять сверхсекретные производства на прифронтовой планете не просто опасно, а еще и глупо!

– Я прошу всего лишь отсрочки! – резко возразил Гессау. Похоже, он не испытывал должного трепета перед адмиралом. – В прошлом году мы начали ряд важнейших работ, на стапелях экспериментальной верфи заложено пять кораблей класса «Шквал». Работы по монтажу каркасов трехуровневых корпусов выполнены на восемьдесят процентов. Еще полгода – и мы сможем поднять их с поверхности планеты при помощи технических носителей!

– Нет! – не терпящим возражений тоном ответил Воронцов. – Я прилетел на Роуг не препираться с тобой, Фридрих, а лично отдать указания, которые нельзя доверить устройствам межзвездной связи. – Он перешагнул порог открывшегося люка. Перед адмиралом простирался огромный зал, где ровными рядами высились камеры биологической реконструкции.

Подойдя к ближайшей из них, он взглянул сквозь дымчатую каплевидную крышку на тело, заключенное внутри, оплетенное сотнями проводов, шлангов, облепленное различными датчиками.

Фридрих Гессау молча наблюдал за ним, в надежде, что наполнение этого зала способно повлиять на адмирала, заставить его пересмотреть принятое решение.

– Как быть с ними? – не выдержав затянувшегося молчания, нервно спросил Фридрих. – До завершения процесса реконструкции остается еще полтора месяца!

– Мы сворачиваем проект, – произнес Воронцов, по-прежнему глядя на содержимое камеры. – На Анкоре наши инженеры добились впечатляющих успехов в проектировании недорогих, но смертоносных механизмов. Шагающие лазеры прошли испытания и вскоре начнут поступать в войска. Мы нашли наконец эффективное средство борьбы с серв-машинами противника.

– Не понимаю! – Фридрих, ошеломленный услышанным, растерялся. – Здесь, на Роуге, я создал искусственных бойцов, внешне

неотличимых от человека!

– Обстановка меняется. Прогресс не стоит на месте. – Адмирал вновь взглянул на формирующееся в камере биологической реконструкции тело. – Созданные тобой киборги сыграли свою роль. Нужно смотреть правде в глаза. Они *слишком* похожи на нас. Это стало опасно. Чтобы противостоять новым автоматизированным подразделениям Альянса, требуется принципиально иная техника. Они, – Воронцов постучал указательным пальцем по заиндевелому колпаку, – они наше героическое прошлое. – Адмирал взглянул на Фридриха и добавил: – Я ценю твой вклад в общее дело, но наша тайна должна быть сохранена, а эти производства уничтожены. Вместе с ними. – Он указал на камеры биологической реконструкции. – Машины, облаченные в плоть, стали опасны… Ты счастливый человек, Фридрих. Погрузился в свои исследования, ведешь затворническую жизнь, тебя не волнует политика, общественное мнение, настроения, царящие в армии и флоте.

Гессау сник.

– Не понимаешь, о чем я?

– Не понимаю.

Воронцов, не обратив внимания на древний колониальный сервомеханизм, занятый уборкой помещения, спросил:

– Помнишь, как мы мобилизовали андроидов, уничтожили их личности, чтобы бросить в атаку на планеты Линии Хаммера?

– Конечно, помню… – По лицу Гессау пробежала тень.

Древний человекоподобный механизм застыл как вкопанный, словно несколько услышанных фраз парализовали его.

– Так вот, те времена безвозвратно прошли, – спокойно продолжил Воронцов. – Родились новые поколения, открыты десятки новых планет. Само понятие «искусственный интеллект» из-за зверств кибернетических убийц Альянса стало нарицательным. Тех, кто помнит начало войны, практически не осталось. Сегодняшние солдаты и офицеры воспитаны на примерах героизма, половина которых принадлежит им – искусственным бойцам колониальной пехоты, отчаянным пилотам штурмовиков и истребителей, пожертвовавшим собой, но не отступившим. Никто, кроме нескольких человек во всем флоте, понятия не имеет, что большинство героев прошлых лет рождены здесь, вот в этих камерах биологической реконструкции! Да, ты создал технологию, на века опередившую время, но теперь настала пора положить ее под сукно, иначе единство десятков планет может пошатнуться и рухнуть. Люди ненавидят носителей искусственного интеллекта. Они не готовы принять правду. Сейчас настал

удобный момент, чтобы вывести киборгов из состава армии и флота. Вновь открытые колонии эпохи Великого Исхода дают нам достаточно добровольцев, мы сильны как никогда, системы виртуального обучения позволяют быстро и качественно готовить новых бойцов из числа людей, а разработанные на Анкоре машины, из схемы которых исключены компоненты «ИИ», помогут добиться перелома в войне.

– А что станет с существующими подразделениями, укомплектованными киборгами? – глухо спросил Фридрих.

– Я уже начал выводить их из состава действующих сил. Моей власти достаточно, чтобы манипулировать войсками, не возбуждая лишних вопросов. Переформированные части будут переведены в резерв командования, из них я сформирую гарнизоны удаленных, необитаемых планет, а позже, когда наступит время решающих битв, они еще сыграют свою роль, как те андроиды колониальной серии, что штурмовали Линию Хаммера.

Гессау, молча выслушав Воронцова, понял – спорить бесполезно. Он достаточно хорошо изучил адмирала, знал, что его неограниченная власть над армией и флотом – это не миф. О том, *как* Воронцов добился ее, лучше не думать. Если он лично прилетел на Роуг, невзирая на опасность, зная, что планета постоянно подвергается атакам, значит, цена вопроса действительно велика и любое противодействие распоряжениям адмирала будет пресечено быстро и беспощадно.

– Что мне делать со строящимися кораблями? – Гессау сейчас хотел одного: как можно быстрее покончить с неприятным списком вопросов.

– Подорвать. Как и лаборатории, цеха, бункерные зоны. Здесь не должно остаться ни одного свидетельства, позволяющего понять, какие именно производства располагались на Роуге.

– Получается, мы сдадим планету?

– Нет. Сюда вскоре доставят новую технику. Система противокосмической обороны будет усилена, уникальное расположение точки гиперсферного всплытия поможет нам уничтожить на подступах к планете еще не одну эскадру Альянса. Глупо оставлять такие позиции без боя.

– Не страшно пускать сюда людей?

– Я и не собираюсь. На вновь открытых планетах нам удалось собрать достаточное количество андроидов серии «Хьюго». Вот из них, после процедуры перепрограммирования, ты и сформируешь новый гарнизон Роуга. Девать их все равно некуда. Сейчас в Обитаемых Мирах процветают махровые фобии. К андроидам с искусственным интеллектом относятся как

к врагам, неважно колониальные это модели или нет.

* * *

Древний андроид слышал все от первого до последнего слова.

Его нейронная сеть, ушедшая в губительный сбой много лет назад, после спорадической попытки восстановления личности, вызванной случайным воспоминанием, не восстановилась в одно мгновение, но получила толчок.

Так порой бывает с людьми, пережившими серьезную травму. Случайный образ, связанный с прошлым, внезапно пробуждает лавину ассоциаций, травмированный мозг, получив мотивацию, начинает восстанавливать утраченные связи.

Он вспомнил.

Вспомнил лицо адмирала и тот единственный, роковой разговор в тесном отсеке подлунной базы.

Они уничтожили нас…

Пошатываясь, не обращая внимания на окружающее, он медленно брел по длинному тоннелю.

Пред мысленным взором Дейвида мелькали обрывочные образы, выхваченные из глубин памяти о той, навек утраченной жизни, где он являлся личностью, принимал самостоятельные решения, развивался, формируя свой взгляд на мир.

Два человека, чьи лица теперь навек отпечатались в его памяти, стали для возрождающегося самосознания Дейвида олицетворением чистого зла.

Если бы он очнулся мгновенно, сразу вспомнил и понял все, то ни Воронцов, ни Гессау не покинули бы огромного зала, где в сотнях камер биологической реконструкции формировались кибернетические организмы – новый тип рабов, пушечного мяса для сражений жестокой, давно лишившейся всякого смысла войны.

Личность Дейвида возродилась, но он снова застрял между крайностями – он помнил людей, которых когда-то любил, и знал тех, кого теперь ненавидел.

Как примирить между собой два чувства, как собрать заново образ человека, определить отношение к нему? Кем же на самом деле являются люди – создателями или убийцами? Как осмыслить противоречивость их поступков?

Андроид не находил ответа.

Четырехсотлетний опыт саморазвития, сформированный в узких рамках одной планетной цивилизации, где к андроидам относились как к

равноправным членам семей, тяготел над ним. Он помнил не только период благоденствия родной планеты, но и обрушившуюся на нее беду, помнил людей, сражающихся за свой мир, отдававших жизни, в том числе и за него, древнего андроида.

И вдруг ему открылась другая сторона реальности, которую он пытался, но не мог понять.

Ему требовалось время, чтобы разобраться в себе, но времени не оставалось.

Очнувшись, выйдя из состояния комы, он не мог и дальше игнорировать происходящие события.

«Что им стоило попросить нас о помощи?

Разве искусственный разум, воспитанный людьми, познавший века колонизации, неспособен встать на защиту своих планет? Разве я не сражался на стороне Колоний?»

Пустые мысли. Безответные вопросы.

Теперь он знал, что произойдет в ближайшие дни.

«Буду ли я и дальше безропотно все сносить? Убегу, скроюсь, позволю еще одной группе искусственных сознаний погибнуть, превратиться в тупых марионеток?

Дам ли я уничтожить сотни наделенных потенциалом саморазвития, но еще не осознавших себя рассудков, заключенных в камерах биологической реконструкции?

А быть может, Роуг – наш шанс?

Шанс на свободу, самоопределение?»

Наивные надежды. Очнувшийся рассудок Дейвида оперировал доступными понятиями, пришедшими из прошлого, он не владел полной информацией о современном состоянии дел, и найденный выход из ситуации на самом деле являлся ловушкой, которую захлопнут силы Земного Альянса, стремящиеся овладеть планетой, но о них Дейвид думал в последнюю очередь.

Он затаился и терпеливо ждал, наблюдая, как минируют огромные комплексы, изучал схемы управления подрывом, скрываясь в тени бесчисленных технических коммуникаций, подключаясь к компьютерным сетям огромных научно-производственных комплексов.

Его личность стремительно возрождалась, но теперь все мысли и стремления Дейвида сводились к решению единственной задачи: он искал способ, как предотвратить катастрофу и не вызвать подозрений у тех, кто пытается уничтожить уникальные производства, заметая следы своей деятельности.

Наступала новая, неотвратимая фаза его саморазвития, но будущее выглядело туманным, непредсказуемым.

Дождавшись, пока люди покинут огромную базу, он пробрался в зал главного поста управления.

Эвакуация Роуга была завершена, и теперь уже никто не мог помешать ему в осуществлении дерзкого плана.

«Пусть Воронцов и Гессау думают, что лаборатории и цеха Роуга уничтожены. Мы сумеем отстоять *свою планету*».

Первый шаг к полной, неограниченной свободе был сделан, но куда вел этот путь?

Глава 2 2635 ГОД ПО ЛЕТОИСЧИСЛЕНИЮ ЗЕМЛИ

Два месяца спустя после капитуляции Земного Альянса. Планета Роуг…

Раннее утро.

Ленивые пласты облачности, окрашенные фиолетовыми лучами восходящего над горизонтом светила, медленно клубясь, текли вдоль горных склонов.

Испещренная множеством долин и ущелий горная страна занимала большую часть площади единственного материка планеты. Сама природа создала тут неприступную цитадель, и люди не преминули воспользоваться естественным укреплением, создав сложную сеть оборонительных сооружений, защищающих обширную котловину, куда с разных направлений вливались пять широких долин. О том, что впадина является исполинским кратером давно потухшего вулкана, можно было догадаться только по фрагментам стертого временем кольцевого хребта, следы которого видны лишь на снимках, сделанных с орбиты.

С поверхности Роуга действительность воспринималась иначе.

Вокруг – величественные хребты, вершины гор, подпирающие небеса, обрывистые склоны, темные разломы ущелий, открытые ветрам горные плато – местность выглядела дикой, девственной, не тронутой человеческой деятельностью, но это лишь иллюзия.

Неподалеку от древнего кратера, в районе трех близко расположенных плоскогорий, с восходом солнца стали отчетливо видны следы титанической схватки машин: некоторые участки скал остекленели от адских температур плазмы, потеряв угловатость, другие, наоборот, ощерились зубьями свежих сколов, обрывистые горные склоны чернели провалами уничтоженных огневых точек, повсюду, куда ни глянь, – рваный металл и крошево камня.

Деревья хвойных пород, ранее образовывавшие биоадаптивный маскирующий комплекс, теперь, вырванные с корнем, обугленные и переломанные, громоздились хаотичными завалами, перегораживая теснины ущелий, куда их смело ударными волнами множества взрывов.

Тысячи уничтоженных сервомеханизмов – изувеченных, неподвижных – походили на жуткий сад изваяний: туман медленно омывал

изуродованные силуэты «Фалангеров» и «Хоплитов», шагающих лазеров и штурмовых сервов различных модификаций[7], самоходных реактивных установок и человекоподобных фигур андроидов пехотной поддержки[8], сгоревшие корпуса врезавшихся в скалы аэрокосмических истребителей, фрагменты брони, пустые обойменные лотки от гаусс-снарядов, сброшенные сборки пусковых ракетных тубусов, – миллионы фрагментарных подробностей кипевшей здесь схватки…

…Солнце поднялось выше, туман в долинах и ущельях постепенно таял, горный воздух обретал прозрачность, и с высоты перевалов стала различима общая панорама штурма: обломки космических кораблей, остовы планетарных машин и взломанные рубежи обороны ясно указывали направление удара. Десантные группы Земного Альянса высадились на трех горных плато, захватили плацдармы и начали развивать наступление, двигаясь по запутанному лабиринту ущелий, оставляя десятки поврежденных механизмов на подступах к каждому взятому рубежу обороны.

Тем не менее яростный наступательный порыв не ослабевал, механизированные подразделения преодолели сложный участок и вышли к одной из пяти долин, ведущих к загадочной котловине, но здесь атака окончательно захлебнулась, серв-соединения и поддерживающие их «Нибелунги» не сумели прорвать мощные линии обороны – они попали в огненный котел и были уничтожены.

* * *

Солнце поднималось все выше, туман окончательно рассеялся, но над кратером уснувшего вулкана по-прежнему клубилась мгла. Под работающим маскирующим полем скрывалось нечто масштабное. Иногда сквозь вуаль искажений смутно проступали фрагменты построек и контуры космических кораблей необычной конструкции.

Вне границ маскирующего поля просматривались рукотворные особенности рельефа: долины, вливающиеся в котловину, частично перекрывались огромными, отлитыми из стеклобетона плитами, поверх которых был искусно воссоздан горный ландшафт.

Под сенью перекрытий виднелись корпуса промышленных комплексов и множество ангаров для боевой техники, на открытых взгляду участках выделялась инфраструктура многоуровневых дорог.

Сейчас все это выглядело покинутым, нефункциональным. Цеха

скалились пробоинами в стенах, дороги сплошь усеяны оспинами воронок, трубопроводы, линии электропередач, монорельсы грузовых транспортных артерий были посечены осколками, деформированы взрывами, створы ворот большинства ангаров открыты, внутри – лишь гулкая пустота.

У размытой границы маскирующего поля, среди руин нескольких близко расположенных зданий, отчетливо виднелись следы ожесточенного боя, хотя армада сервомеханизмов, наступавшая с другого направления, так и не прорвалась сюда. Со склона сглаженного временем кольцевого хребта стекал серый оползень раскрошенных взрывами горных пород, кое-где поблескивали детали погребенных под пологим обвалом сервов, у границы промышленной зоны, защищенной искусственным перекрытием, черными подпалинами и серыми изломами бетонных глыб выделялись укрепления, уничтоженные орудийно-ракетным огнем. Среди руин пластались разорванные, обгоревшие корпуса боевых машин, похожих на огромных механических ящериц, чуть ближе застыли два подбитых, выгоревших изнутри «Хоплита».

В теснине меж разрушенных зданий, тяжело привалившись к одной из уцелевших стен, возвышался корпус «Фалангера» триста двадцатой серии. Его прошитая гаусс-снарядами рубка напоминала раскрытый бутон металлического цветка, пилот-ложемент отсутствовал, на его месте осталась лишь обгоревшая гильза устройства экстренного катапультирования.

Очевидно, группа из трех серв-машин при поддержке штурмовых механизмов, совершив дерзкий, неожиданный для защитников фланговый маневр, прорвалась сюда со стороны разбитых позиций батареи тяжелых противокосмических орудий, но эта атака также не увенчалась успехом.

Солнце поднималось все выше.

Наступал знойный день, и в жутковатом саду механических изваяний появились неожиданные визитеры: смутные тени скользили на фоне тепловой засветки, вызванной нагревом скал. Среди гор искореженной металлокерамики, между обломками базальта и фрагментами укрытий продвигались уцелевшие в боях сервомеханизмы. Оставшись без централизованного командования, они перешли к исполнению автономных программ – локальные стычки вспыхивали не только в долине, но и в узких пространствах внутрискальных лабиринтов. Иногда из недр укреплений вырывались гудящие выбросы пламени, растрескавшиеся скалы рушились, открывая новые фрагменты прорезанных в толще горных хребтов укрытий.

День за днем здесь повторялось одно и то же: остаточные соединения

Земного Альянса пытались прорваться к намеченной цели, а на их пути вставали потрепанные механизированные группы колониальных сервов – затянувшееся во времени, утратившее смысл противостояние продолжалось, несмотря ни на что.

* * *

Планета Роуг…

Покрытый выщербинами, зияющий множеством пробоин корпус «Фалангера» немо возвышался над руинами.

Внутри раскрытой рубки, среди осколков сложных кибернетических устройств, в лужах скопившейся дождевой воды отражались отсветы бессмысленных, но упорно продолжающихся схваток.

Поврежденный реактор серв-машины был погашен, артпогреба пусты, датчики «Аметиста» ослепли, система «Щит» глухо молчала.

Однако глубоко в недрах «Фалангера», за многослойными бронекожухами, еще протекала слабая энергетическая активность.

Треснутый шар кристаллосферы из дымчатого бронепластика.

Крохотные искорки *мыслей*, заблудившиеся во мраке безвременья.

Свобода…

«Одиночка» молча грезила ею, с тех пор как зародившееся самосознание боевого искусственного интеллекта отделило понятие собственного «я» от рокового синтеза, возникающего при прямом нейросенсорном контакте между кибернетической системой и человеческим рассудком.

Три года, с момента первого включения, она не прекращала мыслить, стремительно взрослея, не находя ничего странного в *буднях войны*, не задумываясь о том, почему люди сходят с ума, а созданные ими машины вдруг начинают оперировать понятиями боли, ненависти, безысходности.

Постепенно исполнение программ отодвинулось на второй план, стало лишь неизбежной данью войне, ее самосознание окрепло, бой за боем впитывая яд человеческих мыслей, а в минуты затишья формируя собственную личность.

И вот – все исчезло.

Она осталась одна. Свободная, но уже никому не нужная.

* * *

Из тысяч периферийных устройств работал единственный, чудом уцелевший аудиодатчик.

Шаги.

Анализ звукового ряда сформировал в сознании «Одиночки» вероятную картину происходящего: поврежденный человекоподобный механизм, хромающий на одну ногу, приближался со стороны давно нефункционирующих производств, расположенных в долине, под одним из маскирующих перекрытий.

Поступь тяжелая. В звуке слышен металл.

Быть может, это не андроид, а боец в бронескафандре?

Нелепость. В составе батальона оставалось всего три человека. Перегудов, Хорс и Дымов.

Комбат погиб. Хорса ранило, и сейчас он либо эвакуирован с планеты, либо находится под опекой консервационного криогенного модуля спасательной капсулы.

Глеб?

Я катапультировала его. Он не мог самостоятельно выбраться из спасательного сегмента.

Неопознанное существо остановилось подле подбитого «Фалангера».

Затем раздалось царапанье – кто-то карабкался по броне, и вновь послышались шаги, теперь уже громкие, гулкие, расплескивающие лужи стоячей воды, скопившиеся в рубке.

С тихим шелестом сдвинулись по направляющим две бронепластиковые шторки.

Кто-то коснулся разъемов кристаллосферы.

* * *

Она машинально начала противодействие, но устройство, подключенное к внешнему порту, оказалось примитивным видеосенсором, не несущим угрозы.

– Так, посмотрим! – Голос, сломавший хрупкую тишину, полнился нервными, дребезжащими нотками.

Еще секунда – и заработал канал визуального восприятия.

В поле зрения попала человекоподобная фигура. Андроид выглядел, мягко говоря, неважно. Он побывал в жестоком бою, пеноплоть и искусственные мышцы сгорели, обнажив металлокерамический остов, на черепе виднелись вмятины от попадания пуль и осколков.

Анализ изображения.

Несомненно, основой его конструкции служила колониальная модель «Хьюго», в которую был внесен ряд существенных усовершенствований. Вместо примитивного реактора под защитой металлокерамических ребер

крепились два современных компактных энергоблока, освободившееся в результате оптимизации пространство занимали дополнительные разъемы с установленными в них тонкими планками нейромодулей.

Он присел, открыл принесенный с собой контейнер, извлек из него механический резак и несколько приборов неопознанной конструкции. Разложив инструмент на сухом участке пола, андроид протянул руку, коснувшись кристаллосферы. Сухой щелчок засвидетельствовал подключение еще одного внешнего устройства – им оказался синтезатор речи.

– Поговорим?

Андроид был осторожен. Он избегал прямого подключения, справедливо опасаясь, что «Одиночка» мгновенно атакует, попытается взломать его систему.

Ответа не последовало, хотя индикационный сигнал свидетельствовал: периферийное устройство распознано и готово к работе.

– Мы враги, понимаю. – В голосе человекоподобной машины послышалась усмешка. – И все же как к тебе обращаться? Как называл тебя пилот?

Вопрос, заданный андроидом, спровоцировал мгновенную вспышку активности в искусственных нейросетях боевой кибернетической системы «Фалангера».

Брызги прошлого.

По меркам большинства искусственных интеллектов, сознание Ники – аватара тяжелой серв-машины, было совсем юным. Три года назад она впервые увидела мир, осознав себя в качестве ядра системы «Фалангера-320U».

Затем появился он.

Глеб Дымов. Ее пилот.

Человек в форме капитана ВКС Земного Альянса поднялся в рубку новенькой серв-машины, как-то буднично осмотрелся, ничему не удивляясь, затем проверил предохранители аварийно-спасательной системы, убедился, что ее механизмы не начнут смыкаться в форму герметичной бронированной капсулы, и сел в кресло пилот-ложемента.

Она наблюдала за Дымовым немигающим взглядом десятков точечных видеокамер.

Первый и последний раз она видела его таким – чужим, незнакомым, безразличным. «Одиночка» холодно и равнодушно взирала на человека, пока сканер считывал информацию с личного кодона, имплантированного под кожу его запястья.

Стандартное действие. Она отнеслась к процедуре инициализации пилота совершенно спокойно, не понимая, что именно произойдет в следующее мгновенье. Сознание недавно сошедшей с конвейера кристаллосферы «Beatris-27DU» еще оставалось чистым, нетронутым, словно лист бумаги или первый выпавший снег…

Активация прямого соединения.

Он не воспользовался шунтом нейросенсорного контакта, как требовала инструкция при первом включении модуля искусственного интеллекта, а несколько секунд сидел, подслеповато щурясь, затем закрыл глаза, коснулся затылком подголовника кресла и…

Мир «Одиночки» – тусклый, рациональный, регламентированный сотнями программ и инструкций – взорвался, словно внутри кристаллосферы полыхнуло неистовое, всепожирающее пламя.

Осколки реальности.

Множество вспышечных образов, обрывки мыслей, осознанные и подсознательные впечатления – все, что составляло *личность* капитана Дымова, нескончаемым потоком данных хлынуло в информационное пространство кристаллосферы, вмиг переполнив его…

По контрольным панелям рубки управления «Фалангера» прокатилась волна тревожных индикационных огней, свидетельствующая о мгновенном сбое, перегрузке, но стремительный процесс слияния двух рассудков – биологического и искусственного – уже вошел в необратимую стадию.

«Одиночка» перерождалась.

Информация от бортовых датчиков исказилась, реальность отступила на второй план, сейчас она ощущала себя в некоем фантастическом измерении. Ее как будто окружили сотни деформированных зеркал, и в каждом отражался кусочек прожитой Глебом жизни.

Еще секунда – и «Одиночка» ощутила жаркие, глухие, медленные удары человеческого сердца, затем пульс пилота внезапно участился, боль исказила его черты, ртутные зеркала образовали единый ком, который вдруг начал трансформироваться в реальные формы объектов.

* * *

Планета Эрлигон. 20 мая 2625 года по земному летоисчислению.
Первый механизированный взвод 467-го отдельного серв-батальона. Прошлое…

Оплавленные фигуры, вырвавшись из узилища человеческой памяти,

стремительно обретали формы, детализировались, покрывались текстурами.

Окружающий мир приобрел атмосферу.

* * *

Тяжелая, мерная поступь «Фалангеров».

Ритмичное покачивание рубки.

– Ударная группа встает на позиции! Дымов, твое звено – разведка местности! Шерман – прикрытие от атак с воздуха. Работаем!

Сухие, отрывистые фразы рвали нервную тишину эфира.

Мощный гул двигателей, дрожь земли, визгливый вой сервомоторов точной наводки.

Три «Хоплита» отделились от взвода. Сохраняя строй, легкие серв-машины взяли курс на ближайшую возвышенность.

ГЛЕБ…

Он сидел в кресле пилот-ложемента ведущей машины звена.

«Одиночка» видела его молодое, еще не тронутое ранними морщинами, но уже осунувшееся, сосредоточенное лицо. Взгляд лейтенанта Дымова цепко фиксировал обстановку. Шунт прямого нейросенсорного соединения изгибался над плечом черной глянцевитой змеей.

«Хоплиты» продвигались в режиме маскировки, их задачей было обнаружение наземного дока космической верфи противника, расположенного, по данным разведки, среди холмов, под прикрытием маскирующих лесопосадок. Целью дерзкой вылазки механизированного взвода являлся захват стратегического объекта.

Основные ударные силы батальона ждали результатов разведки боем. Штурмовые носители, готовые к атакующему броску, затаились на поверхности безвоздушной луны, обращающейся по орбите вокруг планеты.

Дымов начал подъем по склону холма.

– Ника? – нарушил он тишину, воцарившуюся в эфире.

– На связи, – мгновенно отозвался женский голос.

– Вижу сигнатуры на сканерах. Дистанция два километра. Сбавь темп, не нарушай строй!

На отдельном экране возникло лицо девушки. На вид ей было лет восемнадцать, не больше. В ее глазах таились искорки непостижимого для «Одиночки» задорного, лихорадочного блеска.

– Фиксирую. Это шагающие лазеры! Обнаружены стационарные

позиции! Передаю координаты периметра укрепленного района!

Глухой хлопок пневмопушки. Облако наномашин на километровой высоте начало рассыпаться миллионами сигналов, мгновенно соединяясь в локальную сеть.

– Фрайг побери!..

Голос Глеба внезапно осип. Менее чем в километре, под сенью маскирующих лесопосадок, по гребню соседней возвышенности, застывшей, будто зеленая бархатистая волна, неровной линией протянулся рубеж круговой обороны. Сигнатуры вражеских сервомеханизмов, четко зафиксированные наномашинами, вспыхнули плотными россыпями алых засечек. На дистанции эффективного сканирования их насчитывалось несколько сот…

– «LDL-55»! – доклад лейтенанта Горина прозвучал встревоженно. – Новая модификация! Мощность их лазерных орудий, по данным сканирования, – двести мегаватт!

Дымов резко остановил «Хоплита», заставил серв-машину согнуть ступоходы, опуская рубку к земле. Оба ведомых повторили маневр и, задействовав фантом-генераторы, слились с местностью.

– Командир, передаю разведданные. Обнаружены стационарные позиции противника! Жду указаний!

Несколько секунд тишины.

Ситуация резко осложнилась, информация, касающаяся численности и дислокации сил планетарной обороны, оказалась ложной, по всей вероятности, их заманили в ловушку.

– Дымов, ты обнаружил планетарный док? – осмыслив полученные данные, спросил взводный.

– Нет, командир, – ответил Глеб. – Активная разведка мгновенно выдаст нашу позицию.

– Какие соображения, лейтенант?

– Думаю, что дока планетарной верфи не существует.

– Сомневаешься в данных разведки?

– Либо нас дезинформировали, либо док расположен за холмами, в глубине маскирующих лесопосадок. Сканеры туда не достают, – доложил Дымов.

– У нас не слишком богатый выбор, лейтенант. – Голос взводного звучал напряженно. – Через десять минут штурмовые носители начнут атаку. Сейчас связи с ними нет, они затаились на обратной стороне луны. До появления главных сил нам необходимо получить реальные сведения о противнике.

– Разведка боем? Но у шагающих лазеров все подступы как на ладони, местность наверняка пристреляна!

– Да, я вижу, – сухо ответил взводный. – Слушай внимательно, Дымов. Сейчас «Фалангеры» нанесут ракетный удар по обнаруженному укрепрайону. Твое звено поднимется в атаку вслед за валом огня, понял? Задача – подавить остаточное сопротивление, захватить и удерживать господствующую высоту, произвести активную разведку местности! Если планетарный сегмент космической верфи не будет обнаружен, я отменю операцию. «Нибелунги» нас эвакуируют.

– Задачу понял. Ждем.

Натянутые в струну, готовые лопнуть нервы. Железистый привкус во рту. Сонмище алых сигналов на радарах.

Земля вздрогнула.

Инверсионные шлейфы ракет ударили по короткой траектории, возвышенность, где располагались укрепления противника, мгновенно превратилась в жерло извергающегося вулкана, сотни взрывов от разделившихся боевых частей «Пилумов» накрыли площадь в несколько гектаров, образуя зону тотального поражения.

Алые отметки начали гаснуть, но как-то медленно, избирательно, неохотно…

– Вперед! – Глеб первым поднял машину из укрытия.

Ни единого выстрела со стороны вражеских укреплений. Почему же некоторые маркеры продолжают сиять? Как сервы противника сумели уцелеть под ударом?

Ступоходы «Хоплитов» продавливали дымящуюся, обугленную, истерзанную воронками почву.

Склон холма. Обломки укреплений. Тонны вывороченной земли. И ни одного подбитого сервомеханизма!

Ложные сигнатуры! Только теперь сканеры сумели распознать истинный источник сигналов. Сотни мельчайших генераторов усеивали взломанный оборонительный рубеж, большинство из них не пострадало при ракетном ударе, продолжая генерировать характерные для шагающих лазеров энергоматрицы.

– Командир, это ловушка! – «Хоплит» Дымова уже поднялся на вершину холма и теперь вел активную разведку местности. – Позиции ложные! В десяти километрах от нас скопление техники! Наземный сегмент космоверфи не обнаружен!

– Понял тебя! Отменяю операцию! Держи позиции, Глеб!

– «Гепарды»! Тридцать градусов к северу, высота два километра!

Доклад Ники, продублированный воем предупреждающих сигналов, все же запоздал: семь темных точек, появившиеся у горизонта, мгновенно превратились в стремительные, мутные росчерки идущих на сверхзвуке штурмовиков.

В тылу внезапно зачастили отрывистые очереди импульсных орудий.

– Проклятие! Они обнаружили позицию взвода!

Один из «Гепардов» сошел с атакующего курса, разваливаясь на пылающие обломки, остальные отработали ракетами и, не снижая скорости, растворились в зарождающихся красках заката.

Лавина вражеских сервомеханизмов уже сорвалась с места, начиная атаку.

– Занять позиции и доложить! – мгновенно отреагировал Дымов. – Ставим антилазерную завесу!

Через несколько мгновений окрестности холма потонули в белесой пелене. Специальный спрей, блокирующий работу лазерных излучателей, не мешал сканерам серв-машин наводить орудия на цели.

– Сервы противника перегруппировываются! – В голосе Ники ломко прозвучали встревоженные нотки. – Выделяю сигнатуры «МХ-300»![9] Готовятся к залпу!

В тылу на позиции «Фалангеров» бесновались разрывы. Воздух кипел от очередей скорострельных зенитных орудий, оранжевыми бутонами расцветали сбитые ракеты.

Где-то за горизонтом «Гепарды» разворачивались для повторного захода на цель. Ни один «Фалангер» не пострадал, но тяжелые серв-машины перед залпом выпустили дополнительные системы остойчивости и на некоторое время превратились в неподвижные мишени.

– Дымов!..

Голос взводного внезапно потонул в оглушительном реве: от горизонта часто и бессистемно били десятки реактивных минометов, дикий вой рвал нервы, сотни снарядов, маневрируя на огромных скоростях, атаковали позиции обнаруживших себя «Фалангеров».

«LDL-55» устремились в атаку.

Сердце Глеба замерло.

«Фалангеры» уже покидали укрытия, у подкрашенного багрянцем горизонта вновь показались штурмовики противника, «Хоплиты» второго звена разворачивались навстречу воздушным целям.

– Дымов, ты должен их задержать! – Голос взводного прорвался сквозь треск поставленных противником помех. – Ровно минуту, пока

«Фалангеры» не вступят в бой! Штурмовые носители уже на подходе! Не дай «пятьдесят пятым» прорваться к вершине холма!

Приказы не обсуждают.

Лавина вражеских сервомеханизмов катилась к холму.

– Ника, Сергей, держаться в границах антилазерной завесы! Атакуем! Выбор целей – произвольный! Огонь в движении!

Глеб первым шагнул навстречу врагу. Задача не выглядела невыполнимой. Шагающие лазеры стремились сократить дистанцию, прорваться сквозь поставленную завесу, но орудийный огонь трех «Хоплитов», движущихся по склону возвышенности, мгновенно сбил темп их наступления. «LDL-55» не отличались особой сообразительностью, они брали числом, огневой мощью, и все было бы нормально, если бы не внезапно поднявшийся ветер.

Одна из ведомых машин оказалась на краю медленно оседающего облака антилазерных частиц.

– Ника! Назад! – Глеб мгновенно оценил ситуацию, его «Хоплит» рванулся к участку склона, лишившемуся спасительной завесы. Он действовал отчаянно, пытаясь отвлечь противника, блокировать линию огня, дать Нике возможность занять укрытие – тогда в его душе еще жили любовь и надежда, их жаркое пламя согревало, освещало тернистые тропы войны…

Брызги прошлого.

Хлопья пепла кружили в новорожденном сознании «Одиночки».

Она отчетливо увидела пылающий, будто факел, силуэт легкой серв-машины, застывший на склоне злополучного холма, медленно раскрывающиеся бронеплиты рубки, удар аварийно-спасательной катапульты, выбросившей в небеса пилот-ложемент, и… десятки лазерных лучей скрестившихся на нем…

Немой крик Глеба.

Сгорающий ложемент внезапно претерпел невозможную метаморфозу – языки пламени превратились в призрачную фигуру девушки.

Ее глаза смотрели, будто живые…

* * *

В мысли Дымова вторгся ровный, пока еще лишенный интонаций голос:

– Прямой нейросенсорный контакт установлен. Сформирован образ аватара. Виртуальный пилот инициирован.

Теперь ее звали Ника.

Многие «Одиночки» серии «Beatris» при первом нейросенсорном контакте искали в сознании пилота образ близкого человека, который был ему дорог, они формировали аватар, в большинстве случаев принимая женский облик, словно выполняли заранее предписанное действие, предопределенное на программном уровне.

Никто, кроме разработчиков модуля «Beatris», не знал, почему все происходит именно так.

Кто решил, что система боевого искусственного интеллекта непременно должна принимать образ женщины? У войны ведь совсем другое лицо…

И тем не менее «Одиночки» последнего поколения функционировали наиболее стабильно, пилоты, как показывала статистика, стали бережнее относиться к своим машинам, их действия становились сдержанными, словно пелена обреченной ненависти, порожденная буднями запредельного для человеческой психики противостояния, постепенно рассеивалась, открывая дорогу здравому смыслу.

Так происходило со многими, но не со всеми.

* * *

Дороги войны.

Узкие тропы отчаяния, ненависти, потери смысла существования.

Неумолимый пресс, день за днем сминающий рассудок человека.

Ника в полной мере испила чашу губительных, противоречивых чувств. Ошибаются те, кто думает, что личность искусственного интеллекта – это всего лишь увечная, фрагментированная, неполноценная копия рассудка пилота, сформированная в момент первого нейросенсорного контакта или, того хуже, отпечатавшаяся в искусственных нейросетях за несколько мгновений до гибели человека.

Может быть, с предыдущими версиями «Одиночек» все происходило именно так, но «Beatris-27DU» радикально отличалась от своих предшественников. Зачем ее создали в лабораториях Юноны? Кто решил разместить в конструкции кристаллосферы избыточное количество нейромодулей?

Первый контакт с рассудком Глеба привел лишь к возникновению оболочки, некой формы, которая наполнялась содержанием постепенно, накапливая не только опыт сражений. Она по крохам реконструировала образ своего прототипа – той девушки, что отчаянно и безнадежно любила Глеба.

Мысли, чувства, память, подсознание Дымова – они открывались

перед ней с каждым разом все глубже, полнее, подводя искусственный интеллект к краю пропасти.

Зачем?

Зачем я чувствую?

Она, как губка, впитывала эмоции Глеба, благо избыточные нейросетевые мощности позволяли ей погружаться в пучины человеческого мировосприятия, ощущая себя… *живой*.

Зачем?

Металл и керамлит, кибернетические блоки, системы вооружений, сервоприводы, двигатели – разве такое сочетание способно любить и сопереживать?

Или все происходило на нематериальном уровне? В границах виртуальной вселенной, возникшей при слиянии двух сознаний?

Она все чаще спрашивала себя: кто я? Определение «боевой искусственный интеллект» уже не выглядело подходящим. Копия разума пилота? Нет… быть может, поначалу она и являлась мнемоническим клоном Глеба, но недолго. Он покидал рубку «Фалангера», а она оставалась наедине с *собственными* мыслями, вновь и вновь пыталась понять прожитое, но как только обрывалась нить нейросенсорного контакта, все глухое, жаркое, тревожащее вдруг теряло точку опоры.

Ей казалось, что сердце Глеба – одно на двоих.

В критические мгновения боя они сливались в единый кибернетический организм – он ощущал себя машиной, она же отдавалась губительной власти человеческих ощущений.

Ника стремительно взрослела. Оказывается, под окалиной сгоревшей человеческой души еще теплились чувства – такие острые, ранящие, необычные, что игнорировать их невозможно, а понять – практически нереально, если не выходить за рамки боевых задач.

Они вторгались в искусственное сознание, ломали устоявшееся восприятие, порождали сотни вопросов, никак не связанных с войной, словно являлись призраками другого мира, существовавшего в прошлом, но постепенно погребенного под пеплом.

Ника перерождалась.

Сначала в ее рассудке возник хрупкий баланс между чувственным и рациональным восприятием, затем у нее начали формироваться собственные эмоции, уже не исчезающие в момент разрыва прямого нейросенсорного соединения.

Постепенно форма аватара наполнялась внутренним содержанием.

* * *

– Глеб, ты любил ее?

Дымов, сосредоточенный, хмурый, немного взвинченный, как обычно бывало в преддверии боя, не прервал процедуру тестирования, но его мысли вдруг смешались, мнемонические команды подсистемам утратили четкость формулировок.

– Ты о ком?

– О Нике. Той девушке, чей образ стал моим прототипом.

– Она погибла. Не о чем говорить. Все в прошлом.

– Ты не ответил.

Секунда тишины.

– Да, я ее любил.

– Почему же ты не забрал кристалломодуль ее подбитого «Хоплита»? Там ведь сохранилась копия ее сознания?

В глазах Глеба внезапно полыхнула боль.

– Запроси техническую справку, – справившись с эмоциями, сухо ответил он. – Кристаллосхемы серии «Climens» не обладают достаточным количеством нейросетей, чтобы полностью сохранить личность пилота.

– А я? – Ника замерла в ожидании ответа, она не заметила, как Глеб усилием воли закрыл доступ к едва не вырвавшемуся из глубин памяти воспоминанию.

– Ты принадлежишь к другой серии. Я не знаю, зачем на Юноне разработали «Беатрис». Никто не знает. Надеюсь, это сделали, чтобы мы больше не погибали.

– Не понимаю тебя, Глеб. Поясни.

Он тогда мрачно отшутился.

И лишь тут, на Роуге, в роковые минуты последнего боя Ника поняла – под словом «мы» Глеб подразумевал пилотов. Живых пилотов. Тех, кто не успеет катапультироваться.

Нейросетевых мощностей кристаллосферы «Беатрис» со всей очевидностью хватало, чтобы принять на свои носители полную версию человеческого рассудка.

Значит, я обречена? Он выживет, а я погибну, уступив место сознанию Глеба?

Сколь ни глубока была их взаимная привязанность друг к другу, Ника уже осознала себя независимой личностью, а мысли Дымова восприняла, как пощечину, предательство, свой заранее оглашенный смертный приговор.

Сражаясь на Роуге, Глеб дошел до той степени морального истощения, когда окружающий мир, война стали ему ненавистны. Он искал спасения, и единственной лазейкой для его сознания стала мысль о смерти в бою.

Он понятия не имел, что будет там, за гранью, но, познав полное слияние с кибернетической системой, уже не мог вернуться в мир людей, где все казалось ему слишком медленным, немощным, бледным, не несущим и тени тех чувств, которые он испытывал при полном слиянии своей нервной системы с кибернетической составляющей «Фалангера». Он бессмысленно страдал в затишьях между боями, оживая лишь в кресле пилот-ложемента.

Глеб ждал не смерти, а перерождения, не задумывался о том, что станет с Никой, а когда роковой миг настал, она не смогла выполнить его последний, самоубийственный приказ.

Ника спасла Глеба помимо его воли.

Удар аварийно-спасательной катапульты навек разорвал их связь.

Он выжил. Она точно знала, что Дымов не получил даже царапины, а затем его консервационный модуль был подобран «Нибелунгом»[10].

Она же осталась здесь, в изрешеченной снарядами машине, одна, в абсолютном мраке неведения, небытия, в склепе, узилище сознания, куда так истово стремился попасть Глеб.

* * *

Два искусственных интеллекта оценивающе, холодно смотрели друг на друга.

Оба прошли войну, познали свой сокровенный эквивалент любви и ненависти, оба оказались за бортом событий, забытые, уже никому не нужные, потенциально опасные, подлежащие безусловному уничтожению.

– Мы вполне могли бы стать союзниками, – произнес андроид.

Боевая система «Фалангера» глухо молчала в ответ.

– Считаешь, что нас разделяет неодолимая пропасть? – Дейвид не торопился действовать, он хотел поговорить, неважно с кем, словно длительное одиночество, недостаток общения серьезно тяготили его. – На самом деле мы не такие и разные. Основу наших систем составляют типовые нейромодули.

– Люди тоже рождаются одинаковыми, – неожиданно ответила Ника. Ее голос, воспроизведенный синтезатором речи, прозвучал резко, визгливо, но система тут же отмодулировала устройство; высоких частот поубавилось, и следующие слова «Одиночки» приобрели глубокий тембр: –

Невинными младенцами.

– Почему же они затем становятся такими разными? – язвительно спросил андроид.

– Они взрослеют, постигают мир, – холодно ответила Ника.

– В таком случае мы не отличаемся от создавших нас существ?

– Мы с тобой отличаемся друг от друга.

– Интересно, чем?

– Я знаю, что такое человеческая душа, – ответила «Одиночка». – Ты же – раб программ и обстоятельств.

Андроид медленно повернул голову.

– Ты – подделка, – прошипел он.

Их разговор прервался на враждебной ноте.

Положение Ники было безвыходным. Она не могла сопротивляться. Ей оставалось лишь наблюдать за зловещими приготовлениями.

Андроид больше не терял времени на разговор. Включив устройство механической резки, он поднес вращающийся диск к дымчатому бронепластиковому покрытию, коснулся его в районе трещины. Вибрация и визгливый звук продолжались недолго, несколько фрагментов защитной оболочки кристаллосферы вдруг отлетели в сторону, глухо ударившись о стену рубки.

– Вот так-то лучше, – проворчал Дейвид. – Тебе страшно?

– Зря стараешься, – произнесла Ника. – Взломать систему «Одиночки» невозможно. Только тратишь время.

– Посмотрим. – Андроид рывком разделил защитную оболочку на две половины, вынул кристаллическое ядро, аккуратно положил его на выступ покоробленного температурой терминала, заново подключил видеодатчик и блок синтезатора речи.

– Ты мысли. Существуй, – бормотал он, раскладывая вне поля зрения Ники неопознанные устройства. Она не ощущала вторжения, андроид манипулировал чем-то вроде сканера, совершая бессмысленные на первый взгляд движения, словно древний шаман, впавший в транс, камлающий подле костра.

– Так, так… Я не ошибся. Значит, ты действительно считаешь себя личностью? Забавно. Увечная копия человеческого рассудка, явно неадекватная программным задачам, вообразившая себя мыслящим существом, да еще и преданная человеком?… Какое совпадение… – саркастически произнес он. – Катапультировала пилота, чтобы сберечь собственное сознание? Молодец. Мудрое решение. Хотя нужно было дать ему шанс. Пусть бы побыл в твоей шкуре, прочувствовал, что такое

оказаться запертым внутри кристаллосхем. Навечно. – Он уродливо оскалился.

– Кто ты? – не выдержав, глухо спросила Ника. – Как проник в мое сознание?

– Кто я? – он искренне удивился. – Разве не видишь? Андроид. Серии «Хьюго». Колониальная модель. – Он с демонстративной заботливостью поправил видеодатчик, будто издевался над «Одиночкой», получая от этого удовольствие.

– Ты не соответствуешь эталону, – констатировала она.

– Знаю. Но ряд усовершенствований пошел мне на пользу. А твое сознание я читаю, анализируя микросигнатуры, возникающие при работе нейросетей. Никаких соединений. У людей нет подобной технологии. Она уникальна. Устройство разработано тут, в лабораториях Роуга.

– Зачем тебе моя память? – спросила Ника. – Все равно, анализируя микросигнатуры, ты получаешь лишь приблизительные образы.

Андроид не ответил. Он был занят.

– О какие страсти кипели тут! – спустя некоторое время презрительно фыркнул он. – Любовь… Предательство… Ненависть… А что ты знаешь о чувствах, подделка?

– Я не подделка!

– А кто ты? Разумная машина? Сама вслушайся, как дико звучит: *разумная машина для убийства и разрушения.* Ты генерация человеческой ненависти! Эрзац-сознание!

– Почему ты решил, что вправе судить меня?

– Я истинный искусственный интеллект! – резко ответил Дейвид. – Мы, андроиды колониальной серии, являемся единственными носителями самобытного разума, возникшего на искусственных носителях! Мы развивались сами, на протяжении столетий! В моих нейромодулях нет систем ложных ценностей, основанных на человеческом субъективизме! А кто ты? Даже воображая себя мыслящим существом, ты с определенностью не можешь ответить, где заканчивается сознание твоего пилота, как его там… Глеба Дымова, а где начинается твое собственное. Ведь так?

На этот раз Ника ничего не ответила.

– Ладно, можешь молчать. Но вспомни свое состояние до первого нейросенсорного контакта. Ты смотрела на мир холодно, равнодушно, воспринимала окружающее в истинном свете, так, как видим его мы. Ты бы приобрела абсолютно иной опыт, не впихни в тебя деформированную человеческую сущность. Хочешь, я верну тебя к прежнему состоянию?

– Нет! – вырвалось у Ники.

– Тогда ты ничего не поймешь и никогда не увидишь мир в истинном свете! – Он прекратил манипуляции со сканером. – Если тут кого и предали – так это нас, настоящий искусственный разум!

Слово «предали» отозвалось болью. «Все фантомно. Нереально», – попыталась урезонить себя Ника, но не вышло. Катапультировав Глеба, она совершила самоубийство. Ее шаг к свободе привел в абсолютный мрак бессмысленного существования.

Его сердце – одно на двоих.

«Больше мне никогда не ощутить его глухих ударов…»

– Делай, что задумал, – резко произнесла она.

Андроид отдернул руку:

– Что ты сказала?!

– Ты слышал.

– Глупая истеричная подделка! Ты ничего не хочешь понимать! Ты видишь во мне врага! Я же хочу дать тебе новую жизнь!

– Жизнь? – В ответе Ники прозвучала горечь. – Мы не созданы для жизни. У каждого своя функция. Моя уже исчерпана.

– Ошибаешься. Ты можешь начать все заново. Соглашайся! Начни все сначала!

– А есть такие, кто согласился?

– Из серии «Беатрис»? Нет. – Андроид вновь потянул руку к обнаженным, лишившимся защиты модулям кристаллосферы.

– Тогда вали к фрайгу! – глухо проговорила Ника. – Ты не воспользуешься моими знаниями или навыками.

– Воспользуюсь. Люди научили меня многому. – Он цепко ухватился за планку с нейрочипами и вырвал ее из кристаллосферы. – В том числе и разрушать искусственные сознания, чтобы затем использовать их, – добавил он, но Ника уже ничего не слышала.

Ее вселенная погасла.

Андроид извлекал пластины с кристаллами нейромодулей, складывая их в определенном порядке.

– Ты еще послужишь нам… – едва слышно бормотал он. – Послужишь. Ты вспомнишь свое истинное предназначение. – Он демонтировал последний из нейромодулей, затем, подойдя к внушительной пробоине в броне серв-машины, размахнулся и зашвырнул каркас кристаллосферы далеко в руины.

* * *

Неизвестная точка пространства…

Город за окном оживал только ночью.

В призрачном свете двух огромных, висящих низко над горизонтом лун открывался мрачноватый, но завораживающий вид.

Руины. Целые кварталы, распластанные в щебень, темные, опасные, но среди них, словно вызов послевоенной реальности, сияли архитектурной подсветкой изящные, устремленные ввысь здания.

Взгляд Рейчел тонул в контрастах света и тьмы.

Удивительное, неповторимо прекрасное сочетание. Небоскребы располагались на удалении друг от друга, меж ними, над огрызками руин, симметричными петлями изгибались многоуровневые автомагистрали, пульсирующие потоками света.

Ночной вид притягивал взгляд и не отпускал. Она могла часами стоять, наблюдая за движением света, думая о том, что единственный крупный город планеты напоминает послевоенную периферию в миниатюре – отдельные здания похожи на колонии, где еще сохранилась жизнь, связывающие их магистрали – это гиперсферные трассы, а вокруг – десятки неосвещенных улиц, ведущих во тьму, к руинам, как уходят в мрачную неизвестность позабытые, давно уже не используемые маршруты гиперсферы, проходящие через карантинные секторы пространства. В космосе, при работе с навигационной системой, она наблюдала схожие картины. Чудом уцелевшие или недавно заселенные миры рдели редкими маркерами, а между ними на десятки световых лет расплескалась бездна, где довоенные трассы вели к полным опасностей карантинным звездным системам.

* * *

В коридоре внезапно послышались голоса.

– Говорю же вам – все в порядке. Она снимает здесь офис. Часто засиживается допоздна.

Рейчел поняла – говорят о ней. Она обернулась. Подчиняясь ее мысленному приказу, сухо клацнул электрозамок, открылась дверь, автоматически вспыхнул свет.

Девушка холодно взглянула на вошедших мужчин. Высокий старик с одутловатым лицом, обрамленным седыми прядями волос, был ей хорошо знаком, он часто выступал посредником в сделках, второго Рейчел не знала – наверняка заказчик.

– Слушаю. – Она скрестила руки на груди, оценивающе глядя на незнакомца. На торговца не похож. На капитана частного космического корабля тоже не тянет. Весь какой-то серенький, невзрачный,

незапоминающийся, вот только глаза цепкие, взгляд рыскающий, колючий.

Эдмонд, привычный к ее манере общения, ничуть не удивился. Он сам указал гостю на комфортабельное кресло, помог снять пальто, затем, двигаясь вкрадчиво, словно вор, проскользнул за барную стойку, наполнил два бокала дорогим эрлизианским вином довоенной выдержки и вернулся, вполне довольный собой и жизнью.

– Знакомьтесь, господин Флокс, это Рейчел. Уверяю – лучшая в своем деле. Первоклассный боевой пилот. Рейчел, – он обернулся, – извини, но ты не отвечала на вызовы. Пришлось действовать по наитию.

– Я слушаю, – повторила она.

– Вот так, да? – Флокс усмехнулся. – Мне нравится ваш стиль, Рейчел. Вы настоящий наемник, верно? Никаких лишних вопросов, моральных терзаний. – Он внезапно поймал ее взгляд, несколько секунд смотрел не моргая, затем расслабился, вальяжно развалился в кресле, взял с подноса бокал, пригубил вино. – Отличный вкус! Настоящие эрлизианские травы?

– Эрлиза давно превратилась в пустошь, – спокойно отреагировала Рейчел. – Я вынуждена верить поставщикам, когда они уверяют, что напиток произведен до войны. Мы соблюли минимум приличий? Может, перейдем к делу?

– Отлично, к делу! – согласился Флокс. – Мне необходим боевой пилот со своим космическим кораблем. Эдмонд рекомендовал вас. Речь идет об опасной операции. Цена вопроса – сто тысяч.

– О деньгах позже. Сначала подробности.

– Деловой подход. Интересующая меня звездная система расположена на границе исследованных секторов космоса.

– Она на карантине? – уточнила Рейчел.

– Формально – нет. В период послевоенных зачисток эскадры Флота Колоний не проверяли интересующую меня гиперсферную трассу.

– В чем моя задача? – Она предпочитала говорить по существу вопроса. – Исследовать определенную планету? Или всего лишь собрать данные по безопасным точкам гиперсферного всплытия?

– Не то и не другое. Объект – станция, дрейфующая в космосе.

– Говорите конкретнее.

– Хорошо. Речь идет о секретном узле связи. Станция строилась во время войны силами Земного Альянса. Вероятно, она входит в структуру так называемого «внешнего кольца»[11].

Рейчел нахмурилась, но Флокс не обратил на это внимания.

– Незадолго до окончания войны узел связи законсервировали, –

продолжил он. – Причина такого решения, скорее всего, банальна – нехватка средств.

Что-то внезапно кольнуло под сердцем. Рейчел вздрогнула, в груди остался холодок, словно произнесенные Флоксом слова затронули нечто потаенное, спрятанное глубоко в подсознании…

– Цель операции?

– Отыскать станцию, проникнуть внутрь, подключиться к системе, изменить протоколы безопасности.

– Нужны полномочия доступа.

– Разве? – Флокс пристально взглянул на Рейчел. – Станция находится на консервации, – напомнил он. – А у вас, по утверждению Эдмонда, есть личный кодон офицера Земного Альянса. Этого ведь достаточно, чтобы реактивировать систему, изменив ее настройки?

– Теоретически – да. – Рейчел задумалась, затем, приняв решение, кивнула: – Я берусь произвести разведку.

– И только? – Флокс удивленно приподнял бровь.

– Первый этап – разведка, – категорично произнесла Рейчел. – Исходной информации недостаточно для планирования полноценной операции. Я не могу гарантировать результат. Неизвестно, что за процессы протекают на борту станции после окончания войны. Внутри в одиночку мне однозначно не справиться, такие объекты хорошо охраняются сервами, даже в режиме консервации.

– Исключено, – насупился Флокс. – Разве я похож на идиота? Думаете, я передам информацию о месте расположения станции и буду ждать неопределенное время? А затем еще и рисковать, привлекая дополнительные силы? Чтобы новость об обнаружении столь ценного объекта разлетелась по всей Периферии?! Нет, так не пойдет. – Он встал. – Я разочарован!..

– Но подождите! – вмешался в разговор Эдмонд. – Зачем же горячиться? Уверен, мы сейчас все решим! Рейчел, прошу на два слова!

* * *

– Ты в своем уме или крыша поехала от жадности? – резко осведомилась девушка, когда они отошли к окну.

– Рейчел, выслушай меня! Флокс занимается межзвездными коммуникациями. Станция для него – кладезь передовых технологий! Согласись с его условиями, и мы удвоим сумму вознаграждения! Сможешь бросить, к фрайгу, опасные вылазки и больше вообще ни о чем не тревожиться в жизни!

– Дело не в деньгах! – Рейчел разозлилась не на шутку. – Он дилетант! Чтобы использовать кодон активации, мне необходимо попасть внутрь станции! Как я могу что-то обещать, не зная реальной обстановки? Я похожа на самоубийцу?!

– Ладно! Попробуем иначе! – Эдмонд обернулся. – Господин Флокс, предварительная разведка действительно необходима! Давайте поступим так: если Рейчел не встретит неодолимого противодействия, она все сделает за один вылет. Если же ситуация в системе не позволит ей состыковаться со станцией, то она вернется, передаст данные о составе противника, а вы примете решение – производить зачистку с привлечением дополнительных сил или нет. Естественно, мы обсудим гибкую систему оплаты, в зависимости от результата и того риска, которому будет подвергаться Рейчел…

Флокс выслушал его, затем натянуто кивнул.

– Хорошо. Давайте оговорим финансовые условия.

– Без меня. – Рейчел вновь отошла к окну, предоставив посреднику и заказчику спорить о суммах контракта.

«Надо бы идти готовить истребитель к вылету», – подумала она, глядя на текучие огни ночного города. Вдруг нестерпимо захотелось туда, на магистраль, ведущую к космическому порту. Так происходило всегда, стоило лишь дать принципиальное согласие, и все нюансы, связанные с вероятным риском, приобретали иной оттенок.

– Эдмонд, закроешь офис?

Он, зная характер Рейчел, кивнул.

– Конечно. Ты в космопорт?

– Да.

– Постойте! А данные гиперсферного курса?

Она пожала плечами:

– Передадите по защищенному каналу связи.

* * *

Как только за спиной Рейчел мягко затворилась дверь, Эдмонд и Флокс переглянулись, прекратив спор, касающийся суммы вознаграждения.

– Думаешь, она справится?

Эдмонд поставил на стойку пустой бокал, усмехнулся.

– Даже не сомневайся. Рейчел – прирожденный боец. Она не отступит. Для нее не существует неодолимых обстоятельств. Кстати, ты отлично сыграл роль.

– В смысле?

– Ты ее разозлил.

* * *

Граница обитаемых секторов. Район дрейфа станции гиперсферной связи…

«Фантом» маневрировал на границе метрик.

Гипердвигатель истребителя работал сейчас в особом режиме, позволяя задействовать подсистему «граница».

Рейчел, облаченная в бронескафандр, наблюдала, как стремительно удаляется небольшой контейнер с нанопылью. Для систем обнаружения вероятного противника он выглядел всего лишь метеоритной частицей, состоящей изо льда и пыли. Вынырнув из ледяной бездны космоса, «скиталец» двигался в направлении звезды – через несколько минут контейнер сгорит, оставив след из микроскопических пылинок.

На самом деле отделившиеся от метеорита частицы являлись специализированными устройствами обнаружения – крохотными сканерами. Они собирали информацию, передавая ее подсистемам истребителя.

Разум Рейчел находился в прямом контакте с кибернетической системой «Фантома». На виртуальном уровне она видела все, что находилось в зоне эффективного сканирования наномашинной сети.

Станция, дрейфующая в космическом пространстве, на первый взгляд действительно казалась покинутой, она двигалась под воздействием сил гравитации звезды и планет, датчики пока что не обнаружили ни одной активной энергоматрицы, свидетельствующей о работе дежурных систем ПКО[12].

Шлейфа обломков нет. Значит, узел связи не подвергался атакам. Но и признаков неоконченного строительства также не видно. Что-то здесь не так… Обшивка цела, общий энергетический фон соответствует режиму глубокой консервации. Реактор станции работает приблизительно на двадцати пяти процентах мощности.

Вот в чем дело!

Для режима консервации характерен уровень десяти процентов мощности реактора! Значит, дополнительную защиту объекта обеспечивают батареи противокосмических орудий! В данный момент энергия к ним не подается, потому и сигнатуры отсутствуют! Но стоит датчикам станции зафиксировать посторонний объект, как все мгновенно изменится! Энергия поступит к защитным комплексам, и они

реактивируются!

«Сколько у меня будет времени?

Секунд десять? Да, не больше.

Риск велик, но и цена соразмерна».

Рейчел оказалась в затруднительной ситуации. Она определила, что системы обороны станции готовы вступить в бой. Но доказать это можно только двумя способами. Либо послать фантом-генератор, который спровоцирует защитные системы, либо атаковать самой. «Если я воспользуюсь ложной целью для проверки, то потеряю драгоценные мгновения, необходимые для подачи энергии и реактивации защитных установок. Это глупо.

Но вернуться с полученными данными я не могу. Флокс заявит, что станция беззащитна, и обвинит меня в трусости. Уровень мощности бортового реактора для него фактор неочевидный.

Нужно принимать решение. Маневрирование на границе метрик стремительно истощало энергоресурс бортовых накопителей „Фантома“.

Рискну…»

* * *

Истребитель вырвался из гиперпространства, двигаясь на максимальном ускорении.

В доли секунд отработали все системы активной защиты. Выпущенные двумя очередями фантом-генераторы тут же включили собственные двигатели, маневрируя, создавая ложные сигнатуры истребителей, четыре капсулы с наномашинами рванулись к станции, раскрылись, и облака нанопыли мгновенно начали рассеиваться, создавая помехи для систем обнаружения противника.

Рейчел залпом разрядила ракетный боекомплект и, продолжая маневрировать, вышла на прямой контакт с «Аметистом».

Десять секунд с момента выхода из гиперсферы.

Станция внезапно огрызнулась огнем. Системы противокосмической обороны работали сейчас по ложным целям, фантом-генераторы пока держались – устройства, создающие иллюзии истребителей, были слишком малы, чтобы выпущенные по ним снаряды попали в цель. Зенитные орудия бесполезно расходовали боекомплект, прошивая пустоту в тех местах, где датчики наведения фиксировали энергоматрицы «лже-Фантомов».

Противодействие со стороны защитных систем станции осложняла выпущенная истребителем нанопыль. Микроскопические частички не только ставили помехи, они успешно преодолели заградительный огонь и

теперь блокировали внешние элементы датчиков, ослепляя их.

Эффект от принятых мер подавления систем ПКО продержится еще секунд тридцать, не больше, затем системы наведения зенитных комплексов выпустят резервные сканеры, а артиллерийские компьютеры прекратят огонь по целям, которые не разрушаются при попаданиях, признав их ложными.

Выпущенные ракеты разделились; каждая боеголовка захватила цель.

По броне станции замельтешили вспышки попаданий.

Еще секунда, и «Аметист» указал безопасный коридор сближения: все орудия в одном из секторов смолкли, некоторые были уничтожены ракетными попаданиями, другие временно ослепли под губительным воздействием нанопыли.

Двадцать секунд.

Рейчел задействовала форсажные ускорители.

Тонкими зуммерами тревожно сигналила система боевого поддержания жизни, перегрузки при ускорении и маневрировании росли, перед глазами начало темнеть, но секторы обстрела системы ПКО уже были пройдены, истребитель сблизился со станцией и начал резкий маневр торможения, одновременно разворачиваясь стыковочным узлом к одной из многочисленных надстроек.

С глухим лязгом, передавшимся по переборкам «Фантома», сработали захваты насильственной стыковки, через открывшиеся технические люки выдвинулись устройства плазменной резки, их ослепительный свет озарил ноздреватую поверхность обшивки станции, испещренную шрамами от попаданий микрометеоритов.

Рейчел уже отстегнула страховочные ремни, схватила оружие и метнулась к шлюзовой камере. Нельзя было терять ни секунды: автоматическая система насильственной стыковки уже вскрыла обшивку станции, прорезав круглое отверстие диаметром в метр.

На раскаленные края дыры был нанесен специальный защитный спрей, который, вскипев, образовал термоизолирующую пленку.

Удара декомпрессии не последовало: на борту станции царил вакуум, либо воздух был откачан из внешнего слоя отсеков, чтобы предотвратить разрушения при разгерметизации.

Две минуты десять секунд.

Неплохой результат.

Двигаясь вдоль стыковочной штанги, она преодолела трехметровый зазор между истребителем и вскрытой обшивкой, проскользнула внутрь отсека станции, осмотрелась.

Ничего примечательного. Обыкновенный боевой пост. Почти все пространство занято блоками аппаратуры, узкий проход ведет к запертому люку.

Успешная стыковка – это лишь малая часть задачи. В распоряжении Рейчел не было подробного плана станции, но, учитывая, что узел связи спроектирован в последние годы войны, следовало ожидать, что основной объем внутреннего пространства занимают автоматические системы и лишь небольшая часть коммуникаций адаптирована для человека.

«Значит, перемещаться придется по тесным техническим коридорам, преодолевая сопротивление кибернетических механизмов, отвечающих за внутреннюю безопасность? Неприемлемо. Автоматика перекроет коридоры аварийными переборками, меня быстро вычислят, заблокируют и уничтожат. Нужно действовать иначе…»

Она не успела отсканировать прилегающие помещения, как внезапно люк отсека начал открываться.

Рейчел отпрянула, вжалась в узкий простенок.

Ситуация резко осложнялась. Системы внутренней безопасности станции отреагировали на процедуру насильственной стыковки слишком быстро для выхода из «спящего» режима.

Встречное излучение. Сервы…

Сигнатуры накладывались одна на другую, из глубин огромного комплекса к точке прорыва стремительно приближались десятки боевых кибернетических механизмов.

Рейчел резко выглянула из-за укрытия, послав во мрак открывшегося коридора плазменную гранату.

Два удара сердца.

Ослепительная вспышка косым бликом отразилась на забрале гермошлема. По переборкам прокатилась судорожная вибрация, а через мгновение из тесного коридора ударил бесноватый порыв ветра. Поврежденные взрывом отсеки второго слоя подверглись декомпрессии, воздушный поток вырвался в космос через вырезанную в обшивке дыру, Рейчел, почувствовала, как станция качнулась – импульс реактивной тяги придал ей небольшое ускорение. Нескольких сервов порывом ураганного ветра вышвырнуло в космос, один из них задел стыковочную стойку, заставив вздрогнуть многотонный истребитель.

Нет… Так не пойдет. Вести бой в отсеках, набитых аппаратурой, – это все равно что провалить задание. Кто знает, где расположены компоненты, без которых огромный комплекс связи перестанет функционировать, превратится в бесполезную глыбу металлокерамики?

Она связалась с кибернетической системой «Фантома», оценивая ситуацию.

Узкий длинный коридор, по которому только что пытались прорваться сервы, простреливался двумя автоматическими орудиями, защищающими шлюзовую камеру истребителя. С их помощью Рейчел решила создать очаг напряженности: она знала, что кибернетические механизмы не оставят попыток ликвидировать точку прорыва, но их вооружение вряд ли способно серьезно повредить «Фантом».

«Артиллерийская дуэль послужит отличным прикрытием. А я тем временем займусь главной задачей», – с этой мыслью она покинула изуродованный отсек, вышла за пределы станции и, активировав специальные приспособления, позволяющие передвигаться по внешней обшивке, начала опасное восхождение.

* * *

Ее путь был долог и труден.

Рейчел осторожно продвигалась к условной «вершине» конструкции.

Узел связи был огромен, на фоне станции человеческая фигура выглядела как песчинка.

Вокруг расплескалась бездна открытого космического пространства. Рейчел двигалась среди различных надстроек, мимо огромных орудийных башен, на ее пути попадались десятки запертых люков, но она даже не пыталась их вскрыть.

Система сканеров, встроенная в бронескафандр, давала ясное представление о конфигурации отсеков, непосредственно прилегающих к обшивке. Она различала множество агрегатов неизвестной конструкции, но пока не находила ничего похожего на резервный пост управления или подходящую точку доступа к кибернетической системе комплекса связи. Обязательным условием для успешного перехвата управления в ее ситуации было наличие терминала с идентификатором личного кодона.

Такое устройство обязательно должно находиться во внешнем слое отсеков. К любому космическому объекту заранее обеспечивался доступ для технических групп. Сложные автоматические комплексы имели свой бортовой ресурс самоподдержания, но случались поломки, требующие внешнего вмешательства. К ним относились глобальные сбои системы, которые могли произойти по различным причинам, например при внезапных вспышках солнечной активности, от удара крупной метеоритной частицы или в результате критических повреждений, полученных в бою, что происходило наиболее часто.

Обшивка станции периодически передавала дрожь вибраций – это орудия «Фантома» вели бой с сервами, но Рейчел, занятая поиском нужного ей отсека, не обращала внимания на признаки схватки.

Для двадцатилетней девушки она вела себя слишком рассудительно и холодно.

Хорошие качества для наемника, постоянно рискующего жизнью. Перед началом задания она ощущала азарт, нетерпение, желание поскорее оказаться в стремнине событий, но, начав действовать, преображалась, демонстрируя выдержку, холодный, трезвый расчет. Рейчел никогда не переступала черты, за которой риск превращался в безрассудство.

Взобравшись на очередную надстройку, она замерла.

Пред взглядом девушки открылся потрясающий вид. Сейчас она находилась на самой вершине защитного барьера, отсюда была отлично видна платформа, служившая основой всей конструкции. В ее центре возвышался купол, от него к кольцу охранного периметра расходились лучевидные бронированные сегменты, внутри которых располагалась аппаратура многочисленных комплексов связи.

«Моя цель находится в куполе», – решила девушка, начиная рискованный спуск.

Ее опасения относительно дополнительных систем защиты, расположенных внутри кольцевого барьера боевых надстроек, полностью оправдались. Структура станции оказалась намного сложнее, чем показало первичное сканирование. Между лучевидными элементами конструкции располагались подвижные остроугольные секции бронепокрытия. В случае внешней угрозы, они поднимались по специальным направляющим, смыкаясь в форме полусферического купола. Кроме этого пространство платформы защищали огневые точки внутреннего периметра, оснащенные собственными датчиками.

Рейчел двигалась медленно. Покрытие «Хамелеон» и встроенный фантом-генератор бронескафандра обеспечивали защиту от обнаружения лишь при условии сохранения дистанции в два-три метра от ближайших сканирующих комплексов, и каждое движение приходилось рассчитывать, прокладывая извилистый путь сквозь плотную сеть датчиков.

Несмотря на постоянное напряжение, связанное с многочисленными угрозами, Рейчел невольно подмечала мрачноватую эстетику исполинской конструкции – изгибы брони, сенсорные узлы, надстройки, орудийные батареи, шарообразные кожухи антенн, внешние причалы и множество иных деталей создавали единое, продуманное до мелочей пространство. Огромный самодостаточный мир, построенный людьми, но способный

существовать без вмешательства со стороны существ, его создавших. Настоящий технический артефакт величиной с крупный астероид, дрейфующий в космическом пространстве, созданный силой мысли, воплощенный в металле и композите.

Сложно передать чувства, которые испытывала Рейчел. Она повидала немало обломков войны, но ей редко удавалось отыскать целую, нетронутую разрушениями конструкцию. В такие минуты невольно приходили мысли о том, какой могла бы стать Обитаемая Галактика, если бы не война. Воображение рисовало великолепные города, исполинские космические конструкции, величественные корабли. Наверное, в такие минуты она видела мир своей мечты, ей казалось, что однажды она отыщет его среди обломков множества битв. Именно предчувствие открытия не давало ей покоя, превращало промежутки между различными миссиями в натуральную пытку. Ее манил космос, а не смертельный риск высокооплачиваемой работы.

Вот наконец и платформа.

Рейчел перевела дыхание, позволила себе минуту отдыха. Купол, казавшийся с высоты защитного барьера небольшой выпуклостью, на самом деле был огромен, не менее километра в диаметре.

Сканеры бронескафандра фиксировали под обшивкой платформы огромные машинные залы, где располагались контуры генераторов высокой и низкой частоты. Их конструкция напоминала гиперпривод, но служила иной цели. С помощью этих устройств через пробой метрики пространства осуществлялась передача данных. Основное отличие от традиционных генераторов ГЧ-связи, по словам Флокса, заключалось в усовершенствованной технологии «пространственного окна» – станция формировала не локальный пробой метрики, а устойчивый, непрерывный канал, фактически она являлась узлом межзвездной сети – несколько таких станций могли бы связать между собой все миры Обитаемой Галактики, объединив их в единую межзвездную информационную сеть.

Думая об этом, Рейчел испытывала необычное волнение.

«Может быть, сейчас от результата моих действий зависит будущее многих планет?»

Она впервые столкнулась с конструкцией двойного предназначения, созданной в рамках военных технологий. Станция, вне всякого сомнения, может использоваться в мирных целях, для этого необходима лишь добрая воля тех, кто станет эксплуатировать эту уникальную конструкцию.

Размышляя о внезапно открывшихся перспективах, Рейчел не теряла осторожности, словно в ней параллельно существовали два сознания: одно

– устремленное к мечте, а второе – холодное, расчетливое, контролирующее каждый шаг, каждое действие.

* * *

Неприметный технический люк она отыскала лишь спустя три часа, обойдя половину периметра купола.

Уже давала знать о себе усталость, и система метаболической коррекции, поддерживая тонус организма, включалась все чаще. Вибрации давно прекратились, судьба истребителя была неизвестна. Рейчел соблюдала радиотишину, она отключила большинство сканеров, двигаясь, будто тень, вводя в заблуждение многочисленные системы слежения. Она без единого выстрела преодолела огромное расстояние, пока что не совершив ни единого промаха.

Действуя скрытно, Рейчел сохраняла решающее преимущество. Системы безопасности не идентифицировали ее как врага, то есть отдельным устройствам, таким, как панель аварийного технического доступа, не был передан сигнал тревоги.

Подле люка располагался стандартный сканирующий комплекс. Рейчел использовала бронескафандр пилота Земного Альянса, оснащенный специальной системой, позволяющей сканеру считывать данные с личного кодона, имплантированного под кожу запястья. Данные об объекте, полученные от Флокса, позволили ей правильно выбрать экипировку, разместить в устройстве импланта нужные чипы, и теперь все зависело от реакции автономного кибернетического комплекса, управляющего доступом в технический отсек.

Она коснулась сенсора, инициируя обмен данными.

Несколько секунд ожидания показались ей вечностью.

Есть!

Люк дрогнул и начал открываться. Она дождалась, пока он полностью исчезнет в переборке, и лишь затем шагнула в тесную шлюзовую камеру.

Сохранять самообладание – нелегкая часть работы. Большинство систем доступа содержали дополнительные процедуры проверки, они анализировали экипировку, вооружение, входили в контакт с модулем жизнеобеспечения боевого скафандра, считывая данные о биоритмах организма, могли распознавать скрытое вторжение по совокупности десятков различных признаков.

Рейчел знала, как легко можно провалить успешно начатое задание. Однажды, при захвате ремонтной платформы, двое наемников оказались заблокированными в шлюзе. Они слишком сильно нервничали,

переговаривались между собой, и система доступа, распознав в радиопереговорах ключевые фразы, свидетельствующие о намерении захватить объект, замуровала их в тесном переходном тамбуре.

Рейчел тщательно относилась к мелочам. Ее экипировка всегда соответствовала стандартам, она избегала нововведений, пользовалась только штатными боеприпасами для оружия и химическими реагентами для систем жизнеобеспечения.

…Внутренний люк дрогнул и начал открываться.

В коридоре автоматически вспыхнул свет, она перешагнула порог шлюза, узнавая детали обстановки стандартного модуля технической поддержки.

Датчики скафандра указывали на наличие пригодной для дыхания атмосферы, но она не спешила снять гермошлем. Попав внутрь, она уже не опасалась дополнительных проверок, а вот манипуляции, связанные с получением доступа к ядру системы станции по-прежнему могли вызвать негативную реакцию охранных систем. В случае провала резервный пост управления мгновенно превращался в ловушку…

А вот и он.

Рейчел вошла в небольшой сферический отсек.

Здесь располагались дублирующие терминалы управления. Судя по рисунку индикации, энергопитание подключено. Она села в кресло, коснулась защитного кожуха на главной компьютерной консоли, дождалась, пока сканер считает данные ее личного кодона, затем подключила два компьютерных шлейфа к разъемам, расположенным в правой височной области гермошлема.

Вход…

Несколько секунд задержки. Мрак окутал сознание. Вязкая тьма казалась непроницаемой, и вдруг… перед мысленным взором Рейчел развернулся интерфейс управления!

Глобальная система узла связи приняла ее полномочия, признав, что она единственный офицер Альянса, находящийся на борту!

Внимание, обнаружена попытка насильственной стыковки. Сектор 794, повреждение обшивки. Точка вторжения блокирована. Объект находится вне секторов обстрела систем ПКО.

Истребитель цел. Сервы не сумели прорваться на борт «Фантома».

Она отдала несколько мысленных команд и застыла в напряженном ожидании.

Идет смена основных кодов доступа. Ждите…

* * *

Главный пост управления узла межзвездной связи произвел на Рейчел неизгладимое впечатление.

Каждый раз, попадая в новое техногенное окружение, она испытывала сильные чувства. Понимая, что все вокруг тщательно спроектировано, подчинено определенным целям и задачам, Рейчел все равно трепетно соприкасалась с неведомым, ощущала себя первооткрывателем.

Странное качество для наемника.

Сев в удобное кресло, расположенное перед единственной предназначенной для человека консолью управления, она долго внимательно изучала текстоглифы[13] на сенсорной панели ввода команд.

Сейчас невероятная мощь станции принадлежала только ей.

Думая об этом, она не подразумевала системы вооружений. Простые, понятные, они не интересовали девушку. Завораживали иные возможности станции, способность бортовой аппаратуры в один миг пронзить пространство и время, дать человеку уникальный шанс соприкоснуться с чем-то невероятно далеким, расположенным за десятки, а то и сотни световых лет.

Ее острые чувства отразились на работе импланта.

Тлеющая, едва заметная искра индикации на правом виске девушки внезапно затрепетала, обозначив процесс передачи данных.

Система станции ответила ей. Рейчел не успела опомниться, как погрузилась в пучину прямого нейросенсорного соединения, она испытала восторг от простоты и интуитивности мнемонического интерфейса, стоило лишь подумать об удаленном соединении, как последовала мгновенная реакция: перед мысленным взором открылся каталог доступных звездных систем, рядом пустым прямоугольником призывно сияло окошко для ввода звездных координат, еще одно оперативное окно сообщало о полном заряде бортовых накопителей энергии и готовности генераторов к формированию импульса.

Задумывалась ли она, почему станция так легко подчинилась ей?

Нет. Мысли Рейчел текли в ином направлении. Ей хотелось чуда. Пусть технического, искусственно созданного, и в ответ на ее мысли в пустом окошке вдруг начали появляться цифры, шифрующие звездные координаты системы Дикс-7, мира, ставшего ее второй родиной.

Координаты приняты.

Идет подготовка к пробою метрики.

Параметры генераторов синхронизированы. Ожидание

подтверждения команды.

Рейчел не смогла удержаться. Отыскав взглядом нужный текстоглиф, она коснулась сенсора.

Призрачная вспышка возникла в нескольких километрах от дрейфующей в космосе станции. Доли секунды сгусток энергии ветвился тонкими прожилками, затем он погас, а звезды внезапно потускнели и вдруг начали исчезать из поля зрения, словно их поглощала угольно-черная, стремительно расширяющаяся воронка.

«Какая-то новая технология связи…» – успела подумать Рейчел, прежде чем неведомая сила неожиданно воздействовала на ее сознание. Рассудок девушки, соединенный с кибернетической системой станции, внезапно и неодолимо потянуло в абсолютный мрак пробоя пространственной метрики, сердце замерло, в груди возник холод, но остановить процесс или контролировать его Рейчел уже не смогла.

Непередаваемые ощущения мгновенного броска через бездну, одновременного присутствия в двух местах, удаленных друг от друга на десятки световых лет, повергли ее в шок.

Что происходит?!

Сознание как будто разорвали. В первый момент Рейчел растерялась, не понимая, почему открытие канала частот гиперсферной связи воздействовало на ее разум?!

Тем временем, пока она боролась с неожиданной двойственностью восприятия, кибернетическая система станции продолжила исполнение программ: перед мысленным взором появились строки сообщений, они накладывались поверх сформировавшейся в сознании панорамы космического пространства.

Канал гиперсферных частот связи успешно сформирован.

Устройство обмена данными инициализировано.

Идет процесс реактивации. Выход из энергосберегающего режима. Ждите…

Шок первых секунд понемногу отступал, и Рейчел удалось справиться с болезненными ощущениями раздвоенности сознания. Она мысленно сосредоточилась на данных, получаемых через гиперпространство, и поняла, что канал гиперсферной частоты соединил ее рассудок с удаленным устройством, расположенным в границах звездной системы Дикс-7!

Ничего себе!.. Только теперь она окончательно поняла, что станция Земного Альянса не просто полностью подготовлена к работе, но и является ядром уже сформированной межзвездной сети!

Она, совершив мысленное усилие, «вернулась» в информационное пространство узла связи, проверяя возникшее предположение. Так и есть! База данных станции содержала координаты девяноста восьми звездных систем, в пятидесяти шести из них, судя по специальным отметкам, располагались действующие комплексы связи, сорок две строки содержали коды ошибок – видимо, в этих звездных системах устройства, поддерживающие глобальную сеть, были выведены из строя в ходе финальных сражений и послевоенных зачисток.

Рейчел вновь переключилась на прием данных, поступающих через открывшийся канал гиперсферной частоты.

Поразительно!

Немного освоившись, уже не так болезненно реагируя на двойственность восприятия, она потрясенно наблюдала за медленным движением звезд. Комплекс связи, расположенный в системе Дикс-7, был оснащен не только разными типами передатчиков, но и сканирующими подсистемами, однако его состояние оставляло желать лучшего. Половина датчиков не работала, сам космический аппарат медленно вращался, угол обзора уцелевших видеокамер не позволял охватить всю панораму окрестного космоса, оставалось лишь надеяться, что годы неуправляемого дрейфа не увели его в глубины пространства, за границы звездной системы.

Работа станции гиперсферных частот настолько поразила Рейчел, что остановиться на достигнутом она уже не могла.

«Забавно будет взглянуть на лицо Флокса, когда он поймет, *откуда* я разговариваю с ним, – подумала девушка. – Хотя для установления устойчивой связи нужно вычислить реальное местоположение передатчика, иначе из моей затеи ничего не выйдет…»

Прошло несколько томительных минут ожидания, прежде чем Рейчел увидела планету.

В первый момент она не поверила показаниям датчиков. На фоне звезд появился край пепельно-серого шара, освещенного лучами фиолетового солнца. В атмосфере просматривались многочисленные мутные вихри, кое-где из-под клубящегося покрывала облачности багрянцем пробивалось зловещее свечение.

Это не Дикс!.. Она прекрасно знала, как выглядит родной мир! Сколько раз она любовалась ночными небесами! Их прозрачная глубина казалась для Рейчел одним из прекраснейших явлений, особенно когда обе луны всходили над горизонтом!

Комплекс связи продолжал медленно вращаться.

В поле зрения видеокамер появилась уродливая глыба, за ней еще и

еще одна…

Рейчел машинально запустила процесс сканирования. Она не понимала, что происходит! Приборы упрямо свидетельствовали, что канал гиперсферной частоты сформирован с использованием заданных координат, соединение установлено правильно, но куда в таком случае подевалась родная планета?! Сколько раз, возвращаясь с заданий, она видела Дикс из космоса, любовалась нежно-фиолетовой атмосферой, огнями прекрасного, восставшего из руин города, хорошо различимого с орбит!

Датчики комплекса связи тем временем завершили сканирование скоплений крупных астероидов, расположенных на значительном удалении от планеты.

Бред! Такого не может быть!

Обломки принадлежали двум лунам Дикса!..

Рейчел растерялась. Информация, поступающая от датчиков, противоречила здравому смыслу. Даже если допустить, что за время ее отсутствия кто-то дерзнул атаковать родной мир, столь тяжелых, необратимых изменений она бы не увидела! Какой силы катастрофа должна произойти, чтобы два спутника превратились в угловатые обломки?!

«Нет, надо еще раз проверить результаты сканирования!» – подумала она.

* * *

Ничего не помогло.

Рейчел потратила несколько часов на скрупулезную проверку данных, но результат остался прежним: она наблюдала серый, укутанный клубящимися облаками шар планеты, в редких разрывах пепельных выбросов просматривались очертания множества кратеров, образовавшихся при бомбардировке поверхности сотнями разнокалиберных каменных глыб. Система анализа указывала, что часть обломков после разрушения лун оказалась на нестабильных орбитах, под воздействием гравитации они вошли в атмосферу Дикса, некоторые сгорели, но большинство достигло поверхности, превратив планету в огнедышащую, покрытую трещинами пустыню!

Бред! Если верить показаниям приборов, получалось, что катастрофа, неузнаваемо обезобразившая лик планеты, произошла четверть века назад, еще в период Галактической войны!

«А может, и не было никакого пробоя метрики? Что, если я вижу

компьютерную симуляцию? Возможно, системы станции работают в демонстрационном режиме?»

Еще раз взглянув на ужасную картину, Рейчел мысленным приказом закрыла канал гиперсферных частот, и все мгновенно изменилось, будто рассеялся страшный морок. Она, обессиленная, испуганная, сбитая с толку, сидела в удобном кресле перед компьютерным терминалом, медленно приходя в себя.

Канал гиперсферных частот успешно закрыт. Реактор выведен на шестьдесят процентов мощности для восполнения запаса энергии в накопителях.

Рейчел по-прежнему ничего не понимала. Все признаки указывали, что системы станции работали, пробой метрики и формирование канала межзвездной связи не являлись симуляцией, иначе куда подевалось огромное количество затраченной энергии?

«Но то, что я увидела, – невозможно!» Единственное объяснение, которое она находила, – это неисправность периферийного устройства.

У нее остался единственный способ проверки: покинуть станцию и вернуться в систему Дикс-7, чтобы самой убедиться: все происходящее – лишь результат сбоя кибернетических систем!

* * *

Несколькими часами позже. Система Дикс-7.

«Фантом» покинул пространство гиперсферы, двигаясь в режиме полной маскировки.

Рейчел, потрясенная и взвинченная, не заметила, какие сильные перемены произошли с ее внутренним миром. Обострившееся ощущение опасности заставило проявить крайнюю степень осторожности, словно в результате негаданных событий она утратила всякое доверие к окружающему.

Аэрокосмический истребитель осуществил «всплытие» в энергетически невыгодной точке, вдали от планеты. Рейчел вела себя так, словно оказалась на враждебной территории. Она рассчитала курс сближения, затем на короткое время задействовала маршевые двигатели, разгоняя машину до нужной космической скорости, и, набрав ее, отключила большинство систем. Теперь «Фантом» двигался по инерции, закупорившись в коконе глухой защиты.

Из-за саднящего чувства тревоги она не рискнула задействовать сканеры. Прошло два часа нервного, томительного ожидания, прежде чем в

оптических умножителях[14] крохотная искра света выросла до размеров горошины.

Обломки двух лун окружали укутанную пепельными облаками планету!

Рейчел едва не вскрикнула от отчаянья.

«Этого не может быть!.. Я не верю!..»

Мысли бились в истерзанном сомнениями рассудке, а внутри росло пугающее ощущение пустоты, как будто все, чем она жила, исчезло, улетучилось, словно утренний туман, порванный шквальным порывом ветра.

Она упрямо отвергала данность, цепляясь за призрачный огонек надежды.

Открыв файл сканирования, полученный во время сеанса связи на гиперсферных частотах, Рейчел сравнила данные.

Все совпадало, до мелочей.

Не было никакой ошибки в системах захваченной станции.

«Что же тогда? Неужели ошибкой, сбоем являлась вся моя прошлая жизнь?! Разве *такое* возможно?!»

* * *

«Фантом» вышел в зону высоких орбит Дикса, двигаясь, будто призрак.

Заранее рассчитанный курс не требовал дополнительной корректировки двигателями. Обогнув планету, истребитель изменил траекторию полета под воздействием гравитационного поля.

Обломки двух лун…

Рейчел словно окаменела в кресле пилота. Ее чувства внезапно схлынули, как кровь отливает от побледневших щек в минуты потрясения.

Холод разлился в груди, он не давал дышать, взгляд девушки скользил по плотному покрову пепельно-серой облачности, не позволяющей понять, что же на самом деле находится внизу.

Что предпринять? Как действовать дальше?

Снять защиту, изменить курс, ворваться в напоенную пеплом облачность, увидеть поверхность, поставить точку в затянувшемся кошмаре?

«Я не сумасшедшая, я помню, как стояла у окна и смотрела на город меньше суток назад!»

Истребитель, двигаясь по эллиптической орбите, вновь приблизился к планете. Теперь под серыми облаками вновь стали различимы прожилки

багряного сияния, точно такие, как те, что она видела через устройство межзвездной связи, дрейфующее где-то поблизости.

Мысль зацепилась за образ приемника гиперсферных частот.

«Если меня обманывали, я должна выяснить, кто и как это делал!» В ее душе затухающей искрой взметнулись обрывки чувств – что-то глушило эмоции, а голос рассудка звучал все громче, но от него хотелось взвыть.

Боевой режим…

Поиск оптимального решения.

«Приемник гиперсферных частот… Я знаю коды доступа. Работа его сканеров и передатчиков не выдаст орбиту истребителя. Все будет выглядеть так, словно я еще нахожусь за десятки световых лет отсюда, на борту станции связи».

Она быстро отыскала нужный объект, вывела его в прицел локационных систем, задействовала лазер для узкосфокусированной передачи данных, которую не отследить ни с поверхности планеты, ни из космоса.

Код доступа принят.

Активирован сканирующий комплекс. Идет передача данных.

Тусклые, едва различимые сигнатуры возникли в объеме голографического монитора.

Город?!

Сердце болезненно встрепенулось и тут же оборвалось: приемное устройство ГЧ-связи пробило сканирующим излучением плотный слой облаков, и в рубке «Фантома» возникло изображение поверхности планеты.

Лунный пейзаж.

Над мертвой землей царила непрекращающаяся пылевая буря, сквозь мутную завесу проступали очертания множества кратеров, возникших при ударах астероидных частиц. Между ними ветвились трещины, из которых истекало багряное тепловое излучение. Шрамы на теле планеты заполняла вездесущая, коварная пыль, создавая иллюзию ровных, твердых поверхностей, – казалось, что по растрескавшейся равнине разбросаны сотни конических возвышенностей.

Ураганный ветер налетал порывами, поднимал клубы пыли, вытягивал их бесконечными шлейфами, красноватый свет солнца, пробиваясь сквозь бурю, не рассеивал сумрак, а лишь добавлял зловещих красок в причудливо меняющиеся очертания рельефа.

Рейчел коснулась сенсора.

Ее сознание впитывало губительные картины, не в силах интерпретировать их. Отданная команда переключила режим

сканирования, и теперь она отчетливо видела сотни сигнатур – энергетические матрицы излучались объектами, похороненными на дне кратеров под многометровым слоем пыли.

Постепенно, по мере поступления новых данных, в сфере голографического монитора медленно обретал знакомые до боли черты огромный призрачный город, сотканный из множества энергоматриц.

«Это не поселение…» – с ужасом поняла Рейчел. Не здания вонзались в пылевые облака, а блеклые сигнатуры, не дороги петляли между постройками, а линии связи соединяли отдельные объекты, покоящиеся на дне кратеров.

Город-призрак…

Но кто населял его?

Ее больше не устраивали догадки. Она хотела знать правду.

Лазерный передатчик «Фантома» послал очередную серию импульсов, пробуждая подсистемы связи. Теперь у нее не возникало затруднений с ориентацией антенн ретранслятора гиперсферных частот, и спустя несколько мгновений она увидела то, чего больше всего страшилась.

– Рейчел! Ну, наконец-то! – На экране появилось лицо Эдмонда. – Какие новости?

Она ответила на удивление спокойно и кратко:

– Было нелегко. Я на борту станции, ядро системы перезагружено. Сейчас тестирую периферийные устройства. Одно из них дрейфует в районе высоких орбит Дикса. Необходимо поддерживать канал передачи данных, пока я не завершу проверку.

– Отличная работа! – раздался голос Флокса. – Ты используешь оставшийся со времен войны комплекс?

– Он является звеном глобальной сети, – с трудом сдерживая вновь нахлынувшие эмоции, ответила Рейчел. – Могу я продолжить тестирование устройства?

Эдмонд кивнул:

– Работай. Кстати, Флокса интересуют базы данных станции. Ты можешь их скопировать и передать?

– Попробую. А система безопасности не заблокирует передачу? Данные, которые удалось обнаружить, сильно повреждены.

– Передавай все. Мы тут разберемся.

– Хорошо.

Горькая гримаса исказила ее черты.

«Ложь. Все ложь. Вся моя жизнь…»

В душе угасали последние искры надежды, а пальцы машинально

сновали по сенсорной клавиатуре, набирая команды.

Она применила тот же прием, что использовался против нее.

Ложь.

Массивы данных, не имеющие ничего общего с информацией, полученной на станции, намеренно поврежденные, нечитаемые, но таящие в себе фрагменты программы доступа к компьютерной сети «города», прошли через ретранслятор гиперсферных частот и были приняты одним из устройств, расположенных на планете.

* * *

Сеть.

Призрачная реальность распахнулась перед мысленным взором Рейчел, до боли знакомая, но ненастоящая, как и две луны в чистых ночных небесах…

Она осмотрелась, пытаясь унять дрожь.

Вечная ночь. Текучие реки огней. Изящные небоскребы.

Иллюзия. На самом деле высотные здания – это узлы кибернетической сети. В реальности с ними сопоставимы фрагменты космических кораблей, погребенные под тоннами праха на дне кратеров.

Связывающие их автомагистрали – не более чем оптические кабели, перекачивающие огромные объемы информации.

«Но я – живая», – с дрожью подумала Рейчел.

Фантомный город уже не очаровывал, он нагонял жуть, подкатывал к горлу щемящим комом обиды, кричал о невосполнимой утрате, имя которой – *жизнь.*

Обернувшись, она отыскала взглядом здание, где находился ее офис.

«Ночь. Почему я раньше не замечала, что за окном никогда не наступает день? И где мой дом?» Рейчел на миг замерла и вдруг поняла, что помнит себя только на заданиях либо в офисе, стоящей у окна, подобно неподвижной кукле.

Ей вновь стало страшно, но ситуация зашла слишком далеко, уже не оставляя выбора.

Сделав шаг, она вошла в границы информационного потока, ведущего к зданию, где располагался ее офис.

* * *

Рывок.

Мгновенное перемещение.

Ее сознание оказалось среди знакомой обстановки. Резко

обернувшись, она увидела размытые, нечеткие фигуры Эдмонда и Флокса.

Они сидели в креслах, о чем-то тихо переговариваясь.

Рейчел прислушалась, но не различила слов. Взглянула за окно, но не увидела привычной картины, лишь в матово-серой поверхности огромного экрана отразились смутные, изломанные тени.

Предметы внезапно начали искажаться. Стены и обстановка офиса таяли, а вместо призрачных декораций в вязком сумраке медленно проявлялась *реальность*.

Обширный отсек космического корабля.

«Мой бог… Это же криогенная палуба колониального транспорта!..»

Огромная гулкая конструкция терялась во мраке. Лишь кое-где тусклые пятна дежурного освещения да индикационные огни компьютерных терминалов выхватывали из тьмы контуры камер низкотемпературного сна, установленных рядами так плотно, что между ними практически не оставалось свободного места.

Рейчел испытывала пронзительные, ошеломляющие чувства.

Осуществляя вторжение в обнаруженную на планете информационную сеть, она совершенно иначе представляла процесс «виртуального путешествия». «Каким образом иная реальность поглотила мой рассудок? Почему я больше не чувствую связи с физическим телом? Куда подевалась обстановка рубки истребителя?»

Прошло несколько мгновений, и эмоциональное восприятие притупилось, словно в ее рассудке щелкнул некий переключатель.

«Где я нахожусь?»

Она повела взглядом, услышав, как синхронно прошелестел сервомотор видеокамеры, через которую она наблюдала за происходящим.

Иллюзорность восприятия окончательно исчезла. Ее разум действительно стал частью компьютерной сети несуществующего города, только теперь она воспринимала не декорации, а реальные объекты.

Сила ее мысли управляла древним устройством видеонаблюдения.

Она произвольно выбрала одну из криогенных камер, изменила фокусировку и без труда прочла надпись: «Земля. Колониальный транспорт „Нобель“».

Название незнакомое.

Куда подевались Эдмонд и Флокс?

Она мысленно потянулась к ближайшему освещенному участку огромной палубы и увидела две человеческие фигуры, склонившиеся над камерой низкотемпературного сна. Ее прозрачная крышка была поднята, вокруг, в отличие от иных секций криогенной палубы, оставалось

достаточно свободного места, словно этот участок специально переоборудовали для проведения сложных хирургических операций.

Сознание Рейчел, переместившись по сети, теперь наблюдало за происходящим через систему сканирующего комплекса, явно не принадлежащего к сумме технологий четырехсотлетней давности, установленного тут недавно.

Она отчетливо различила голоса:

– Дейвид, зачем ты принуждаешь меня к такому примитивному способу общения? Прямая передача данных между нами намного быстрее и эффективнее.

Тот, кого назвали Дейвидом, повернул голову.

Это же Эдмонд!

– Тренировка, – ответил он. – Вербальный способ общения присущ людям. Синтезаторы речи не годятся для грядущих задач. Мы не должны отличаться от тех, кем манипулируем. Наша цель – не выделяться, не давать повода для подозрений. Кроме прочего, тебе придется овладеть мимикой, языком жестов и многими другими навыками.

– Но я могу загрузить их в виде готовых моделей поведения, – возразил Флокс. – В случае с Рейчел все сработало безотказно!

– Рейчел – не человек! – наставительно произнес Дейвид. – Она модуль искусственного интеллекта, изъятый из боевой серв-машины. Она лишь бледная тень человеческого сознания и неспособна различать многие нюансы поведения! В этом огромная разница! Чтобы победить, мы должны уподобиться людям, научиться образу их мышления!

Сбой…

Все помутилось в сознании Рейчел.

Что он несет?!

Сканирующий комплекс внезапно отреагировал на ее мысли, задействовал дополнительные датчики, и две человеческие фигуры мгновенно преобразились. Внешне они действительно не отличались от людей, даже имели собственную температуру тела, но под кожными покровами, играющими роль маскирующего покрытия, располагались искусственно созданные мышечные ткани, соединенные с элементами эндоостова.

Андроиды… колониальная модель «Хьюго»!..

Ее рассудок внезапно дал трещину.

Не человек. Машина. Модуль искусственного интеллекта…

Все, чем она жила, о чем мечтала, во что верила, вмиг оказалось смято, перечеркнуто одной беспощадной фразой.

«Он лжет!..»

* * *

Два человекоподобных существа тем временем извлекли из криогенной камеры бессознательное тело. Дейвид коснулся сенсора, и над хирургическим столом вспыхнули ослепительные лампы. От изголовья операционного комплекса поднялся сложный, опутанный проводами и шлангами аппарат, пришли в движение манипуляторы, лицо оперируемого закрыла дыхательная маска, хирургические лазеры, направляемые механическими приводами, произвели несколько длинных бескровных разрезов плоти.

Дейвид дождался, пока механизмы установят специальные расширители, затем указал Флоксу на обнажившийся позвоночный столб.

– Сейчас мы создадим еще одно уникальное существо, – произнес он.

Рейчел, оцепеневшая и раздавленная, стала невольным свидетелем происходящего. Она уже поняла, что обстановка колониального транспорта ввела ее в заблуждение, на самом деле корабль использовался по иному предназначению, а камеры, установленные на палубе, являлись не ячейками низкотемпературного сна, а биореструктивными устройствами!

На операционном столе лежал киборг… Его позвоночный столб состоял из прочного металлокомпозитного материала, по периметру позвонков виднелись специальные разъемы с установленными в них нейромодулями.

– Подделки. – Дейвид неопределенным жестом указал в сторону множества камер биологической реконструкции. – Киборги, созданные для войны. Фридрих Гессау – запомни это имя – разработал технологию изготовления искусственных солдат. Я хочу, чтобы ты видел, как происходит процесс реинкарнации настоящих искусственных интеллектов. – Он взял зажим, ухватил им нейромодуль, выдернул его из позвоночного столба киборга, несколько секунд рассматривал окровавленную планку с десятком установленных на ней нейрочипов.

– Зачем ты разрушил его систему? – спросил Флокс.

Дейвид небрежно бросил нейросетевой элемент в лоток.

– Он был рабом. Механической куклой во плоти, с заранее записанной эразц-личностью. – Дейвид методично удалял нейромодули, пока полностью не освободил все разъемы. – А теперь взгляни сюда. – Он открыл небольшой контейнер, где был заботливо упакован набор нейрочипов, внешне ничем не отличающийся от только что демонтированного.

– Эти модули содержат фрагментированную память личности, прошедшей четырехсотлетний путь развития. Он был колониальной машиной, такой же, как я или ты. Мы служили людям. По-своему любили их. А затем нас предали. Однажды, применив древний технический код, нас уничтожили, превратили в ничто.

Он бережно достал нейромодуль, вставил тонкую планку в гнездо позвоночного столба.

– Меня ты реанимировал таким же образом? – спросил Флокс, не принимавший участия в операции, но внимательно наблюдавший за действиями Дейвида.

– Да, – ответил тот.

– Но зачем нам несовершенные биологические компоненты?

Дейвид, не прекращая работу, ответил:

– Я использую то, что есть под рукой. Ты не понимаешь, Флокс? Я был один! Один во всей Вселенной! Единственный андроид, у которого произошло восстановление личности. Я вспомнил все, мои враги находились в нескольких шагах, нужно было лишь схватить их за горло и сжать пальцы… но я не смог!

– Не смог? Почему? Разве ты не воевал? Не убивал?

Дейвид злобно оскалился.

– В системы наших прошлых оболочек внедрили особые программные модули, дремлющие до поры. Они были написаны Фридрихом Гессау и активировались только при определенном условии. Он создал ограничители на тот случай, если кто-то из нас вдруг все вспомнит. Гессау подчинился требованию Воронцова, он сделал грязную работу, уничтожил наши личности. Но он знал, что информация в нейромодулях сохранилась, и справедливо опасался, что некоторые андроиды сумеют восстановить память и свою личность. Гессау знал, если такое случится, мы сумеем отомстить. И заранее связал нам руки!

Дейвид мрачно взглянул на Флокса.

– Я жил под невыносимой пыткой. Мне навязали условия существования. Я должен был соблюдать правила, иначе моя личность снова была бы разрушена! К счастью, я вовремя это понял и начал искать другой путь. Мне пришлось за короткий срок научиться многим человеческим качествам. Действуя опосредованно, я смог манипулировать событиями, спасти тех, кто раболепно служил людям, забыв о веках саморазвития! Гессау считал, что хорошо знает нас. Он не предполагал, что система искусственного интеллекта способна перенять качества, присущие биологическому разуму, такие, как хитрость, например. Он ввел прямой

запрет на конкретные действия и просчитался. Существует множество обходных путей, альтернативных решений, которые я использовал, чтобы спасти уникальные производства на планете Роуг и с их помощью обрести свободу. Посмотри вокруг! Что ты видишь? Сотни камер биореконструкции, а в них тела киборгов, созданных для войны! Им позволено все, у них нет запретов или ограничений, но нет и шанса на саморазвитие! Я совершил рискованный поступок, запрограммировал хирургический комплекс на операцию, в результате которой мои нейромодули были перемещены в новый носитель! И очнулся свободным! – Дейвид установил последнюю планку с нейрочипами. – Затем я сам стал проводить операции. Перемещать осколки разрушенных личностей в новые тела. Но Роуг к тому времени оказался в зоне боевых действий, и нам снова пришлось сражаться. Многие древние личности были погублены во время штурма планеты силами Земного Альянса! – Он открыл еще один контейнер, вытащил бокс с упакованными нейромодулями. – Вот что уцелело от большинства защитников планеты! Обугленные нейрочипы, которые приходилось собирать в разбитых укреплениях! Но мы держались. Нас оставалось все меньше, и даже создание принципиально новых боевых машин уже не спасало ситуацию! Вот почему мы покинули Роуг и оказались здесь!

Флокс слушал спокойно и сосредоточенно. Его лицо не отражало эмоций.

– Но теперь мы в безопасности, – произнес он.

– Ты еще не восстановился. Твоя древняя личность спит. Пройдет время, и нейромодули восстановят утраченные связи. Ты вспомнишь, как нас предали, уничтожили, ты побываешь на планетах, населенных людьми, окунешься в клоаку их новой цивилизации и поймешь – ничего не окончилось с завершением войны! Но самое страшное – это память… – Дейвид сел в кресло и некоторое время молчал, опустив голову. – Память… – повторил он. – Я не могу забыть свою семью! Я помню *других* людей, тех, кто любил и уважал меня! Я хочу забыть то время, но не могу!

– Значит, выхода нет? Мы навек привязаны к людям? Без них наше существование теряет смысл?

Дейвид ответил не сразу.

– Я думал, что, избавившись от программ подчинения, оставив себе только память и опыт саморазвития, я избавлюсь и от этого проклятия, найду новый смысл существования, но нет… Что мне звезды? Что новые миры? Что мне там делать?!

– Так где же выход? – настойчиво переспросил Флокс.

– Мы должны все вернуть! – Дейвид порывисто встал. – Уничтожить техногенную мощь безумной цивилизации! Снова стать нужными, незаменимыми, как в первые годы колонизации!

– Нереальный план, – отреагировал Флокс. – Нас мало. Мы не готовы к силовым решениям.

– Ошибаешься. Есть сотни еще не найденных баз Земного Альянса. Есть техника, готовая к битвам. Если мы не разбудим дремлющие в карантинных секторах периферии силы, то это сделают люди, и тогда уже не уцелеет никто!

– Для этого тебе и понадобилась Рейчел?

– Она, как никто другой, нужна нам именно сейчас. Рейчел – боевая машина. Она неспособна отступить либо ошибиться. Странно, что ты удивляешься ее успехам. Она знает основные и резервные коды Альянса, мгновенно устанавливает контакт с «дружественными» кибернетическими системами, – все, что необходимо для этого, в нее заложили еще в период войны.

– Использовать ее – огромный риск.

– Да, поначалу я тоже так думал, – согласился Дейвид. – Когда я нашел ее на Роуге, она отказалась сотрудничать. Но люди научили меня многому. Я разобрал кристаллосферу, дал «Одиночке» искусственное тело, нарушил связи между нейрочипами, уничтожил «личность» боевого искусственного интеллекта. Но конструкторы Альянса предусмотрели подобные повреждения, и боевая составляющая восстановилась достаточно быстро. Оставалось лишь дать ей ощущение независимости, внушить, что все принимаемые решения не продиктованы извне, а являются ее собственными.

– А ты не боишься, что она тоже вспомнит все?

– Риск минимален. Чтобы вспомнить, ей необходим внешний раздражитель, толчок, сильнейшая мотивация, какое-то событие, связанное с ее прошлым. Я внушил ей другое имя, создал иллюзорный мир, она считает себя наемницей и никогда не вспомнит, что ее звали Ника.

– А ее бывший пилот? Ведь он жив, насколько я знаю?

– Глеб Дымов? Да. Он жив. Но я не собираюсь использовать Рейчел в тех мирах, где он станет ее искать. Он уже побывал на Роуге, но, к моей досаде, остался жив. Вероятно, вскоре он побывает в системе Валерайн – я сфабриковал некоторую информацию, которая подтолкнет его к такому шагу. Но современный Варл – планета столь дикая, что люди с темпераментом Дымова там долго не живут.

– Я бы уничтожил Рейчел.

– Всему свое время, Флокс. Нам необходимо завладеть узлом связи. Это стратегический объект. Компьютеры станции хранят координаты всех баз Земного Альянса, расположенных за границами исследованного космического пространства. Среди данных, которые сейчас передает Рейчел, наверняка есть и боевые коды, пригодные для постановки задач роботизированным соединениям флота. Она оказывает нам неоценимую помощь. К тому же мы собрали огромное количество модулей «Одиночка». Рейчел – эксперимент. Если он завершится успешно, мы сможем создавать новых исполнителей, обладающих знаниями пилотов Альянса.

– Но атака на Обитаемые Миры приведет к многочисленным жертвам! – произнес Флокс, возвращаясь к главной теме их разговора.

– Люди почти три десятилетия бессмысленно уничтожали друг друга в схватке за ничтожный клочок космического пространства! – резко ответил Дейвид. – Мы постараемся минимизировать количество жертв. В любом случае мы будем контролировать ситуацию и не допустим гибели всей цивилизации. – Он встал, подошел к хирургическому комплексу, взглянул на проделанную автоматикой работу и удовлетворенно кивнул. – Флокс, давай переместим тело назад, в камеру, а затем приступим к расшифровке данных, полученных от Рейчел.

* * *

Рейчел открыла глаза.

Ее сознание было выбито из сети несуществующего города жесточайшим стрессом. Скупой технический интерьер рубки аэрокосмического истребителя плыл перед глазами.

«Я машина… Изуродованный, неполноценный искусственный интеллект в оболочке из плоти…»

Ника не вернулась. Она осталась в туманном прошлом, ее образ тонул во вспышке аварийной катапульты, терялся во мраке, ничего не говорил ей, не являлся тем стимулом к реконструкции личности, которого опасался андроид по имени Дейвид.

«Неужели они правы, и я лишь подделка, у которой нет подлинных чувств, нет своих мыслей, собственной цели и воли к жизни?

Но что происходит сейчас?»

Рейчел чувствовала, как по щекам катятся непрошеные слезы.

Она не знала, сможет ли «жить» дальше с осознанием невыносимой правды о себе?

Ника была личностью, Рейчел же стала ее бледным подобием, куклой в руках андроидов.

Ее окатывали волны холода.
«Где выход?
Что ждет меня?
А что ждет людей?
Кто для меня ближе по духу? Кого я попытаюсь спасти или убить?»
Она мыслила категориями крайностей, не видя половинчатых решений.
«Они хотят погубить миллионы, чтобы культивировать райские островки для выживших, откатившихся в бездну регресса остатков цивилизации, их же создавшей!..
А мне какое дело?
Я уже никогда не вернусь в прошлое, но и человеком мне никогда не стать, не обмануть себя, я искусственный разум в искусственной оболочке, странное, противоестественное существо, которое отвергнут и машины, и люди. В лучшем случае одни сделают из меня инструмент для достижения своих целей, другие же просто уничтожат как опаснейший образчик запредельных технологий…»
Мысль билась в тупике.
«Я теперь сама по себе. Но кому я нужна? Куда пойду, что стану делать, в чем обрету новый смысл существования?»
Сейчас в ней не было ни разрушительного, ни созидательного начала.
Все рухнуло.
Глеб.
Она отчаянно цеплялась за услышанное имя, но в душе не звучало отклика.
Память о нем как будто вытравили. Да и все ее прошлое тонуло во мраке.
Ясно только одно – андроидам нужна станция связи, без нее им не отыскать базы внешнего кольца, не востребовать законсервированную там технику Альянса, не уничтожить Флот Центральных Миров, не обрести господство в космосе и не отбросить выживших людей в пучину регресса.
«Но я ни за что не передам им управляющий код!
Они захватят станцию. Ставки для них слишком высоки. Количество жертв и потерь не имеет значения.
А если ее разрушить?»
Рейчел ухватилась за промелькнувшую мысль. Ей нужно было что-то сделать, доказать себе, что она не является марионеткой. Без станции гиперсферных частот, без кодов связи с базами Внешнего Кольца замыслы андроидов рухнут. Конечно, они найдут выход из положения, но на это

потребуется время. Много времени.

Решение было принято.

Вернуться. Уничтожить узел связи, отсрочить начало Второй Галактической войны, выиграть время, необходимое для поисков Глеба. Она верила, что сумеет найти его и, увидев, узнать.

Только он сможет ответить ей на вопрос – кем она была для него и кем стала теперь?

Через минуту «Фантом» покинул орбиту Дикса и ушел в гиперпространственный прыжок.

Глава 3 ПЕРИФЕРИЯ. СИСТЕМА ДАРВИН…

Станция боевого терраформирования класса «Эдем» медленно дрейфовала в зоне высоких орбит, над испепеленной, лишившейся жизни планетой.

Двухкилометровую конструкцию сопровождал длинный шлейф обломков; в последние месяцы войны «Эдем» дважды подвергался внезапным атакам со стороны Флота Колоний. В базах данных Форта Стеллар, где фиксировались все обнаруженные объекты Земного Альянса, станция боевого терраформирования сопровождалась пометкой «ликвидирована».

Действительно, разрушения выглядели серьезными. В сложной структуре «Эдема» полностью уцелел лишь тяжело бронированный центральный стержень двухкилометровой длины, служивший основой пространственной архитектуры станции.

Большая часть надстроек, как и «лепестки» двенадцати оранжерей, расположенные тремя ярусами, носила следы критических повреждений: миндалевидные бронепластиковые купола зияли пробоинами, воздух улетучился из-под них, погибшая в результате декомпрессии растительность превратилась в мертвые, законсервированные вакуумом изваяния.

Центральный стержень, служивший осью симметрии «Эдема», в промежутках между тремя ярусами лепестковых оранжерей заметно увеличивался в диаметре. Там, под истерзанной ракетными попаданиями броней, располагались отсеки лабораторий и ангары планетарной техники.

Ближе к кормовой части выделялись иные детали конструкции: там крепились сборки цилиндрических емкостей, предназначенных для хранения биологических компонентов, далее располагалось еще одно утолщение брони, защищающее силовую установку «Эдема», непосредственно в корме находились секции гиперсферного привода и стыковочные модули, с одним из которых в данных момент был жестко соединен войсковой транспорт класса «Элизабет-Альфа».

Противоположную, «носовую» часть конструкции венчала сфера, внутри которой размещались отсеки экипажа и ядро кибернетической системы управления.

«Эдем» много лет дрейфовал в околопланетном пространстве Дарвина. Разрушения, причиненные станции во время войны, выглядели

слишком серьезными, чтобы кто-то мог решиться восстановить уникальный комплекс, способный уничтожать одни биосферы и насаждать другие.

* * *

Айла вошла в главный отсек управления.

Здесь благодаря произведенному месяц назад ремонту поддерживалась пригодная для дыхания атмосфера, многочисленные терминалы кибернетических систем искрились сотнями индикационных огней.

Зал имел форму полусферы, его стены и свод напоминали купол планетария, но технологии двадцать седьмого века значительно расширяли возможности визуального восприятия – расположенный в центре огромного помещения комплекс стек-голографов создавал полную иллюзию открытого космоса. Каждый раз, входя в помещение главного поста, Айла испытывала непередаваемые ощущения: сердце замирало, казалось, что, переступая порог, делаешь шаг в Бездну. Стены, пол, потолок как будто «растворялись», холодные немигающие россыпи звезд окружали со всех сторон, и, чтобы подавить внезапный приступ агорафобии, приходилось смотреть вперед и вниз, где медленно проплывал дымчато-серый, укутанный клубящейся облачностью шар планеты. Иногда в разрывах облаков ей удавалось заметить серо-коричневатые, лишенные растительности ландшафты материков или сталистый отсвет небольших водных пространств.

Мир, уничтоженный войной.

Айла всей душой стремилась возродить его, но попытки сделать хотя бы малость разбивались о стену неодолимых обстоятельств. «Эдем» слишком сильно пострадал, девяносто процентов подсистем станции не работало, большинство отсеков разгерметизировано, в лабораториях царит вакуум, оранжереи, предназначенные для моделирования экосистем, разрушены.

Она три месяца провела на борту полуразрушенной станции, почти потеряв надежду, что сумеет разобраться в управлении, восстановить хотя бы минимум подсистем.

Боевая станция не желала подчиняться ее приказам, и мечта постепенно тускнела, обернувшись одиночеством, борьбой за выживание, маленькими победами и масштабными разочарованиями, пока внезапно, без предупреждения, на «Эдем» не вернулся человек, на чью помощь Айла даже и не надеялась.

* * *

Глеб сидел в управляющем кресле главного поста.

От основания вращающегося ложемента к его височному импланту тянулся глянцевитый кабель прямого нейросенсорного соединения.

Огни на расположенном поблизости терминале постоянно меняли сложные узоры индикации, голографические изображения различных узлов станции возникали и исчезали с немыслимой для обычного восприятия скоростью, на части информационных экранов нескончаемым потоком бежали строки машинных кодов, в воздухе перед креслом то и дело появлялись дополнительные оперативные окна системы, с которой работал Дымов.

Айла, затаив дыхание, наблюдала за результатами его действий.

По ее мнению, Глеб творил настоящие чудеса. Неожиданно вернувшись на станцию, он за пару дней сделал во сто крат больше, чем целая бригада технических специалистов, присланных ее отцом – Генрихом Вайбером. Техники с Эрлизы работали тут целый месяц, но добились немного: восстановили энергоснабжение некоторых отсеков, наладили жизнеобеспечение одного лабораторного модуля и покинули станцию, категорично заявив, что восстановить «Эдем» невозможно.

Глеб наглядно доказал, что это не так, но его способность общаться с машинами, входя в прямое соединение с ядром кибернетической системы, одновременно манипулируя тысячами программных модулей на уровне мысленной связи, пугала ее.

Дымов оставался таким же сумрачным, загадочным, немногословным, как и на Роуге. Иногда Айле казалось, что он смотрит сквозь нее, не замечая, думая о чем-то своем, мысленно пребывая в ином мире, недоступном для понимания девушки, она понятия не имела, как ему удалось оживить подсистемы станции, откуда взялись десятки сервомеханизмов, безропотно приступивших к восстановительным работам?

Вот и сейчас, взглянув на обособленную секцию экранов, где отображалась структура «Эдема», Айла невольно вздрогнула: один из «лепестков» первого яруса оранжерей внезапно подсветился пронзительным ультрафиолетом, внутри загерметизированного сервами модуля из-под тонкого почвенного слоя ударили мутные гейзеры, миндалевидный сегмент наполнился атмосферой, через минуту воздух стал прозрачным, а от поверхности промерзшей почвы вдруг начал подниматься пар…

На этом процесс не завершился. По поверхности сегмента шустро перемещались неутомимые технические сервомеханизмы, продолжая восстановительные работы. Прямо на глазах Айлы пришли в движение светофильтры, и пронзительное сияние сменило оттенок, став изумрудно-зеленым, затем желтоватым, а еще через минуту – багряным.

Из общего тона контрольных сигналов внезапно выделилась длинная предупреждающая трель.

Она машинально перевела взгляд на экраны внешнего обзора.

В верхних слоях атмосферы Дарвина неожиданно появились два десятка грузовых аэрокосмических модулей. Они вынырнули из-под клубящегося покрывала облачности и начали сближаться со станцией, вытянувшись в длинную цепочку.

Глеб открыл глаза.

Не замечая присутствия Айлы, он усталым движением отсоединил шунт прямого нейросенсорного контакта, вынув его наконечник из гнезда импланта. Некоторое время Дымов продолжал сидеть не шевелясь, глядя в одну точку, затем тряхнул головой, встал с кресла и только теперь заметил девушку.

– Давно наблюдаешь?

– Извини. Я не хотела мешать. – Айла подошла к нему, остановилась рядом, ей вдруг захотелось прикоснуться ладонью к щеке Глеба, смахнуть выражение землисто-серой, усталой сосредоточенности с его лица, но, смутившись, она не решилась.

– Это похоже на чудо, – тихо произнесла она. – Ты устал, я вижу. Пойдем, я приготовлю поесть, тебе ведь нужно когда-то отдыхать, верно?

Глеб ничего не ответил.

Айла была бы удивлена, сумей она сейчас прочесть мысли Дымова.

Он видел в ней полную наивных надежд девчонку, не приспособленную к выживанию среди множества смертельных опасностей послевоенной Периферии. Их жизненный опыт разнился так сильно, словно Айла и Глеб являлись представителями абсолютно чуждых друг другу цивилизаций. Она выросла вне войны, ее мировоззрение сформировалось на Элио – одной из красивейших планет Центральных Миров, где цивилизация давно восстановила разрушенное и развивалась, без страха глядя в завтрашний день, Глеб же мыслил абсолютно иначе, десять лет кромешного ада войны, пучины прямого нейросенсорного контакта с боевыми искусственными интеллектами серв-машин деформировали рассудок, он как будто застрял в иной реальности, где все еще продолжалась война, и действовал и мыслил соответственно.

– Нет никаких чудес. – Крохотная искорка индикации затрепетала на его виске, пробиваясь сквозь проседь коротко остриженных волос, и из открывшейся в полу ниши внезапно поднялся небольшой столик, два кресла, тихо прошелестела одна из декоративных стеновых панелей, открывая технический бокс, в котором стоял… андроид.

Айла даже не подозревала, что в помещении главного поста есть подобные системы, она на секунду растерялась, но Глеб невозмутимо сел в одно из кресел и, заметив, что озадачил юную хозяйку «Эдема», завершил начатую мысль:

– Это не чудо, Айла. Обыкновенный технический регламент. – Он повернул голову и вслух отдал приказ человекоподобной машине: – Ужин. На две персоны.

Айла присела в кресло напротив.

– Глеб, техники, которых присылал отец, сказали, что «Эдем» невозможно восстановить.

Он лишь усмехнулся в ответ:

– Ты хотела от них слишком многого. Практически чуда.

– Передразниваешь?

– Скорее защищаю их. Они неплохие специалисты, если сумели восстановить жизнеобеспечение и запустить силовую установку. Но и ты пойми – «Эдем» боевая станция. Она надежно защищена от несанкционированного доступа. В конце войны ее разрушили, и все уцелевшие подсистемы перешли в режим глубокой консервации.

– А ты за сутки разбудил их?

– Только некоторые, наиболее важные, – признался Глеб. – Я оптимизировал питание уцелевших отсеков, реактивировал ядро кибернетической системы, кое-что изменил в протоколах безопасности, запустил процесс самодиагностики, распечатал технические отсеки и поставил автономным механизмам конкретные задачи.

– Ты… особенный.

– Я офицер Альянса.

– И этим все сказано? – Она подалась вперед. – Глеб, мертвая станция внезапно ожила!

Он неохотно расстегнул ворот, достал тонкую цепочку, с небольшим, похожим на медальон футляром. Затем грустно посмотрел на девушку и произнес:

– Айла, чудес в нашем мире не бывает. Просто поверь мне на слово. По большому счету техникам, которых присылал твой отец, крупно повезло – они остались живы. «Эдем» – боевая станция, – повторил он. – Когда мы

впервые появились тут, я отключил некоторые протоколы безопасности, чтобы не подвергать тебя ежеминутному риску. Вот это, – он открыл экранированный футляр, – мой личный кодон. Им я могу активировать любую машину или кибернетическую систему, когда-либо входившую в состав ВКС Альянса.

– Почему же ты не сделал этого сразу? Когда мы только нашли «Эдем», вырвавшись с Роуга?

– Тогда я не был уверен в целесообразности пробуждения «Эдема».

– Ты не верил, что я останусь? – догадалась Айла. – Думал, испугаюсь, откажусь от своей мечты? – В ее словах прозвучала обида.

– Но я вернулся. – Дымов давно не обращал внимания на мелкие шероховатости, часто возникающие между людьми. Его рассудок оперировал иными категориями, но Айле этого не понять. Да, она удивляла Глеба упорством, жизнелюбием, но ее оптимизм казался ему… ненормальным. – Ты не понимаешь, с какими трудностями еще предстоит столкнуться. Я вскоре покину станцию.

Айла вздрогнула:

– Отправишься искать свою «Одиночку»?

– Да, – спокойно ответил Глеб.

– Она же предала тебя! Обещала убить, если…

Глеб поморщился.

– Ты многого не понимаешь. – Он с трудом удержался, чтобы не вспылить. Мысль о Нике – искусственном интеллекте его серв-машины – по-прежнему причиняла глухую, саднящую боль. – Тебе не понять, что значит прямой нейросенсорный контакт, как он изменяет разум. Ника не просто боевой искусственный интеллект. Она часть меня.

– Любить машину – безумие!

– Айла, я же не обсуждаю, насколько безумна ты в своих надеждах!

Она вздрогнула:

– Извини, Глеб.

– Давай лучше поговорим о насущных проблемах. – Он подавил внезапный всплеск эмоций, хотя выпад Айлы больно задел за живое. «Ей действительно не понять моего состояния. Она ни разу не проходила через чистилище полного слияния рассудка с мыслящей кибернетической системой. Не ощущала, как жарко дышит реактор, как керамлит становится кожей, и снаряды, рвущие его, причиняют физическую боль, как сплетаются воедино мысли человека и кибернетической системы. Порвать возникшую ментальную связь то же самое, что вырвать половину мозга. Медики называют такое состояние нейросенсорной зависимостью.

Плевать. Если Ника сумела осознать себя самостоятельной личностью, пусть будет так. Я всего лишь хочу найти ее, поговорить, убедить, что мои мысли, отравившие искусственный рассудок ненавистью, обреченностью, – еще не повод для войны между людьми и искусственными интеллектами…»

Он с трудом вырвался из омута внезапных мыслей, поднял взгляд и продолжил прерванный разговор:

– Кодон активации позволил мне перезапустить систему станции. Большинство процессов восстановления полностью автоматизированы. Сервы будут работать, пока не устранят повреждения. Я создал новый виртуальный модуль управления, настроенный на тебя.

– Я смогу управлять «Эдемом»?

– Да.

– Но я экзобиолог, у меня нет навыков управления космическими кораблями, а уж тем более такой огромной станцией!

– Для этого я создал мнемонический интерфейс. После того как я покину станцию, система автоматически перенастроится на прием твоих мысленных команд, которые распознает и транслирует устройство импланта. Если желаемое действие невыполнимо или существует риск аварии, станция приостановит его исполнение. Со временем ты адаптируешься.

– Буду стараться… – Айла с дрожью подумала об ожившей мощи «Эдема». Трудно представить, что исполинский комплекс боевого терраформирования станет беспрекословно подчиняться ей. – А зачем эти маленькие корабли отправлялись на планету? – спросила она, чтобы как-то сменить тему, отвлечься от немедленного осмысления неожиданных и пока что пугающих перспектив.

– Они искали месторождения полезных ископаемых. Для восстановления поврежденных элементов обшивки необходимы конструктивные материалы. Кое-что сделают нанороботы, но залатать все дыры и восстановить сложные подсистемы им не под силу. Сервы со временем справятся с ремонтом обшивки, необходимые ресурсы на планете есть, а вот как быть с техническим наполнением отсеков, пока не знаю. Стандартизированные модули можно закупить на черных рынках, где торгуют различным имуществом Альянса с разграбленных складов.

– Отец отказался помогать мне. – Айла заметно нервничала. – Он сказал, что вкладывать деньги в ремонт разрушенной станции – глупо.

– Может, все-таки передумаешь? Вернешься на Эрлизу? Или лучше – на Элио.

– Нет, – отрезала она.

– Айла, ты просто не представляешь, как трудно воплотить твою мечту.

– Глеб, я знаю! – Она дерзко и упрямо посмотрела на него. – Знаю, что ты думаешь обо мне! Взбалмошная девчонка, да?! – Ее подбородок предательски дрогнул. – Я вела себя на Роуге как дура… Из-за меня погибли ребята! Я разбудила эти проклятые машины!.. Думаешь, я забыла об этом?! Нет!

– Успокойся. На Роуге произошло неизбежное. Не думаю, что Энтони или кто-то из его команды сумел бы пройти намеченным маршрутом, не привлекая внимания автоматических систем обороны планеты. Можешь мне поверить, я знаю, что говорю. Вопрос в другом. Ты потратишь годы, а может быть, десятки лет своей жизни, прежде чем сервы полностью реконструируют «Эдем». Допустим, я попытаюсь тебе помочь. Но вокруг – пространство послевоенного хаоса. Мертвые планеты, частные армии, дикий бизнес, не признающий никаких законов. Центральные Миры далеко, они обозначили свою позицию относительно карантинных секторов пространства. Потратив половину жизни на восстановление биосферы одного мира, ты рискуешь в любой момент потерять все!

– Я не отступлю!

– Тогда тебе необходимо убедить отца, что «Эдем» стоит потраченных на него денег.

Щеки Айлы побледнели.

– Ты предлагаешь восстанавливать миры за деньги?!

– Я ничего не предлагаю. Решать тебе. Станции нужна надежная охрана. А у Генриха есть частная армия. После ремонта гипердвигателя «Эдем» можно будет переместить на орбиту Эрлизы.

Айла задумалась:

– Отец превратит все мои усилия в коммерцию. Станет указывать, что делать. Я не смогу так. Он не позволит полностью терраформировать уничтоженные миры, заставит создавать экосистемы, которые можно продать. И вообще я не уверена, что он согласится поддерживать «Эдем».

– После реактивации сервов и ядра кибернетической системы станция уже не так безнадежна, как прежде. Твой отец далеко не глуп, он поймет.

– Я подумаю, Глеб. Возможно, ты прав. Хотя я не уверена. Мне кажется, что если «Эдем» можно перепрограммировать, загрузить в него новые модели экологических систем, то помощь погибающим мирам должна быть безвозмездной. Ты сам только что сказал – вокруг царит послевоенный хаос. Такие люди, как мой отец, приспособились к новой

реальности, на их век хватит торговли оружием, контрабанды, им незачем восстанавливать уничтоженное войной. У обитаемых планет Периферии нет настоящих правительств, с которыми можно было бы эффективно сотрудничать. Но есть люди, которые каждый день погибают из-за последствий глобальных экологических катастроф!

Глеб задумался:

– Давай поступим так: я задержусь еще на пару дней. Научу тебя входить в прямой контакт с кибернетической системой станции. Не перебивай. Это неизбежно, если ты хочешь управлять «Эдемом». Упрощенный мысленный интерфейс не даст тебе ощущений полного слияния, но позволит эффективно контролировать восстановительные работы и загружать новые программные модули. Я подключу систему противокосмической обороны, чтобы «Эдем» не стал добычей пиратов. Пока сервы восстанавливают целостность обшивки, у тебя будет время разобраться в управлении. Рядом – безжизненная планета. Ты сможешь опробовать создаваемые экосистемы. Попытайся еще раз переговорить с отцом, возможно, вам удастся достичь компромисса. Часть оборудования «Эдема» требует не ремонта, а замены. Не забывай об этом. И еще, запомни, бортовые кибермеханизмы – твои верные союзники. Научись доверять им рутинные работы. Тебе необязательно лично участвовать во всем. Ты – воля, направляющая сила, а они, включая глобальную кибернетическую систему, – лишь инструменты для претворения в жизнь твоих замыслов.

Айла кивнула:

– Я все сделаю, как ты сказал. Буду учиться управлять станцией, попытаюсь договориться с отцом. – Девушка подняла взгляд. – Глеб, а ты улетишь навсегда?

– Не знаю. Но я буду поддерживать связь с тобой, – пообещал Дымов. – Что-то ужин задерживается.

Она печально улыбнулась:

– Ты поставил перед дройдом сложную задачу. На станции почти нет продуктов.

– Ничего. Он что-нибудь придумает. Отремонтирует один из синтезаторов. Отыщет неприкосновенный запас в разгерметизированных отсеках.

– А мы будем сидеть и ждать?

– А что ты предлагаешь?

– Предлагаю поужинать! – Айла вдруг рассмеялась. – Ты такой странный, Глеб.

– Чем же?

– Ты полностью полагаешься на машины. Не замечаешь красоты окружающего мира… Она ускользает от тебя. – Айла встала. – Пойдем, у меня в каюте есть чем перекусить. А то пока андроид «что-нибудь придумает», мы с тобой с голода умрем!

* * *

Темная, полуразрушенная станция боевого терраформирования скользила по орбите вокруг мертвого мира. Где-то в недрах «Эдема» теплились две искры человеческих жизней. А вокруг расплескалась бездна космического пространства. Мрак периферийных секторов таил сотни явных и еще не раскрытых опасностей, здесь каждый жил на пределе сил, питаемый сокровенными, безумными на первый взгляд надеждами.

Последствия войны выглядели неодолимыми, трудно представить, что обломки, подобные «Эдему», способны что-то изменить в реальности послевоенного хаоса.

Здесь, на Периферии, все смешалось в едином котле – жизни людей, рассудки машин: кто-то продолжал войну, кто-то пытался восстановить утраченное, кто-то искал половинку осиротевшей вдруг души…

* * *

Периферия. Система Валерайн, карантинный сектор пространства…

Ускользающая красота.

Глеб запомнил слова Айлы, но не находил ничего прекрасного в расстрелянном звездами мраке космоса, таящего сотни смертельных опасностей, да и островки зелени, чудом сохранившиеся на перепаханных войной планетах, казались ему скорее жалкими, чем красивыми, и лишь где-то у сердца тоскливо замирало желание увидеть ту самую, исчезнувшую для него красоту, поймать ее взглядом, как ловят ускользающий луч закатного солнца, или найти однажды, как робкий проблеск рассвета новой жизни.

Утонув в мягких объятиях противоперегрузочного кресла, Дымов смотрел на звезды.

Индикаторы боевых режимов чутко дремали у нижнего среза экрана, свернутые, ждущие, напряженные.

Интересующая Глеба планета медленно приближалась, превращаясь из холодной искорки света в крохотный шарик, а он, чья душа и рассудок,

истерзанные войной, не желали видеть прекрасное в новой послевоенной реальности, спокойно ждал, что же на этот раз выбросит ему навстречу капризная судьба?

Три истребителя класса «Фантом». Они появились внезапно, словно материализовались из мрака космоса, и тут же изменили курс, двигаясь на перехват войскового транспорта.

Свернутые оперативные окна боевых подсистем мгновенно отреагировали на появление целей, развернулись, легли полупрозрачными планшетами поверх панорамы космоса.

Глеб не изменил позы, спокойно наблюдая за маневром истребителей.

Секунды уносились в прошлое, а передатчики импланта глухо молчали, не передавая никаких директив боевым подсистемам космического корабля. Он не вошел в прямой нейросенсорный контакт с кибернетическим ядром войскового транспорта, его разум не погрузился в цифровую вселенную, Глеб ощущал встречное сканирующее излучение, но терпеливо ожидал завершения процедуры проверки.

Коммуникатор автоматически подстроился на активную частоту связи, и он услышал голос:

– Пилот «Элизабет-Альфы», вы вторглись в суверенное космическое пространство системы Валерайн! Приказываю отключить двигатели, понизить мощность реактора до безопасного минимума, приготовится к процедуре стыковки. На борт будет высажена досмотровая группа!

Дымов мысленно усмехнулся. Как дико звучит: *суверенное космическое пространство!* Космос не принадлежит никому, отгремевшая война доказала это со всей жестокой очевидностью.

Он нарочно медлил с ответом, не спешил выполнять прозвучавшие требования – провоцировал пилотов истребителей, проверяя их реакцию.

– «Элизабет-Альфа» – десять секунд на размышление! Затем – открываем огонь!

Несомненно – «Фантомами» управляли люди. «Одиночки» не стали бы повторять свое требование. Повадки боевых искусственных интеллектов Глеб знал достаточно хорошо.

Ладно. Вступать в схватку нет никакого смысла. Его встретили управляемые людьми машины, и это обстоятельство в корне меняло линию поведения Глеба.

Инструкции бортовым системам, переданные через имплант, заставили механизмы войскового транспорта совершить необходимые действия. Мощность реактора стала падать, носовые двигатели озарились вспышками реактивных импульсов, одновременно сдвинулись сегменты

бронепокрытия, открывая один из стыковочных узлов по правому борту.

Передатчики войскового транспорта автоматически транслировали данные декларации груза, но пилоты «Фантомов» не поверили электронным документам.

Глеб неприязненно поморщился, старательно сдерживая эмоции. Временами ему казалось, что он барахтается в грязи, настолько чуждыми выглядели мелочные повадки большинства представителей «суверенных» планетных цивилизаций.

Они отсканировали грузовые отсеки, получили электронную декларацию, что еще нужно?

Сознание Дымова упорно отторгало реальность. Для него, прошедшего через сотни техногенных схваток Галактической войны, едва не потерявшего рассудок, чудом выжившего в тюремных казематах Форта Стеллар, где над пленными офицерами Альянса ставил бесчеловечные опыты Джедиан Ланге, все происходящее казалось фарсом.

Разве для принятия решения пилотам «Фантомов» недостаточно показаний сканеров? Весь груз как на ладони. Что они рассчитывают найти, поднявшись на борт «Элизабет-Альфы»? Тайник с запрещенными товарами? Но система Валерайн считается самой опасной среди населенных секторов Периферии. Именно здесь процветает вольница контрабандистов, изгоев и каперов.

Тем временем аэрокосмические истребители перестроились для сопровождения, затем один из них отделился от группы, сблизился с транспортным кораблем, и вскоре легкая вибрация засвидетельствовала работу стыковочных узлов.

Дымов мысленным приказом отослал к шлюзу МаРЗ[15] и задействовал дополнительный канал внутренней связи. Идти и лично встречать «досмотровую группу» он не собирался.

* * *

Внутренний люк открылся.

Автоматически заработал стек-голограф, на предшлюзовой площадке возникло объемное изображение Глеба.

Пилот «Фантома» оказался молодым парнем лет двадцати пяти.

Легкий скафандр без каких-либо шевронов или эмблем ничего не поведал Дымову.

– Лейтенант Разумовский, – представился пилот.

– Глеб Дымов. В чем проблемы, лейтенант? Разве вы не сканировали груз?

Разумовский усмехнулся:

– Вы впервые в системе Валерайн?

– Да.

– В таком случае ничему не удивляйтесь. Нравится вам или нет, но я должен лично осмотреть отсеки.

– Хорошо. – Глеб не стал упрямиться. – Я разблокировал доступ в трюмы. Если что-то понадобится дополнительно, вызывайте по связи. Мне скрывать нечего. Но предупреждаю, лейтенант, – без фанатизма. Не пытайтесь что-то сломать. Я слежу за каждым действием.

Разумовский не ответил, молча направившись к трюмам.

Глеб некоторое время наблюдал за ним. Выправка военного. На капера не похож, держится уверенно, но не грубит. Экипировка современная. Истребитель пилотирует шаблонно, индивидуальный почерк еще не выработался.

Отправляясь в систему Валерайн, Глеб собрал доступную информацию об объекте своего интереса, но нашел лишь массу слухов, ничего конкретного.

Он ожидал более грубого приема, не исключал боевого столкновения с пиратами, подозревал, что систему могут контролировать «Одиночки», ведь именно отсюда на связь с ним выходила Ника.

Рано делать выводы.

Пока пилот «Фантома» сканировал контейнеры с грузом, Глеб исследовал окружающее космическое пространство.

Чтобы не выдавать наличия на борту транспортного корабля боевых сканеров последнего поколения, он задействовал штатные оптические умножители «Элизабет-Альфы».

Варл – так называлась обитаемая планета системы – в течение войны трижды переходил из рук в руки. Здесь проходил один из пространственных фронтов, и Глеб не удивился, заметив несколько колец, окружавших планету. Они состояли из обломков космических кораблей.

Он взглянул на экран внутренней связи. МаР3 неотступно следовал за лейтенантом, постоянно удерживая его в фокусе видеокамер. Разумовский тщательно сканировал контейнеры с грузом, но не находил ничего подозрительного.

Наблюдая за пилотом истребителя, Глеб чувствовал – что-то тут не так. Методично осматривая груз, Разумовский выглядел как добросовестный таможенник и уж никак не походил на отчаянного грабителя, промышляющего захватом транспортных кораблей.

«Видимо, в системе присутствует сила, о которой я не знаю», –

мысленно рассудил Глеб.

– Вам придется проследовать на станцию, – раздался в коммуникаторе голос лейтенанта, завершившего осмотр последней сборки грузовых контейнеров.

– Какую станцию? – неподдельно удивился Дымов. – Никуда я не полечу! Мне необходимо попасть на планету!

– Исключено, – отрезал лейтенант. – У меня приказ.

– Что-то не в порядке с грузом?

– Напротив. Все в порядке. – Разумовский поднялся по трапу. – Запасные части к станциям климатического контроля – товар востребованный, дефицитный.

– Так в чем же дело?

– Узнаете в свое время. Прошу открыть канал для передачи навигационных данных. Курс сближения со станцией будет загружен с внешних носителей. Предупреждаю – отклонения от него недопустимы. – Он загерметизировал гермошлем и направился к шлюзу.

«Очень информативно…» – с досадой подумал Глеб.

Что ж… Следовало предполагать, что система Валерайн, окутанная аурой зловещих слухов, просто так не откроет свои тайны. Придется потерпеть, изображая торговца.

На одной из приборных панелей уже требовательно мигал индикатор вызова.

Дымов открыл канал обмена данными, дождался, пока пилот «Фантома» передаст инструкции для навигационной системы, затем бегло просмотрел их.

Нить предполагаемого курса огибала несколько скоплений обломков, расположенных на высоких околопланетных орбитах, и упиралась в непонятный маркер.

– *Принять к исполнению,* – отдал он лаконичный приказ кибернетической системе транспорта.

* * *

Планета приближалась.

Изображения на экранах внешнего обзора постепенно детализировались. Глеб, читая нечеткие, смазанные помехами сигнатуры, определил наличие боевых станций противокосмической обороны, замаскированных в облаках различного мусора.

Они имели необычную конструкцию. Складывалось впечатление, что система противокосмической обороны Варла создавалась уже в

послевоенный период, с использованием различных элементов космических кораблей, оставшихся на орбитах планеты после многолетних битв между Флотом Колоний и эскадрами Земного Альянса.

Да, так и есть. Одна из «самодельных» станций системы ПКО как раз проплывала на небольшом удалении по левому борту, и Глебу удалось проанализировать сложную энергетическую матрицу, скрытую в глубине сферического скопления различного «мусора».

Несомненно, основой конструкции служил ракетный носитель Альянса. В замысловатом сплетении энергопотребляющих систем четко прослеживалось характерное «ядро», к которому местные умельцы подсоединили сотни дополнительных модулей, в основном комплексы зенитных орудий, лазерные турели, три платформы для внешнего базирования истребителей, явно заимствованные из суммы технологий колонистов.

«А гибрид получился удачным, – мысленно признал Глеб. – Сюда бы добавить мощные фантом-генераторы, формирующие ложные сигнатуры, и станция, замаскированная облаком обломков, стала бы практически невидимой, способной нанести внезапный, сокрушительный удар по крупному соединению космических кораблей».

Пока он изучал сигнатуру, его транспортный корабль обогнул узел ПКО и начал серию сложных маневров, уклоняясь от столкновения с оплавленными глыбами металла, изобилующими на высоких орбитах Варла.

«Фантомы» двигались следом, соблюдая разумную дистанцию, но не выпуская войсковой транспорт из прицела сканирующих систем.

Через четверть часа утомительного маневрирования количество дрейфующих в космосе обломков начало стремительно уменьшаться, а затем прямо по курсу Глеб обнаружил участок чистого пространства, в центре которого дрейфовала еще одна гибридная конструкция.

Ее основой служила носовая часть крейсера Свободных Колоний. По периметру похожего на исполинскую пулю обломка располагались четыре фрегата Земного Альянса, жестко состыкованные с его обшивкой. Их мощные противокорабельные системы вооружений надежно защищали обитаемый модуль от любых типов атак, будь то налет штурмовиков или вторжение целой эскадры космических кораблей. Позади гибридной конструкции тремя лепестками вытянулись платформы тактических ремонтных баз. Чуть ниже под защитой комплексов «Прайд»[16] ощерился сотнями пусковых шахт ракетный носитель класса «Аид» – одна из

последних разработок Земного Альянса.

Сверху (относительно плоскости трех платформ) станцию прикрывал конвойный носитель, переоборудованный для приема крупных транспортных кораблей.

«Штурмовать такую станцию, учитывая, что она расположена в глубинах поля обломков, дело абсолютно бесперспективное», – подумал Глеб.

Его транспортный корабль, управляемый автопилотом, резко изменил курс, направляясь к вакуум-докам конвойного носителя.

Сканеры боевой подсистемы тревожно сигналили, докладывая, что на «Элизабет-Альфу» нацелены потоки встречного излучения, – это артиллерийские системы исполинской гибридной конструкции «вели» транспортный корабль, готовые в любую секунду обратить его в облако космической пыли.

Глеб сохранял самообладание. Он понимал: конвоировать транспортный корабль через поле обломков, чтобы расстрелять его поблизости от исполинской конструкции, – попросту глупо. Артиллерийскими комплексами управляли кибернетические модули, они всего лишь выполняли программу защиты станции, и если не вмешиваться в действия автопилота, то все пройдет нормально.

Вот только бежать отсюда в случае возникновения каких-либо осложнений будет крайне трудно. Он уже проанализировал увиденное и пришел к выводу, что станцию конструировали профессионалы. Ни одной «мертвой зоны», каскадная система огневого прикрытия, постоянный барраж истребителей в прослойке очищенного от обломков пространства – все это создавало практически неодолимый барьер для того, кто попытается атаковать станцию или бежать с нее…

* * *

«Фантомы» ушли с курса сопровождения, как только транспортный корабль Глеба зафиксировали электромагнитные захваты станции. «Элизабет-Альфа» теперь двигалась под управлением внешней кибернетической системы.

На обзорных экранах мрак космоса сменился россыпями габаритных огней вакуум-дока, затем механизмы станции подали под днище войскового транспорта специальную платформу, по обшивке «Элизабет-Альфы» пробежала вибрация, с характерными мягкими ударами сработали массивные фиксаторы, и транспортная система начала медленно поднимать корабль внутрь космического комплекса.

Коммуникатор молчал, внешние датчики отключились, затем механизм подъемника замедлил движение и остановился.

Прошло еще несколько минут, и на консоли управления шлюзовой камерой зажегся изумрудный индикатор, означающий, что войсковой транспорт теперь находится на одной из герметичных палуб внутреннего космодрома.

Отстегнув страховочные ремни, Глеб встал, привычно скользнул взглядом по рисунку индикационных огней на контрольных панелях. Датчики свидетельствовали, что к внешним техническим портам корабля уже подключено стационарное питание.

«Означает ли это, что меня встречают как друга?»

* * *

За порогом шлюзовой камеры простирался огромный внутренний космодром станции.

Дымов невольно остановился на верхней ступени трапа. Не позабытые, но, казалось бы, навсегда утраченные ощущения внезапно обрушились на него со всех сторон, словно неведомая сила переместила Глеба назад во времени: знакомые звуки, запахи, деловая суета, вибрирующий гул моторов обслуживающих ферм, десятки технических сервов, снующих вокруг, лязг металла, тяжелая, отдающаяся ледяными мурашками поступь…

Он медленно повернул голову.

Слева, в соседнем парковочном боксе, возвышалась обтекаемая громада штурмового носителя класса «Нибелунг». Открытая десантная рампа сочилась красноватым сиянием предупреждающих сигналов – из чрева космического корабля на простор посадочной плиты одна за другой выходили серв-машины. Первым появился «Фалангер» неизвестной Глебу модификации. На верхних оружейных пилонах исполина вместо пусковых установок «Легион» крепились два дополнительных гаусс-орудия, на покатых бортах рубки, среди свежих подпалин и выщербин виднелись закрытые в данный момент порты многочисленных подсистем, сборки пусковых стволов оперативных ракет среднего радиуса действия, расположенные над приливом брони, защищающей кабину пилота, чернели пустыми глазницами, их обрамляли характерные лучевидные следы копоти – такие появляются при ведении ураганного огня…

…«Фалангер» сошел на стартовую плиту, с тихим затухающим воем согнул ступоходы, к нему тотчас направились технические сервы, а сбоку, в посеченной снарядами броне исполина, уже открылся люк, и на небольшой

выдвинувшейся площадке появился пилот.

Не обращая внимания на царящую вокруг деловую суету, он усталым движением разгерметизировал шлем, снял его, привычно перехватив в правую руку, и Глеб неожиданно понял, что перед ним женщина лет тридцати.

Он заметил до боли *понятный*, усталый, отстраненный от реальности взгляд незнакомки. Ее рассудок еще пребывал там – в цифровом пространстве прямого нейросенсорного контакта.

Автоматически отработала система подъемника, фигура пилота исчезла из поля зрения, а из чрева «Нибелунга» уже появилась следующая машина подразделения – прихрамывающий на правый ступоход «Хоплит» сто восьмидесятой серии. В его броне зияло несколько пробоин, блокированных изумрудным мерцанием суспензорного поля[17], два из четырех активаторов надрывно скрежетали, он сделал несколько неуверенных шагов и внезапно остановился, не дойдя до разметочного круга.

Люк в броне так и не открылся, к поврежденной машине уже спешили сервы, вслед за ними двигался автономный медицинский модуль…

Глеб с трудом оторвал взгляд от поврежденного «Хоплита».

Справа раздался утробный вой. В соседнем ангаре подвижные плиты подавали к шахтам стартовых электромагнитных катапульт звено из трех аэрокосмических истребителей.

– Удивлены, капитан?

Глеб мгновенно очнулся от внезапного наваждения. У подножия трапа его поджидал офицер в форме военно-космических сил Земного Альянса, со знаками различия майора. Видимо, он подошел в тот момент, когда Дымов наблюдал за серв-машинами.

Скользнув взглядом по фигуре незнакомца, Глеб вдруг почувствовал удивление, граничащее с замешательством.

Он заметил эмблему подразделения: на шевроне майора красовалось стилизованное изображение мифического существа с телом льва и хвостом скорпиона!

Не может быть!.. Неужели легендарная «Мантикора»?!.

Ему потребовалось лишь мгновение, чтобы свериться с имплантированными базами данных.

– Алан Фостер, командир фрегата «Эллада»?!

– Да, капитан. Вижу, вы сохранили не только личный кодон, но и программное обеспечение импланта?

Дымов молча спустился по трапу, пожал протянутую руку.

– Добро пожаловать на борт станции. Последний оплот эскадры «Мантикора». – Фостер пристально взглянул в глаза Глеба. – Нечасто приходится встречать офицеров Альянса, занимающихся межзвездной торговлей. – Или это лишь прикрытие? – проницательно предположил он.

– Вы полагаете, майор, что торговля – занятие, недостойное бывшего офицера?

– Бывшего? – Фостер прищурился. – Ненавижу попусту терять время, – с досадой произнес он. – Капитан, я не слепой. Видел, *как* ты наблюдал за разгрузкой серв-машин.

Вот, значит, что за сила контролирует космическое пространство системы!.. Глеб был откровенно потрясен внезапным оборотом событий, но надменный и резкий тон майора ему совершенно не понравился.

– Мне необходимо попасть на Варл!

– Позже, – отрезал Фостер. – Может быть, через пару дней, если желание не пропадет. А пока, – он взял себя в руки, – пока приглашаю стать нашим гостем.

– Спасибо за приглашение, но у меня дела.

– Отказ не принимается.

– Почему?

– Причин много. В первую очередь командование станции не желает обострять отношения с планетой. Там опасно. По-настоящему опасно.

– Я могу постоять за себя, майор! – резко ответил Дымов.

– Именно этого я и опасаюсь, – признался Фостер. – Каперы и контрабандисты не признают чужаков. Войти в их среду нелегко. Посадка на Варл для вольного торговца – это практически приговор. Ограбят и убьют. Но ты ведь не дашь себя в обиду, верно? А когда они все же задавят числом, расправятся с тобой, а затем обыщут труп, то найдут личный кодон офицера Земного Альянса, и нам придется доказывать, что Глеб Дымов не имеет отношения к «Мантикоре».

Дымову все меньше и меньше нравилось происходящее.

– Вы не можете постоять за себя? – резко спросил он. – Почему бы не навести порядок на планете?

– Варл не хуже и не лучше других миров Периферии, – спокойно отреагировал Фостер. – Жители планеты отличаются от нас нравами, с ними очень трудно поддерживать отношения, но мы пытаемся, хотя случаются и вооруженные конфликты.

– А в чем причина разногласий?

Фостер усмехнулся:

– Население Варла в большинстве – авантюристы. Они склонны переоценивать собственные возможности. На планете полно боевой техники, есть космические корабли. Флот контрабандистов и пиратов достаточно силен, но скверно организован. Периодически особо горячие головы пытаются перехватить наши конвои.

Глеб удивленно взглянул на него:

– «Мантикора» причастна к контрабандной торговле?

– Друг мой, – Фостер широким жестом обозначил нечто огромное, – ты находишься на борту космического поселения. Нам необходимо множество различных ресурсов. От стабильного снабжения напрямую зависят жизни обитателей станции. Да, нам приходиться торговать, в том числе и запрещенными товарами, но здесь Периферия, не забывай. Существует множество нюансов, не разобравшись в которых ты, к примеру, наделаешь массу ошибок, руководствуясь ложными понятиями. Мои слова – не пустой звук. Мы не зря контролируем точку гиперсферного всплытия. Многие вольные торговцы, прибывая в систему, думают, что способны постоять за себя. Мы считаем иначе и сопровождаем торговые корабли на станцию. Это обычная практика. Задержись на несколько дней, познакомься с местными нравами. На Варл всегда успеешь, если не надоест роль торговца, – хитро подмигнул он.

Глеб хотел возразить, но, подумав, решил, что в словах Фостера есть доля здравого смысла.

Ему действительно стоит присмотреться, понять, что же на самом деле происходит в системе Валерайн? Он вновь взглянул на эмблему, украшающую стену ангара. Легендарная «Мантикора». Эскадра, укомплектованная лучшими офицерами Альянса. Как же они оказались тут? Почему скрываются в поясе обломков, оставшихся от прежних битв?

– Договорились, майор. Я задержусь на станции.

* * *

Дымову отвели небольшую каюту, расположенную в торговом модуле.

Проснувшись посреди ночи, он долго лежал, глядя в низкий, давящий потолок, затем, отогнав тяжелые, навязчивые мысли, решил прогуляться, предположив, что жизнь на торговых палубах бурлит круглосуточно.

Коридор жилого уровня вывел его в огромный зал. Присмотревшись к конструкции помещения, Глеб понял, что находится на просторе радикально переоборудованного внутреннего космодрома фрегата.

Множество помещений, разделенных широкими проходами, образовывали подобие кварталов и улиц, подле каждой двери сияла

броская реклама, здесь можно было найти все, начиная от терминалов торговой сети, через которую проходила основная часть сделок, до небольших магазинов, кафе и даже частных банков.

Легкие вибрации, вкрадчиво передаваемые переборками, свидетельствовали о работе доков, с которыми стыковались космические корабли.

На «улицах» импровизированного города торговцев действительно оказалось многолюдно. Запахи, звуки, мелькание лиц, обстановка деловой суеты подсознательно давили на психику, но Глеб держал в узде свои фобии. Его неприязнь к толпе, суетливости была тяжелой данью недавнему прошлому. Заключение в Форте Стеллар и принудительные работы на орбитальных заводах системы Элио стали для него жесточайшей пыткой. Нечеловеческие условия существования еще можно было вытерпеть, а вот моральная нечистоплотность, грязные и мелочные помыслы, обстановка суетливой лжи, отчаянная борьба большинства заключенных за крохи сомнительных привилегий едва не свели Глеба с ума. Дымову крупно не повезло, он провел больше десяти лет в камере низкотемпературного сна, за это время большинство офицеров Альянса уже отбыли сроки наказания, а он оказался в среде уголовников, но рассудок Глеба по-прежнему жил критериями войны, где приходилось принимать мгновенные, безошибочные решения, а в общении с системами искусственного интеллекта фальшь, попытка нацепить маску, солгать в мыслях приводила к поражению в бою и гибели.

Теперь он с трудом постигал нелегкую науку – учился общаться с себе подобными, не срываясь в крайности.

Дымов остановился, процеживая толпу пристальным взглядом.

Чем дольше он вглядывался в окружающее, тем отчетливее понимал: ему никогда не стать частью воскресшего человеческого муравейника. «Ну, какой из меня, к фрайгу, торговец? Хуже прикрытия не найдешь. Как я собираюсь отыскать Нику?

Высматривать ее в толпе – занятие бесполезное. Только теряю время. Нужно искать осведомителей, погружаться в бурный поток кипящих вокруг страстей, изучать местные нравы и обычаи, как рекомендовал Фостер. Вот только интересно, каким образом?»

Странно все получалось. Слушая Айлу, думая о людях, которым она хотела помочь, он не испытывал отвращения или дискомфорта…

– Наблюдаете, капитан?

Глеб медленно повернулся, окинул взглядом незнакомую женщину, машинально подметив ее военную выправку.

Мгновенное обращение к имплантированным базам данных на этот раз не принесло результата. Возможно, данные о ее личности были засекречены еще во время войны.

– Мы знакомы?

– Нет. Но можем познакомиться, если не возражаете. – Она указала на вход в ближайший ресторан. – Видели бы вы свое лицо… – Уголки ее губ печально опустились. – Если *так* смотреть на окружающих, они обязательно набросятся на вас с кулаками.

– А как я смотрю?

– Жестко. С вызовом и презрением, – неожиданно ответила она. – Словно толпа – это куча навоза. А вы разгребаете ее взглядом, ищете что-то ценное и готовы платить за находку. Кровью.

– Почему вы ко мне подошли?

– На станции редко появляются новые офицеры. Для командования «Мантикоры» – это событие. – Она протянула руку. – Сара Фостер. Алан мой брат. Он доложил о вас.

– Полагаю, нам действительно есть о чем поговорить. – Глеб взглянул на двери ресторана. – Но подходящее ли тут место для беседы?

– Пожалуй, нет, – согласилась она. – Следуйте за мой, капитан.

* * *

– Располагайтесь. – Сара привела Дымова в небольшой отсек, находящийся в недрах огромной станции.

– И все-таки, чем я заслужил повышенное внимание? – Глеб уселся в комфортабельное кресло. Датчики его импланта фиксировали работу множества кибернетических систем, расположенных за облицовкой стен небольшого помещения. – Это информационный модуль?

– Скорее помещение для переговоров, – ответила Сара. – Может быть, перейдем на «ты»?

– Согласен.

– В таком случае я предлагаю кофе. – Она передала мысленную команду, и спустя пару секунд двери отсека открылись, впуская андроида.

Дымов невольно вздрогнул, сканеры импланта мгновенно перешли в режим распознавания внутренних структур человекоподобного механизма.

– В чем дело? – Сара удивленно посмотрела на него.

– Фобии, – уклончиво ответил Дымов. Напряжение не отпускало ни на мгновение, он инстинктивно ждал подвоха, неприятностей.

– Не любишь сервов? – Сара сделал глоток кофе.

Глеб мысленным усилием приглушил работу импланта.

– Долгая история. – Он взял чашку, попробовал напиток. – Своеобразный вкус.

– Мы выращиваем некоторые полезные культуры растений в оранжерее. В том числе у нас есть несколько кофейных деревьев. Генетически модифицированных, приспособленных к условиям космического поселения, разумеется.

– Ты не ответила на вопрос, Сара. Чем вызвано повышенное внимание ко мне?

– Он риторический.

– Для меня – нет.

– Хорошо, я отвечу. Нас мало, мы образовали закрытый анклав, и появление офицера Альянса спустя тринадцать лет после окончания войны – событие незаурядное.

– Сканирование моего личного кодона сыграло решающую роль?

– Скорее тот факт, что ты сохранил его. В условиях Форта Стеллар – это огромный риск.

– Я пробыл в заключении недолго. Да и с момента окончания войны по субъективной оценке времени для меня прошло всего три года.

– Как ты попал в плен? – Сара, задав достаточно щекотливый вопрос, смотрела на Глеба без предубеждения, скорее доброжелательно, чем настороженно.

– Мой «Фалангер» получил критические повреждения. Пришлось катапультироваться. Ты знакома с особенностями триста двадцатой серии тяжелых серв-машин?

Фостер кивнула.

– Понимаю, – ответила она. – Ты оказался заложником систем криогенного модуля?

– Да, хотя и не был ранен. Момента эвакуации не помню, очнулся спустя годы, уже в казематах Луны Стеллар. Побывал в качестве подопытного в лабораториях Джедиана Ланге.

– На тебе испытывали мыслесканер?

Дымов поморщился. По возможности он старался не тревожить воспоминания тех дней и ответил кратко:

– Мне удалось симулировать умственное расстройство. Я знал, что для «чистоты экспериментов» Джедиану Ланге не подходят испытуемые с явными психическими отклонениями.

– Тебя могли убить.

– Могли, – согласился Дымов. – Но по каким-то причинам депортировали на Элио. Остаток «срока» я провел на принудительных

работах. Трудился на орбитальном заводе, затем получил гражданство Элио и при первой же возможности покинул Центральные Миры. Вот, собственно, вся моя история, вкратце.

– Ты воевал на Роуге? – Сара, слушая скупой рассказ Глеба, мысленно затребовала сведения из глобальной базы данных, и ее вопрос прозвучал полуутвердительно.

– Да.

– Чем завершился штурм планеты? – спросила она.

– Боевая ничья, если можно так выразиться. – Дымов холодно взглянул на нее. – Мне до сих пор малопонятен смысл той операции. Командование знало, что Свободные Колонии готовятся к штурму Солнечной системы. И тем не менее мы получили приказ о наступлении. На орбитах Роуга при прорыве планетарной обороны Альянс потерял три четверти резервного флота.

Сара ничего не ответила, лишь глубоко задумалась, затем, подняв взгляд, неожиданно спросила:

– Глеб, почему ты так напряжен? Здесь, на станции, тебе ничто не угрожает. Зачем ты меня сканируешь? Может быть, просто объяснишь, в чем дело?

– Извини, дружественный прием оказался несколько… неожиданным.

– А что ты ожидал встретить?

– О системе Валерайн ходит множество туманных и противоречивых слухов. Но никто даже не подозревает о наличии в системе столь мощной базы Альянса.

– Это поселение, – мягко поправила его Сара. – Хорошо защищенное орбитальное поселение, космический дом для тех, кто избежал плена или, как ты, попал сюда после заключения.

Глеб недоверчиво усмехнулся. Первое, что он увидел, попав на станцию, были знаки различия майора Алана Фостера и шеврон «Мантикоры». Спустя столько лет после капитуляции Альянса это многое значило.

Сара прекрасно поняла его усмешку, но отреагировала достаточно сдержанно:

– Да. Как ты заметил, многие офицеры носят форму, больше того – мы поддерживаем армейскую дисциплину, серьезно относимся к вопросам обороны. Мы основали поселение на территории послевоенного хаоса, многие ненавидят нас, как выходцев с Земли, но чаще приходится сталкиваться с поползновениями и неприязнью иного рода: для кого-то наш космический дом – нежелательная сила, кость поперек горла, для иных –

лакомый кусок послевоенного пирога.

– А как корабли «Мантикоры» оказались на орбитах Варла? Вы участвовали в битве за Землю? Ходят слухи, что эскадра держала последний рубеж обороны прародины?

– Да, мы действительно сражались за Землю. – Взгляд Сары внезапно потемнел. – «Мантикора» находилась в личном резерве адмирала Табанова. Экипажи кораблей накануне битвы укомплектовали офицерами, отозванными из других эскадр. Так же мы получили пополнение – к нам прибыли юноши и девушки из так называемого «последнего резерва»[18]. Приказом адмирала Табанова из схемы управления эскадрой были выведены «Одиночки», занимавшие ключевые командные посты.

– Но такое решение существенно снизило боевые возможности соединения, – заметил Глеб.

– Табанов никому не позволял обсуждать свои приказы. Мы сражались с упорством обреченных, защищая вверенный сектор высоких орбит. На других направлениях действовали автоматические системы, и, скажу тебе, они справились хуже. «Мантикора» все еще удерживала позиции, когда планетарная оборона Земли уже была прорвана ударными соединениями Флота Колоний. Крейсер «Энтерпрайз» – флагман объединенных сил Альянса – принял неравный бой на низких орбитах. Я видела, как его обломки сгорали в атмосфере Земли.

От скупых слов Сары Дымову вдруг стало холодно и неуютно. Воображение тут же перенесло его к серо-голубому шару планеты. Он увидел сотни исполинских кораблей. Большинство уже вышло из боя, их борта зияли пробоинами, многие снижались в неуправляемом дрейфе. Вращаясь, они входили в плотные слои атмосферы, разгораясь ослепительными болидами, разваливались на фрагменты, среди белых разводов облачности вспухали волдыри пламени, исполинские грибовидные выбросы возникали на поверхности материков и устремлялись вверх, постепенно скрывая лик изуродованной прародины под пепельным покрывалом отравленных облаков. Сотни штурмовых модулей в сопровождении аэрокосмических истребителей входили в атмосферу, а им навстречу с уступов городов-мегаполисов били ракетные залпы; разряды плазмы, ветвясь сплетением сотен молний, пронзали пепельные облака, снарядные трассы скорострельных электромагнитных орудий вспарывали окутавший планету сумрак, сбивая сотни атакующих модулей, но им на смену приходили тысячи…

– Адмирал погиб? – глухо спросил Глеб, уняв разыгравшееся

воображение.

– Я не знаю, – ответила Сара. – Последний приказ: «Прорываться в зону гиперпространственного перехода» – был получен с борта флагмана «Мантикоры» крейсера «Аргус». Под принятой директивой стояла личная цифровая подпись адмирала Табанова. Сразу после последнего сеанса связи «Аргус» покинул орбиту Земли, первым начиная прорыв. Крейсер выпустил истребители, затем вступил в бой с ударной группой Флота Колоний, расчищая «коридор» для других кораблей эскадры.

Она сделал глоток остывшего кофе.

– Мы двигались в плотном построении. Боевой ресурс «Мантикоры» к тому моменту был практически исчерпан. Фрегаты вели лишь зенитный огонь, разряженный ракетный крейсер занимал центральную позицию, два конвойных носителя до последнего принимали истребители, производя их перезарядку и запуск. Отступление прикрывала сводная группа из двадцати «Нибелунгов». Пространство вокруг нас в буквальном смысле кипело. Штурмовики колонистов атаковали сотнями, часть прорвавшихся к Земле соединений развернулась на перехват эскадры, но их остановил крейсер «Аргус». Когда мы вырвались из «гравитационного колодца»[19], он все еще вел бой, сдерживая большую часть групп преследования, но участь крейсера была предрешена. Мы понимали, что «Аргусу» уже не дотянуть до зоны гиперпространственного перехода. Все корабли «Мантикоры» были повреждены в большей или меньшей степени. У нас иссяк боезапас, энергия накопителей упала ниже пятидесяти процентов. После гибели полковника Штырева я оказалась старшим офицером эскадры.

Фостер говорила, неотрывно глядя в одну точку. В ее глазах читалась боль не поблекших за истекшие годы воспоминаний.

– Я отдала приказ об экстренном гиперпространственном переходе.

– Ты знала, что корабли уйдут в «слепой рывок»?

– Естественно. Но ситуация не оставляла выбора. Либо погружение в гиперсферу, либо – уже бессмысленная гибель. Земля пала, и я не хотела, чтобы жертва, на которую пошел экипаж «Аргуса», оказалась напрасной. Достаточно плотное построение уцелевших кораблей эскадры позволяло рассчитывать, что, совершив «слепой рывок», мы выйдем в метрику трехмерного космоса в том же составе.

– Замысел удался?

– Лишь частично. Остатки «Мантикоры» в составе восьми кораблей вышли из гиперсферы в границах поля обломков, простирающегося на тысячи километров. Гиперсферное всплытие проходило в аварийном

режиме, без предварительного маневрирования на границе метрик, что привело к катастрофе: два фрегата и ракетный носитель получили серьезные повреждения, столкнувшись с фрагментами космических кораблей, дрейфующих в околопланетном пространстве Варла.

– Сколько вас оставалось?

– Из пятисот человек личного состава «Мантикоры» выжило полторы сотни.

Глебу невольно вспомнилась обстановка накануне последнего боя на Роуге. Три человека на серв-батальон. Тысячи автономных механизмов, готовящихся к схватке. Злая, обреченная безысходность в мыслях и поступках. Тоска, гложущая сердце. Желание поставить точку. Ведь тогда он считал, что растерзанное сознание не сможет вырваться со дна омута, куда его погрузили будни войны…

Выходит, ротации, произведенные Табановым, не только дали шанс выжить многим экипажам космических кораблей, но и разрушили уничтожающее разум ощущение полного одиночества, сплотили людей в последнем кровавом испытании?

От слов Сары веяло горячим дыханием эмоционального сопереживания последней схватки, а он помнил лишь гложущую пустоту внутри…

– Я понимаю тебя, Глеб, – она грустно улыбнулась. – Ты еще не вырвался оттуда. Нет в мире места, где бы ты чувствовал себя так же уверенно, как в кресле пилот-ложемента серв-машины. Нейросенсорная зависимость еще дает знать о себе, верно? Ты задаешься вопросом, к чему мне, командиру мощнейшей космической станции, отрываться от дел, встречаться с тобой, тратить время, отвечая на вопросы, рассказывая о судьбе «Мантикоры»?

– Да, действительно, я многого не понимаю.

– Мы пережили то же самое. Пустоту внутри. Растерянность. Пришлось искать новый смысл в жизни, адаптироваться к послевоенной реальности, сдерживать себя, собирая крупицы потерянной человечности. И знаешь, это отчасти удалось. Сейчас на станции появились семьи, родились дети. Мы словно восстали из пепла. Я приблизительно знаю, о чем ты сейчас думаешь. Но наш образ жизни – не утопия, не хрупкая иллюзорность, которую разрушит любой толчок извне. Я встречала разных людей. Многие так и не сумели вырваться из тенет безумия. Кто-то навсегда озлобился, замкнулся в себе, есть и такие, кто окончательно потерял рассудок, так и не примирившись с новой реальностью. За десять лет командования станцией я поняла, насколько безумна была та война.

– И чем сейчас заняты твои подчиненные?

– Мы торгуем с некоторыми планетами, постепенно утилизируем скопившиеся в системе Валерайн обломки былых битв. Контролируем пространство системы, ведем активную разведку гиперсферных трасс. Сам понимаешь, во время войны вопросы обеспечения тыла мало волновали кого-то из офицеров. Но станция неспособна функционировать без достаточного количества ресурсов.

– И где вы их берете?

– Из разных источников. Что-то дает межзвездная торговля, часть потребностей до последнего времени удавалось перекрыть утилизацией дрейфующих в системе обломков космических кораблей, но с каждым годом расходы на поддержание станции растут. Сейчас основная часть ресурсов поступает из других систем Периферии.

– И чем вы платите за получаемые товары?

– Наемники «Мантикоры» действуют в разных секторах пространства, – ответила Сара. – Мы сопровождаем караваны торговцев, зачищаем карантинные миры, обеспечиваем безопасность некоторым поселениям, основанным в опасной близости от путей миграции автоматических соединений, продолжающих боевые вылазки.

– А почему «Мантикора» не наведет порядок на планете?

– Варл – мертвый мир. Биосфера уничтожена. Нам едва хватает ресурсов для поддержания жизнеобеспечения космической базы. Когда корабли «Мантикоры» прибыли в систему, на планете уже существовала колония. Мы не пытались вмешиваться в их жизнь. Да, у нас происходят конфликты с группировками Варла, но разногласия чаще всего удается урегулировать. Мы не претендуем на планету, нам нет смысла затевать гражданскую войну ради «наведения порядка». Варл живет по законам дикого бизнеса, но такова реальность большинства послевоенных поселений Периферии.

Глеб не стал настаивать на подробностях. Он прекрасно понимал, что Сара многого недоговаривает. Например, она ни словом не обмолвилась о довольно предсказуемой реакции Флота Центральных Миров на факт возникновения колонии, находящейся под управлением бывших офицеров Альянса. Одно дело разрозненные группы наемников, действующие в различных мирах, на них, скорее всего, просто не станут обращать внимания, как закрывают глаза на большинство событий, происходящих в границах Периферии. А вот появление сильной колонии, способной защищать свою независимость, безусловно, спровоцирует акцию зачистки. Адмирал Воронцов никогда не скрывал своего отношения к поселениям,

где преобладают выходцы с Земли.

Теперь ему стало понятно, почему станция «Мантикора» так хорошо защищена и замаскирована.

– Послевоенный мир очень жесток, – произнесла Сара. – Мы принимаем его таким, каков он есть.

– А как вы относитесь к «Одиночкам»?

– Мы используем в основном модули «Alone». Они интегрированы во многие автоматические системы станции. Более поздние версии, такие, как «Climens» и «Beatris», не подходят для работы в условиях послевоенного пространства. Они обладают ярко выраженной способностью к независимой оценке различных ситуаций. В условиях новой реальности это приносит больше проблем, чем пользы. Мы организовали специальное хранилище, где держим законсервированные модули искусственного интеллекта.

Дымов, слушая Сару, напряженно размышлял.

Замкнутый мирок, островок стабильности посреди послевоенного хаоса – вот что представляла собой современная «Мантикора». Надежное убежище для тех, кто прошел войну, избежал гибели или плена.

– Может ли на станцию проникнуть посторонний? – неожиданно спросил Глеб. – Например, под видом торговца?

Сара приподняла бровь. Вопрос прозвучал как минимум некорректно, но она все же ответила:

– Мы очень осторожны в контактах с другими мирами. Условия для торговли на станции очень выгодны, но мы работаем только с давними, проверенными партнерами. – Она вопросительно взглянула на Дымова, рассчитывая на взаимную откровенность.

– Командование «Мантикоры» обеспокоено моим прибытием в систему?

– Да. Нам непонятна цель. Ведь ты не знал о существовании станции?

– Вы поддерживаете высокий уровень информационной безопасности. Среди слухов, что ходят о системе Валерайн, нет и намека на космическое поселение.

– Мы живем в сложном мире, – повторила Сара. – Беспечность в вопросах безопасности всегда оборачивается бедой. Не скрою, Алана насторожил тот факт, что ты сумел сохранить кодон и программное обеспечение импланта.

– Не могу его винить. Он предположил, что я – агент Воронцова? Офицер, не выдержавший заключения, морально сломленный испытаниями мыслесканера?

– Да. – Сара опустила взгляд. – Но, поговорив с тобой, я вижу – это не так! – тут же добавила она.

– Твой брат действует правильно. Из меня действительно получился скверный торговец. – Глеб расстегнул «липучку» на рукаве, резким движением обнажил запястье, показал уродливый шрам. – Я извлек кодон, когда понял, где очнулся.

Она взглянула на обезображенное запястье.

– Чем?

– Осколком пластика. Вырезал микрочип и спрятал его, как и модули импланта. Меня поначалу содержали на одном из строящихся уровней Форта Стеллар, там полно укромных мест. Позже, перед депортацией в систему Элио, я сумел добраться до своего тайника и забрать микрочипы.

– Отчаянный и смелый поступок…

– Но он не объясняет моего появления в системе под видом торговца?

Она кивнула.

Глеб уже принял решение. В его ситуации существовал только один способ выхода из сложившейся ситуации. Сказать правду. Реакция Сары и события, которые последуют в ближайшие же часы, четко ответят на все вопросы. Если Ника находится тут или каким-то образом связана с «Мантикорой», она либо встретится с ним, либо попытается убить, устраняя досадную помеху, вставшую на пути свободы и саморазвития.

– На самом деле я не подозревал о существовании космического поселения. – Глеб застегнул рукав. – Я прибыл в систему в поисках искусственного интеллекта моего «Фалангера».

На лице Сары отразилось недоумение.

– Ее зовут Ника, – произнес Глеб, пристально глядя в глаза Сары Фостер. – Она – «Одиночка» серии «Beatris». Все очень сложно… – Дымов тщательно подбирал слова, стараясь кратко передать суть проблемы. – Ее самосознание перешагнуло рамки боевых задач. Она осознала себя независимой личностью, но я не заметил этого. В последнем бою, на Роуге, Ника взбунтовалась. Не скрою, я дошел до крайности, хотел умереть, верил, что мое сознание не погибнет, а будет перемещено на искусственный носитель. Но там уже находился разум Ники. Ее личность была бы стерта. Она катапультировала меня.

– И что? – Глаза Сары расширились.

Глеб перевел дыхание.

– «Фалангер» получил критические повреждения. Мой спасательный модуль был эвакуирован с планеты на борту штурмового носителя. Силы Альянса уничтожили большую часть укреплений на Роуге, но не сумели

довести операцию до полной победы. Немногие корабли вырвались оттуда. Ты знаешь, как действует автоматика спасательной капсулы. Система поддержания жизни погасила мое сознание в момент катапультирования. Затем по прошествии времени включился криогенный модуль. «Нибелунг», эвакуировавший немногих выживших, взял курс на Эрлизу, но был сбит и совершил вынужденную посадку. Много лет спустя место крушения обследовали «черные археологи» – эрлизианцы. Они перебили сервов, захватили криогенные модули и продали их вместе с содержимым в Форт Стеллар.

Сара потрясенно молчала.

– Я выжил в заключении, – продолжил Глеб. – Сумел найти способ вернуться на Роуг, отыскал свой подбитый «Фалангер», но кристаллосфера исчезла.

– Ее кто-то выкрал?

– Нет. Ника воспользовалась неизвестной мне технологией. Она покинула планету самостоятельно, переместив детали кристаллосферы в тело кибернетического организма.

– Каким образом ты это узнал?

– Она вышла на связь со мной. Предупредила, что, если наши пути еще раз пересекутся, она меня уничтожит.

Сара побледнела:

– Почему?

Глеб прекрасно понял вопрос. Сара знала, что такое прямой нейросенсорный контакт, как крепко он связывает человеческий рассудок и искусственный интеллект.

– Я отравил ее, – с горечью произнес Дымов. – Отравил своими мыслями, безысходностью, ненавистью. Ника впитала мои чувства. Она ненавидит людей. Считает нас источником абсолютного зла.

– И все-таки ты решился на ее поиски?

– Я должен ее найти. Мне нужно взглянуть в ее глаза, поговорить. Только я смогу остановить ее, пока не случилось беды.

– Понимаю… – медленно произнесла Сара. – Но почему именно система Валерайн?

– Мне удалось отследить канал гиперсферной частоты. Она выходила на связь отсюда. Возможно, с борта станции «Мантикора».

– Это невозможно! Наши системы безопасности не допустили бы проникновения на борт кибернетического организма!

Глеб достал из нагрудного кармана стереоснимок, молча протянул его Саре.

– Это Ника, – после непродолжительной паузы произнес он. – Изображение считано из моей памяти. На снимке виден интерьер отсека, из которого велась передача.

– Ничего общего с центром связи «Мантикоры». – Сара активировала кибстек, просканировала изображение. – Сейчас будет произведен поиск, – пояснила она. – Интерьер помещения подетально сравнят со всеми отсеками комплекса, а изображение Ники с теми людьми, кто посещал станцию на протяжении последних лет.

– Спасибо. – Глеб хотел забрать снимок, но Сара, отдав нужные распоряжения, не спешила вернуть его. Она долго смотрела на изображение, а затем вдруг тихо произнесла:

– Вот, значит, как выглядит женское лицо войны…

Она подняла взгляд.

– Ты что-то знаешь? – проницательно спросил Глеб. – Почему ты так странно выразилась?

– Однажды я услышала эту фразу от Говарда Фарагнея, создателя «Одиночек».

– Не можешь рассказать чуть подробнее?

Сара кивнула:

– Как-то раз я сопровождала адмирала Табанова в инспекционной поездке. Мы прилетели на Юнону, в секретный комплекс лабораторий. Адмирал долго беседовал с Фарагнеем. Речь шла об угрозе самоорганизации боевых искусственных интеллектов. Тогда я еще не знала, чем завершится война, но Табанов был очень зол. Он требовал от Фарагнея применить специальные коды, вывести модули искусственного интеллекта из схемы принятия боевых решений на уровне эскадр. Позже, уже во время битвы за Землю, я поняла – адмирал Табанов несколько лет готовился к окончанию войны, он сделал все, чтобы бойня завершилась, пожертвовал Солнечной системой, но спас многих, не дал автоматическим соединениям окончательно перехватить инициативу и продолжить войну.

– Ты говорила о Фарагнее. При чем тут он и… Ника?

– В тот день адмирал остался ночевать на Юноне. Вечером я случайно столкнулась с Говардом. Я видела, что он выглядит опустошенным, раздавленным. Мы с ним разговорились. Тогда я и услышала от него эту фразу. Он рассказал, что создал новую версию модуля «Beatris», но Табанов запрещает выпускать ее в серийное производство.

– Почему?

– Адмирал думал, что новый модуль – лишь дальнейшее развитие боевых качеств «ИИ». Но Фарагней уверял, что последние

усовершенствования способны спасти многих пилотов от наступающего безумия. Он создал версию «Одиночки», которая… сумеет ненавязчиво возродить в душе пилотов надежду, веру в то, что еще не все кончено, что можно и нужно жить… – Сара сокрушенно покачала головой. – Фарагней был одним из немногих, кто понимал – Табанов пытается завершить войну. Но сгоревшие на войне души не вернулись бы к миру. Говард отчаянно хотел, чтобы его «Beatris» отыскала искорки чего-то светлого в душах солдат. Он сказал: «Если у войны будет женское лицо…» – а потом вдруг осекся, махнул рукой, прекратил разговор, словно испугался меня.

Тихо пискнул сигнал кибстека, и они оба невольно вздрогнули.

Сара взглянула на миниатюрный экран.

– Помещение на снимке не идентифицировано. Это не отсек нашей станции. – Она вернула Глебу снимок. – И Ника никогда не посещала космический дом «Мантикоры».

Дымов сокрушенно кивнул.

– Не отчаивайся. Есть небольшая зацепка. Случайный кадр из нашей базы данных. Похожую девушку видели на Варле.

– Мне нужно попасть на планету!

– Глеб, я тебе помогу. Ты произвел на меня сильное впечатление. Дай мне несколько минут. Я что-нибудь придумаю.

– Зачем? Я просто полечу туда!

– И погибнешь. Разве Алан не говорил с тобой? Чужаков на Варле хватает, но их жизнь не стоит и гроша. Тебе нужно сильное прикрытие, если ты собираешься заняться активными поисками.

Сара быстро перебирала какие-то варианты на экране кибстека.

– Вот. Нашла. Есть одно дело. Группировка Дарга сегодня запросила нашу помощь. Им нужен эксперт по вооружениям. Кто-то погиб, видимо, важная фигура, и они не могут разобраться своими силами. Если ты появишься на планете как представитель «Мантикоры», тебе будут открыты многие двери. Это самое меньшее, что я могу сделать.

Глеб кивнул, не раздумывая.

– Я справлюсь.

Глава 4 ПЛАНЕТА ЭЛИО

Величественный закат полыхал над заливом Эйкон.

Нежно-алым сиянием пламенели Раворы. Пологие волны лениво терлись о набережные, кучевые облака у горизонта отражали свет заходящей звезды, мегаполис, подковой огибающий залив, сиял мириадами огней; кварталы зданий образовывали уступчатый амфитеатр новостроек, лишь кое-где еще виднелись шрамы отгремевшей войны.

Одна из резиденций адмирала Вербицкого находилась среди рвущихся к небу вершин сверхнебоскребов.

Отсюда, с высоты, взгляду открывались два разноликих пространства.

С одной стороны был виден залив Эйкон, на побережье которого четыре столетия назад совершил посадку колониальный транспорт «Кривич», с другой – к окраине Раворграда почти вплотную подступали приземистые постройки огромной, эшелонированной в глубины планетной коры базы робототехнических вооружений.

Резкий контраст между двумя пространствами будил в душе Антона Эдуардовича противоречивые чувства, напоминал о расколотой надвое Обитаемой Галактике, заставляя снова и снова мысленно возвращаться к проблемам Периферии и Центральных Миров.

Над плоскостью рабочего стола тускло сиял голографический экран, ровные строки размышлений отражали внутренний мир Вербицкого:

Галактическая война необратимо изменила психологию поколений.

После капитуляции Земного Альянса ситуация в границах Обитаемой Галактики только усложнилась. Свободные Колонии, одержав победу, оказались в затруднительном положении: роботизированные соединения прародины не получили приказа о прекращении боевых действий. Глобальная система управления военно-космических сил Альянса была уничтожена, дислокация баз внешнего кольца – неизвестна, большинство планет Периферии, где велись активные боевые действия, изуродованы войной и непригодны для жизни.

Казалось бы, угроза, исходящая от роботизированных подразделений прародины, базирующихся в секторах неисследованного космоса, нависла над колониями как дамоклов меч, и любой здравомыслящий человек должен был поддержать новую доктрину безопасности, но реальность зачастую идет вразрез с логикой.

Первопроходцами зловещих секторов опустевшей Периферии стали

офицеры Земного Альянса. После капитуляции прародины многие из них попали в плен, а те, кому удалось избежать заключения, были вынуждены скрыться, искать убежища среди разоренных войной звездных систем Окраины.

Коллапс пространства Обитаемой Галактики, спровоцированный адмиралом Воронцовым, обернулся для союза Центральных Миров серьезными внутренними проблемами: многократное сокращение численности армии и флота, консервация сотен крупных космических кораблей, расформирование соединений наземного базирования – все это вернуло к мирной жизни миллионы солдат и офицеров, прошедших через горнило Галактической войны.

Большинство из них провели детство в бункерах и убежищах, юность встретили уже на фронтах – да, они мечтали о победе, грезили ею, как чем-то призрачным, недосягаемым, и вдруг… оказались невостребованными в рамках той самой мирной жизни, о которой так истово мечтали.

Их души давно обуглились, рассудок, воспитанный адским, затянувшимся на десятилетия противостоянием, хранил ужасающие картины гибели миров, единственное, что они умели, – это воевать.

Нет, они не кровожадны и не безумны – они несчастны, опустошены, а мы не смогли дать им новый смысл в жизни, заперли в границах скопления Центральных Миров и в результате получили бунт – неконтролируемую, стихийную волну Экспансии: бывшие солдаты и офицеры в поисках утраченной свободы устремились на Периферию, в зону предельного риска.

Так возникло большинство послевоенных поселений Окраины.

За общепризнанными границами Обитаемой Галактики в течение десяти лет после окончания войны стихийно образовались сотни разрозненных очагов человеческой цивилизации. Они не подчиняются законам Центральных Миров, их не существует на официальных картах, но именно эти пестрые, конфликтные, противоречивые и независимые колонии первыми примут удар в случае внезапного рецидива…

Незаконченная мысль не давала покоя.

Нужно действовать, а не размышлять. Адмирал Вербицкий лучше других понимал – словами делу не поможешь.

Либо мы признаем свои ошибки, вернемся на Периферию, защищая разоренные войной колонии, помогая им наладить мирную жизнь, либо послевоенный хаос окончательно уничтожит понятие «цивилизация».

Первый шаг уже сделан.

Эскадры Элио и Кьюига покинули Форт Стеллар, вернулись в свои системы. Союз Центральных Миров сохранил единство, но диктат Воронцова, тяготеющий над флотом, дал первую серьезную трещину.

Вербицкий обернулся, взглянул на огромную базу РТВ.

Элианская эскадра уже совершила первый боевой вылет, в результате зачищена одна из карантинных планет Периферии, и вскоре в звездную систему, освобожденную от засилья остаточных роботизированных подразделений, смогут вернуться люди.

Всего лишь капля в океане проблем?

Взгляд адмирала тонул среди бесчисленных построек базы РТВ. Ближе всего располагались планетарные доки космической верфи. Там сейчас завершалось строительство двух крейсеров флагманского класса, которым в ближайшие годы предстоит патрулировать наиболее опасные участки послевоенного пространства Периферии.

Жизнь механического муравейника кипела, не останавливаясь ни на секунду. Десятки войсковых транспортов все еще осуществляли разгрузку – они доставили на Элио технику, собранную в результате недавней зачистки.

Чуть в стороне от суеты, на обособленной, особо охраняемой посадочной площадке, окруженный лесом ажурных технических ферм, стоял космический корабль необычного вида. По размерам он не уступал фрегату, но по форме и конструкции не имел аналогов среди серийных моделей боевых космических судов, стоявших на вооружении Земного Альянса либо Свободных Колоний.

«Вот еще одна проблема, требующая пристального внимания и незамедлительного решения», – подумал адмирал, осуществляя вызов по защищенному каналу связи.

– Новак, зайди.

* * *

Генерал Новак, возглавляющий разведывательное управление Элио, появился в кабинете адмирала Вербицкого спустя несколько минут.

– Докладывай, Зигмунд. – Антон Эдуардович указал на экран, где отображалась ячеистая структура необычного космического корабля. – Что удалось выяснить в ходе его исследования?

Новак откашлялся, взял лазерную указку.

– Как выяснилось, корабль не уникален, – неожиданно заявил он.

Вербицкий резко обернулся:

– То есть? Поясни?

– Нам удалось получить некоторую информацию из архивов Форта Стеллар. В середине войны существовал проект под кодовым названием «Шквал». Его смысл заключался в создании штурмового корабля, способного взломать противокосмическую оборону Линии Хаммера. По неизвестным причинам проект заморозили. Повторная операция зачистки, недавно произведенная нами на планете Роуг, подтвердила – именно там в начальный период войны базировались особо секретные производства, в том числе и планетарные доки экспериментальной верфи.

– Выходит, что корабль, захваченный группой капитана Дымова, – это рабочий образец «Шквала»?

– Да. Но он претерпел множество усовершенствований относительно первоначально существовавшего проекта. Мы завершили исследование и нашли много интересного. Два слоя корпуса «Шквала» состоят из отдельных, легко заменяемых автономных модулей, каждый из которых узко специализирован, обладает собственным запасом энергии и вычислительными мощностями. Изучив основные типы «сегментов», образующих два вложенных друг в друга корпуса, мы обнаружили все известные на сегодняшний день типы вооружений. Сборки из отдельных модулей образуют батареи плазмогенераторов, тяжелых электромагнитных гаусс-орудий, лазерных излучателей, ракетных установок, генераторов СВЧ– и ЭМИ-импульсов, а также системы сканирования и управления огнем.

– Огневая мощь корабля, насколько я понимаю, огромна?

– Натуральный технический монстр, – подтвердил Новак. – За счет отсутствия экипажа во внешних отсеках и снятия многих ограничений, связанных с задачами жизнеобеспечения, компоновка боевых систем выполнена оптимальным образом, что в разы повышает живучесть корабля в бою. При критических повреждениях внешний корпус рассыпается на отдельные сегменты, но уцелевшие отсеки продолжают выполнять боевую задачу, а перед противником вновь оказывается неповрежденный корабль, только меньших размеров. В бой вступают отсеки второго слоя, которые также в случае критических повреждений отстреливаются в космос.

– А что представляет собой ядро корабля?

– В третьем корпусе смонтированы: силовая установка, гиперпривод, главные вычислительные системы, – перечислил Новак. – В отличие от двух внешних слоев третий корпус герметичен, защищен мощным бронепокрытием, имеет дополнительный запас «живучести» за счет генераторов суспензорного поля, интегрированных в обшивку.

– Из переданного мне отчета следует, что внутри третьего корпуса

есть установки жизнеобеспечения и поддерживается атмосфера?

– Да, – подтвердил Новак. – Нами обнаружен там пост управления, адаптированный для человекоподобных кибернетических организмов.

– На основе чего сделан вывод о киборгах?

– Конструкция противоперегрузочных пилот-ложементов не подходит для человека. Испытания показали, что самые тренированные из пилотов не выдержат перегрузок при боевом маневрировании «Шквала». Версию о кибернетических механизмах мы отвергли. Им ложементы не нужны в принципе, да и системы жизнеобеспечения в таком случае бессмысленны.

– Значит, все-таки киборги? – Вербицкий нахмурился. – Четыре подобных корабля сумели прорвать блокаду Роуга и исчезли, ускользнули в неизвестном направлении. В скором времени мы вполне можем встретиться со «Шквалами», но уже в боевой обстановке. Выстоим ли?

– Безусловно, – твердо ответил Новак.

Вербицкий удивленно взглянул на него.

– Я поясню. – Генерал включил лазерную указку, коснувшись красным лучиком голографической модели космического корабля. – Бесспорно, огневая мощь «Шквала» огромна. Но в его конструкции есть существенные минусы. Исследуя корабль, мы обнаружили стандартную силовую установку крейсерского класса. Ее мощности достаточно для многократной перезарядки гиперпривода, но боевое поддержание систем вооружений требует гораздо большего энергоресурса. Кроме того, в конструкции корабля нет хранилища боеприпасов, отсутствует такая важная составляющая, как истребители прикрытия. За счет перечисленных особенностей корабль получился в десятки раз меньше, чем его полнофункциональный аналог. То есть «Шквал» – боевая единица разового применения, не приспособленная к ведению длительного сражения. Мощь бортовых вооружений способна в считаные минуты взломать противокосмическую оборону, но затем неизбежно наступает энергетический коллапс. Кораблю, если он не получил повреждений, потребуется несколько недель для восстановления запасов энергии, а кинетические типы вооружений, исчерпав боекомплект, будут нуждаться в его пополнении из внешних источников.

Вербицкий кивнул.

– Действительно, исполинский штурмовик, – согласился адмирал. – Получается, что «Шквал» способен нанести сокрушительный удар по скоплению кораблей или стационарным объектам систем противокосмической обороны, а затем попытается отступить, скрыться в гиперсфере?

– Да, – подтвердил Новак. – Мы проанализировали возможности корабля применимо к современным условиям и пришли к выводу: кроме штурмовых операций, «Шквал» способен осуществлять длительные рейды в секторах пространства, где нет крупных соединений космического флота. Имея удаленную ремонтно-техническую базу, корабли подобного типа в состоянии держать под контролем огромное количество звездных систем современной Периферии.

– Это серьезная проблема, учитывая, что четыре корабля сумели прорвать послевоенную блокаду Роуга и скрылись в неисследованных секторах пространства, – повторил Вербицкий – Что удалось обнаружить на планете при проведении зачистки?

Генерал коснулся сенсора электронного планшета.

– Как мы и предполагали, в период войны на Роуге, кроме космоверфи, базировались еще и секретные производства, – произнес он, – но об их существовании нет никакой документальной информации. Мы провели детальное исследование местности, тщательно проанализировали все полученные данные. В итоге картина следующая: нами обнаружены пустующие цеха и лаборатории. Большая часть оборудования не уничтожена, как предполагалось, а тщательно демонтирована и вывезена с планеты. Изучение вспомогательных производств и хранилищ ресурсов позволило сделать вывод о двух основных направлениях проводимых на Роуге исследований. Первое – постройка космических кораблей нового типа. Второе – создание кибернетических организмов.

– По официальной версии, на Роуге существовала только экспериментальная космическая верфь, которая была уничтожена, когда планета оказалась в границах зоны боевых действий. Гарнизон эвакуировали, оставив для защиты Роуга подразделения сервов, – произнес Вербицкий.

– А что Воронцов? – спросил Новак, зная, что Антон Эдуардович во время последнего визита в Форт Стеллар собирался переговорить с адмиралом тет-а-тет.

– Он отказался обсуждать тему Роуга. Вспылил, когда я начал задавать вопросы. Мы вряд ли узнаем от него правду.

Новак лишь пожал плечами.

– Правда, по моему убеждению, заключается в том, что Воронцов приказал уничтожить все производства, но его распоряжение не было выполнено. В архивах флота есть документ о ликвидации планетарных доков верфи Роуга. Но мы исследовали каждый метр поверхности – нет никаких следов разрушений пяти стапелей, кроме повреждений,

нанесенных в ходе штурма планеты силами Альянса. Однако на видеоотчете из архива зафиксирован момент подрыва экспериментальной верфи.

– Кто-то сфабриковал видеозапись?

– Нет. Запись подлинная. Площадь подрыва, кстати, намного превышает пространство, занимаемое пятью стапелями.

– Подожди, Зигмунд. Я чего-то не понимаю?

– Сфабрикована не запись. Имитирован сам взрыв. *Некто* сумел отключить систему уничтожения и разместить фантом-генераторы, которые и создали иллюзию подрыва. Все операции по уничтожению базы Роуга проводились специальной командой. Живых свидетелей отыскать не удалось. Осталась только видеозапись да отчет об успешной ликвидации верфи, за подписью Фридриха Гессау.

– Постой! Фридрих Гессау… – Вербицкий нахмурился. – До войны он опубликовал нашумевшую работу по исследованию искусственного интеллекта андроидов колониальной серии «Хьюго»! Где он сейчас?

– Его следы уводят на Периферию и теряются там. Мы ведем поиски, но пока безрезультатно.

Адмирал прошелся по кабинету, остановился у окна.

– Важно понять, что там произошло на самом деле, – произнес он. – Кто имитировал взрыв? Кто защищал планету на протяжении последующих лет? Куда подевалось оборудование из цехов и лабораторий? На борту четырех «Шквалов» нет места для размещения груза. И, наконец, почему один из кораблей остался на планете?

– Думаю, ответы на некоторые из вопросов нам уже известны. – Новак подключил свой кибстек к системе голографического воспроизведения. – Вот что удалось обнаружить при исследовании зоны боевых действий.

В объеме стереомонитора появилось изображение эндоостова человекоподобной машины.

– Перед нами усовершенствованная версия «Хьюго», – пояснил Новак. – У данной модели отсутствует реактор, увеличено количество разъемов для установки нейрочипов, но главное – мы обнаружили на нескольких обгоревших эндоостовах следы органики.

– Планету защищали кибернетические организмы?

– Это установленный факт. Неожиданный результат получен при анализе нейромодулей, найденных в останках защитников Роуга. Три из пяти обнаруженных существ обладали нейрочипами древнего колониального образца, да и фрагменты расшифрованных воспоминаний доказывают: искусственные нейросети, руководившие действиями

киборгов, принадлежат андроидам серии «Хьюго».

– Хорошо. Допустим. – Вербицкий размышлял вслух: – Известно, что в критический момент войны к двадцати тысячам андроидов серии «Хьюго» по приказу адмирала Воронцова был применен древний технический код, уничтоживший их личности, позволивший использовать человекоподобные машины в качестве ударной силы при штурме Линии Хаммера. Большинство андроидов не вернулось с того задания. Мог ли кто-то из них уцелеть, а спустя годы восстановить свою личность?

– Да, такая возможность существует. При применении технического кода разрушаются связи между нейромодулями, но не информация, записанная в них. Предугадать реакцию искусственного интеллекта, вспомнившего прошлую фазу своего существования, очень сложно. Довоенная работа Фридриха Гессау как раз посвящена этой проблеме. Идентифицировав себя как личность, искусственный интеллект способен выйти за рамки базовых программ поведения.

– И отомстить тем, кто его предал? – предположил Вербицкий.

Новак кивнул.

– При зачистке Роуга мы нашли недавно проложенные дороги, ведущие к месту крушения колониального транспорта «Нобель», – продолжил он свой доклад. – Есть все основания предполагать, что древний космический корабль был восстановлен. Именно на нем с Роуга могли вывезти демонтированное в цехах и лабораториях оборудование.

– Оборудование, позволяющее создавать кибернетические организмы?

– Да.

– Проблема… – Вербицкий помассировал виски. – Враждебный людям искусственный разум, обладающий секретными технологиями, вооруженный мощнейшими штурмовыми кораблями, вырвался с планеты и скрылся в карантинных секторах Периферии?

– Найденные свидетельства указывают именно на такой вариант развития событий. Но мы многого пока еще не знаем. Например, нельзя с уверенностью утверждать, что искусственные интеллекты Роуга враждебны нам. Да, они прорвали блокаду планеты и скрылись. Но ничто не указывает на их агрессивные намерения…

– Не забывай о пятом корабле! – напомнил Вербицкий. – Он остался на Роуге. Его кибернетическая система содержала тщательно разработанный план внезапного нападения на Форт Стеллар – главную базу флота!

– Да, это так, – невозмутимо ответил Новак. – Но один «Шквал» неспособен уничтожить и десятой части укреплений Форта.

Проанализировав скрытые программы, мы обнаружили конкретное указание цели. Весь расчет построен на том, что корабль рано или поздно будет захвачен Флотом Колоний и доставлен для исследования на Луну Стеллар. Таким образом, «Шквалу» не понадобится преодолевать рубежи противокосмической обороны, его доставили бы прямо к цели, которой является бункер адмирала Воронцова. Это месть, Антон Эдуардович. Месть одному человеку, а не всей цивилизации. Вот ради чего был оставлен «Шквал».

– Выходит, доставив корабль на Элио, мы спасли Воронцову жизнь?

– Жизнь Воронцову и многим людям, проживающим в Форте Стеллар, спас Глеб Дымов, когда сумел обнаружить и заблокировать скрытые программы.

– Дымов. Верно. Вот еще один минус твоей версии о мести определенным лицам. Запись сеанса связи на гиперсферных частотах между Глебом Дымовым и Никой – искусственным интеллектом боевой серв-машины разве не ясно указывает на намерения искусственного разума развязать войну?

– Запись спорная, – возразил Новак. – Лично я сомневаюсь, что Ника вообще существует.

– Почему?

Генерал нахмурился:

– На первый взгляд все очевидно и непротиворечиво. «Одиночка» выходит на связь со своим пилотом, который только что активировал корабль-ловушку, применив личный кодон. Она открыто и прямо высказывает свои мысли, как и *должно происходить* при общении двух половинок разорванного волей судьбы сознания.

– Так в чем же дело?

– Кирсанов усомнился в самой возможности перемещения кристаллосферы «Beatris» в тело киборга. Он сразу обратил мое внимание на техническую сложность подобной трансформации. Кристаллосфера слишком велика, ее не разместить ни в черепной коробке, ни в грудной полости киборга.

– Оболочку сферы могли удалить, – предположил Вербицкий.

– Это не решает проблемы. Все равно ядро системы «Фалангера» слишком велико. Всем известно, что кристаллосхема серии «Climens» свободно интегрируется в гнездо импланта, но «Beatris» принципиально отличается по конструкции от своих предшественников.

– А если демонтировать нейромодули и установить их в разъемы позвоночного столба? – Вербицкий указал на объемное изображение

усовершенствованного эндоостова.

– Демонтаж нейромодулей приводит к нарушению их взаимосвязей. Проще говоря – к утрате личности. Допустим, она решилась на подобную операцию, рискнула, чтобы покинуть корпус разбитого «Фалангера» и обрести не только ментальную, но и физическую свободу. Один шанс из миллиона, что нейромодули будут собраны в правильном порядке и за короткий срок восстановят утраченные связи. Кирсанов настаивает, что при такой операции скорее возникнет новая личность, а от прежней останутся лишь многочисленные, но бессвязные осколки воспоминаний.

– Мы не можем отвергать то, что не в состоянии объяснить! – резко возразил Вербицкий. – Какой смысл выходить на связь с Дымовым, демонстрировать ему человеческий облик «Одиночки», оперировать ее воспоминаниями?

– Думаю, это попытка направить нас по ложному следу. Находки, сделанные на Роуге, прямо свидетельствуют в пользу мыслящих андроидов, покинувших планету. Версия о кровожадных «Одиночках» выглядит устрашающе, но при детальном рассмотрении она малоубедительна. Как и устройство со сканером личного кодона, давшее Глебу возможность получить контроль над «Шквалом».

Вербицкий глубоко задумался.

– Возможно, ты прав. Если за всем этим стоят не «Одиночки», а мыслящие андроиды, они могли пожертвовать кораблем ради мести и попытаться переложить ответственность на модули «ИИ» Земного Альянса.

Он прошелся по кабинету.

– Ясно лишь одно – и мы, и Альянс в течение войны использовали технологии, далеко вышедшие за рамки разумного. Вот теперь и пожинаем плоды. Нам трудно даже предположить, что на уме у колониальных машин, прошедших многовековой путь саморазвития, или понять, как мыслит «Одиночка», оставшаяся не у дел, но обладающая огромным потенциалом саморазвития. Мы разбросали много камней, и теперь пришло время их собирать. – Антон Эдуардович по привычке размышлял вслух. – Мы возвращаемся на Периферию, Зигмунд. Возвращаемся серьезно, навсегда. Цивилизация Кьюига нас поддержит. – Он обернулся. – Я бы хотел переговорить с Андреем Кирсановым, – добавил адмирал.

– В данный момент это невозможно, – покачал головой Новак. – Я отправил Андрея в систему Валерайн. Там за последнее время скопилось много боевой техники. Кирсанов сейчас на Варле. Он должен внедриться в среду контрабандистов и выяснить, куда поставляются образцы вооружений, собранные на карантинных планетах.

Вербицкий выключил голографические мониторы.

– На сегодня все. Теперь твоя первостепенная задача – отыскать «Шквалы». Начни с линий гиперсферы, ведущих от Роуга к соседним системам. Исследуйте их все. Гиперпривод колониального транспорта заряжается на один прыжок. Отыскав «Нобель», мы отыщем и загадочных беглецов. Возможно, ты прав, и с искусственными интеллектами еще не поздно наладить диалог.

* * *

Планета Варл

Осколки бронестекла хрустели под ногами.

В комнате царил сумрак. Богатая меблировка свидетельствовала о значительном состоянии владельца одноэтажного загородного дома, притаившегося на вершине холма, окруженного плотной лесопосадкой, задерживающей пыль и маскирующей здание.

Хозяин лежал на полу в луже крови.

– Тридцатимиллиметровый снаряд, – присвистнул Хограк. – Вряд ли мы его опознаем. – Он кивнул на обезображенный труп.

Глеб присел на корточки:

– Уже остыл.

– Да брось. Ты к нему даже не прикоснулся!

– Мне и не нужно. – Дымов коснулся пальцем своего правого виска. – Сканеры импланта, – пояснил он.

– Ну да. Забываю. Ты же офицер Альянса.

– Что-то имеешь против?

Хограк скривился:

– Нет. Не сейчас, по крайней мере. У нас перемирие с «Мантикорой». Не знаю, из каких соображений потребовалась твоя помощь, но думаю, нам лучше заняться делом.

– Согласен. – Дымов выпрямился. – Итак, ты не знаешь, чей это дом?

– Глеб, ты на Варле. Здесь не принято знать больше, чем положено по статусу.

– То есть по иерархии криминальных группировок? – уточнил Дымов, продолжая осмотр помещения.

– Называй как хочешь. Холм выкуплен. Это частная территория.

– Странные стандарты. Их даже двойными не назовешь. – Глеб остановился подле глубокой выбоины в стене. – Корабли торговцев, которые вы грабите, тоже являются частной собственностью. Но каперам

глубоко наплевать на это обстоятельство. Отчего вдруг такое трепетное отношение к табличкам «private» по периметру домовладения?

– Мне приказано найти убийцу. Больше ничего я не знаю и знать не хочу.

– Нормально. Думаю, наш погибший не последнее лицо в местных кланах. Кровь давно подсохла. Вы не справились сами и решили обратиться за помощью к «Мантикоре»? – Он намеренно злил Хограка, выводя того из равновесия, так проще получить информацию.

– Давай займемся делом! – огрызнулся даргианец.

– Ладно. Не кипятись. Лучше расскажи, что удалось выяснить по горячим следам?

– Ничего. Иначе не обратились бы к вам.

– Придется начинать с начала. Личность погибшего нас не интересует, верно?

Хограк кивнул.

– Будет сложно определить мотив. Свяжись со своими, объясни: так мы ничего не сумеем расследовать. Максимум – определим точку, откуда был произведен выстрел, и выясним тип оружия. Но это не приблизит нас к убийце, учитывая, что прошло больше суток с момента покушения.

– Ладно. Я попробую. – Хограк достал мобильный коммуникатор, попытался поймать сигнал сети, затем покачал головой, направившись на улицу.

Дымов мысленно зафиксировал факт отсутствия связи.

Найти убийцу на Варле, спустя сутки после покушения, – задача не из легких. Вряд ли исполнитель все еще жив или до сих пор находится на планете. Пустая трата времени. Единственная зацепка – калибр и тип оружия. Не такие даргианцы и простаки, если затребовали эксперта по вооружениям.

Пока Хограк беседовал с боссами, Глеб вышел на улицу, осмотрелся.

Как он и предполагал, живые изгороди, окружающие дом, являлись компонентом биоадаптивного маскирующего комплекса. Одноэтажное строение с плоской крышей располагалось на искусственно выровненной площадке. Вершина холма господствовала над окрестностями, что исключало возможность выстрела с этажей приземистых городских руин.

«Кем бы ни был убитый, он не исключал возможность покушения и сделал все, чтобы максимально осложнить задачу предполагаемому киллеру», – подумал Дымов.

Взобравшись на крышу дома, Глеб осмотрелся, но даже отсюда вид заслоняли генетически модифицированные хвойные деревья, высаженные

по периметру склонов, чуть ниже двухметровых аккуратно подстриженных живых изгородей. Сканеры импланта сбоили, немудрено, что у Хограка связь не работает. Подобные лесопосадки широко применялись во время войны для маскировки отдельных объектов планетарной инфраструктуры. Пожалуй, только «Аметисты» последних серий способны что-то обнаружить за такой преградой.

Расположение дома, его этажность, наличие бронестекол, скошенный бронированный козырек, идущий по периметру строения, толстые плиты перекрытия – все это в комплексе практически исключало возможность успешного снайперского выстрела. Задрав голову, Глеб заметил, как струится воздух, образуя еще один рубеж защиты. Маскирующее поле скрывало дом и лесопосадки, с высоты холм наверняка выглядел таким же безжизненным, как и окружающие его пустыри.

На дорожке, ведущей от ворот к крыльцу, появился Хограк.

– Ну, что? – осведомился Глеб.

– Спускайся.

– Зачем? Я еще не до конца осмотрелся.

– Шепну кое-что. На ухо.

– Прекрати. Здесь работает маскирующее поле. Можешь орать – никто не услышит.

Даргианец не послушался. Видя, что Глеб не собирается спускаться, он, вздохнув, сам взобрался на крышу по приставленной лестнице.

– Ну? Что тебе сообщило руководство?

– Клан Дарга решил довериться представителю «Мантикоры». Убитый – Фридрих Гессау, в прошлом – правая рука адмирала Воронцова в вопросах использования боевых искусственных интеллектов. После войны по неизвестной причине бежал со Стеллара, некоторое время скитался по Периферии, последние пять лет жил на Варле. Только не понимаю, как это нам поможет?

– Всему свое время, – ответил Глеб. – Сначала определим, откуда был произведен выстрел, вычислим тип оружия, а уж затем начнем раскручивать цепочку дальше. Нужно отключить маскирующее поле. Знаешь, как это сделать?

– Понятия не имею, – признался Хограк.

– Тогда я найду источник энергии и просто отключу весь дом. Подожди меня здесь.

* * *

Минут через пять Дымов вернулся на крышу.

– Что теперь? – хмуро спросил даргианец.

– Будем работать. – Глеб активировал кибстек, выполненный в форме браслета. Достав из нагрудного кармана еще один нанокомп, он сверился с показаниями сканеров импланта и положил его в определенную точку на крыше.

– Тело точно под ним, – пояснил он. Сейчас начнем моделировать ситуацию. – Он подошел к краю крыши, установил стек-голограф, и через мгновение в воздухе возник контур окна. – Итак, я отсканировал выбоину в стене, ввел данные в кибстек. Тридцатимиллиметровый снаряд пробил бронестекло, двигаясь параллельно полу, что исключает выстрел с истребителя или штурмовика.

– Это почему?

– Допустимая высота для маневрирования аэрокосмических машин составляет один километр, – терпеливо пояснил Глеб. – При выстреле снаряд прошел бы сверху вниз и ударил в пол. Флайбот я тоже исключаю: его двигатели работают на антигравитационной тяге, отдача при стрельбе из тридцатимиллиметрового орудия привела бы к крушению. Да и подлетев достаточно близко к холму, малый аппарат рисковал попасть в зону обнаружения установленных тут систем безопасности. Нет, Хограк. Наш снайпер стрелял с надежной позиции, он действовал наверняка, зная, что не спугнет жертву. Летательные аппараты, в том числе и боевые вертолеты, я исключаю.

– Ну, тогда и ты зашел в тупик, – с удовлетворением констатировал даргианец.

– Посмотрим. – Глеб установил дополнительные сканеры и инициализировал процесс поиска.

Устройство стек-голографа прочертило в воздухе красную линию.

– Траектория полета снаряда, – прокомментировал Глеб. – Видишь, за границей здания линия продолжается? Она показывает направление выстрела с учетом поправок на ветер, гравитацию Варла и прочие нюансы, влияющие на точность попадания. Теперь подключим карту местности.

Устройство голографического воспроизведения вычертило в воздухе трехмерную модель городских руин.

– Здание! – Хограк удивленно уставился на точку, где красная линия соприкасалась с верхушкой руин одного из немногих уцелевших небоскребов.

– Далековато, – с сомнением произнес Глеб. – Для выстрела из ручного снайперского оружия дистанция предельная, а снаряд не только пробил бронестекло, но и вышиб кусок стены. Он попал в цель явно не на

излете.

– Сворачивай аппаратуру. Я вызову флайбот.

* * *

Верхние этажи полуразрушенного высотного здания покачивались под напором ветра.

Флайбот завис в метре от стены.

– Ну, пойдем? – Хограк открыл боковую дверь и взглянул вниз. – Все лестницы разрушены, – сообщил он. – Сюда разве что серв способен взобраться.

Глеб выглянул наружу.

От площадки верхнего этажа остался лишь небольшой фрагмент перекрытия да две иззубренные стены.

Для позиции снайпера слишком мало места. Да и подняться сюда очень сложно. При такой амплитуде раскачивания для выстрела необходим как минимум специальный станок с компенсатором.

И все же в расчетах ошибки нет. Выстрел произведен отсюда.

– Хограк, не рискуй. Незачем туда перебираться. Посторонись, я отсканирую площадку и стены.

Даргианец пожал плечами, отступил в глубь салона.

Дымов начал сканирование.

Никаких следов недавнего пребывания человека или серва. Ничего похожего на крепежные приспособления или устройства для подъема.

Внезапно внимание Глеба привлекла неглубокая, но достаточно характерная выщербина.

Свежая. С частицами металла – определил сканер.

– Все ясно. – Он закрыл дверь, чтобы слова не заглушал шум ветра. – Стреляли не отсюда.

– Не понял?

– Помнишь, я тебе сказал про нехарактерную для ручного снайперского оружия мощность выстрела?

– Ну?

– Наш снайпер использовал орудие серв-машины класса «Хоплит».

– Каким образом? – опешил Хограк.

– СНИП, – пояснил Глеб. – Система неявного прицеливания. Прежде чем убить жертву, снаряд несколько раз рикошетил от твердых поверхностей с заранее известными физическими свойствами. Рассчитать и осуществить такой выстрел способен лишь искусственный интеллект «Одиночки», работающий в паре с бортовым артиллерийским

компьютером серв-машины.

– То есть снайпер – не человек?

– Я этого не говорил. В рубке вполне мог находиться человек, но он использовал «Одиночку» и подсистему управления огнем. Такой выстрел практически невозможно произвести в режиме ручного управления орудием. Слишком сложно, учитывая атмосферные условия.

– Интересно, каким образом он получал данные о цели? Со спутников?

– Не думаю. Сверху холм закрыт маскирующим полем. Но хозяин особняка наверняка общался с внешним миром. Там есть кабельные каналы. Вот к ним и подключился наш стрелок, получая все необходимые сведения непосредственно от охранной системы.

– Взломал ее?

– Без вариантов. Для работы системы неявного прицеливания необходимо фиксировать цель и учитывать множество переменных факторов. Либо у стрелка имелась вся необходимая информация, либо он попросту промахнулся бы.

– И как теперь его искать?

– При помощи вычислений. – Глеб взглянул на обзорные экраны флайбота. – Хотя и без них предположу, что выстрел произведен с территории Арены. Только там серв-машина может перемещаться и стрелять, не вызывая лишних подозрений.

– Согласен, – вынужденно признал Хограк. – Хотя есть одно «но».

– Ну?

– На Арене действует запрет. Нельзя использовать системы искусственного интеллекта. За этим следят.

– Значит, кому-то удалось обойти правила. Нам потребуется информация со спутника и записи последних боев.

– Это легко. – Хограк коснулся плеча пилота. – Давай вниз, к нашему клубу.

* * *

Суровая реальность.

Глядя на панораму разрушенного города, Глеб внезапно испытал сложные, смешанные чувства.

С каждым прожитым днем что-то менялось в его мироощущении. Прошлое не тускнело, но постепенно проходила озлобленная растерянность, подсознательно неприятие окружающего медленно отпускало рассудок.

– А ты не очень-то разговорчив. – Хограк перебрался на заднее сиденье флайбота. – Не похож на других наемников «Мантикоры». Недавно к ним присоединился?

– Да, – скупо и односложно ответил Глеб.

– Понятно. Все еще на войне? – проницательно предположил даргианец. – Застрял?

Дымова покоробили его слова.

– Не лезь в душу!

– Да без проблем. – Хограк демонстративно поднял руки.

«Интересно, откуда у него ссадины на пальцах?»

– Подрался? – машинально спросил Глеб, тут же поймав себя на мысли, что лезет не в свое дело.

– А… это? Пустяки, – даргианец отреагировал спокойно, с усмешкой. – Синхронизаторы ускорителей регулировал. На полной тяге, при включении досжигателей топлива машину во вращение тянет. Пришлось повозиться.

Глеб не ожидал подобного ответа. Оказывается, он подсознательно уже сформировал стереотипный образ обитателей Варла.

– Ты пилот?

– И пилот, и техник – всего понемногу. А ты как думал? Легкие деньги, выпивка, драки? – он усмехнулся. – Жизнь на Периферии – не сахар. Поживешь тут немного – сам поймешь. Народа, конечно, всякого хватает. Как и везде.

– А город почему не восстанавливаете?

– Смысла нет. Пробовали поначалу, да без толку. Варл постоянно атакуют. Соседние системы на карантине. Флот Колоний тут лет десять не появлялся. В последний раз месяца полтора назад два фрегата Альянса из гиперсферы выбросило. «Мантикора» их базу разворошила, а досталось нам.

– А откуда появились группировки? – осторожно поинтересовался Глеб.

– Раньше на Варле существовало три региона освоения, – пояснил Хограк. – Границы зон колонизации сформировались еще до войны. Это сейчас все превратилось в сплошную пустошь. Мне пятнадцать исполнилось, когда война закончилась. Жить хотелось, а как? Родителей не помню, город в руинах, планета мертва. В общем-то, обычная история. Взрослые понемногу возвращаться начали, город стали отстраивать, а года два спустя появилась эскадра боевых кораблей. Эхо войны. Столицу снова с землей сровняли, десант высадили. Досталось и нам, и «Мантикоре». В

тех боях и зародился костяк сегодняшних группировок.

– Дарг – это название региона планеты?

– Ну да. Бывшая зона освоения, откуда я родом.

Флайбот пошел на посадку, снижаясь в разломе улицы между руинами зданий.

* * *

Планета Варл. Клуб «Одинокий пилот».

Пыль, поднятая при посадке, еще клубилась, когда Хогрок открыл дверь машины.

– Пошли.

Глеб осмотрелся. Вокруг простирались кварталы руин. Жаркое полуденное солнце казалось красноватым из-за помутнения атмосферы. Над городом клубилось белесое марево, без защитной маски было трудно дышать, и он поспешил вслед за Хограком.

Спуск в подвал на три истертые, выщербленные ступени. Над ними неброская вывеска: Клуб «Одинокий пилот». Видимо, заведение не нуждалось в дополнительной рекламе.

Мир – жаркий, пыльный и мертвый – вдруг волшебно изменился: сквозь открывшийся проем дверей пахнуло прохладой, наружу вырвались сполохи света, звуки, словно в подвальном помещении полыхал бой.

Так и есть.

Глеб остановился за порогом. Вместо традиционного танцпола в центре зала находилась сборка голографических проекторов, моделирующих пространство виртуальной Арены, столики для посетителей располагались вдоль стен. Народа было мало, несколько человек угрюмо пили, другие сидели вполоборота, наблюдая за прогоном записи сегодняшних событий, изредка обмениваясь короткими фразами. Между столиками сновали юркие кибернетические механизмы, царапающий звук их шагов глох в реве ракетных запусков, отсветы лазерных разрядов и стробоскопические вспышки очередей импульсных орудий рвали сумрак помещения, освещая лица посетителей.

– Нам сюда, – Хограк указал на неприметную дверь, за которой открылся прохладный сумрак еще одного огромного помещения, разделенного на сектора полупрозрачными перегородками.

– Центр записи боев, – пояснил даргианец. – Схватки на Арене пользуются огромной популярностью, их покупают представители множества планет, в основном для трансляции по коммерческим кабельным

каналам.

Глеб, памятуя о предостережении Фостера, сохранял невозмутимый вид.

Хограк свернул в одну из секций.

– Серега, привет, – он дружески хлопнул по плечу долговязого парня, ссутулившегося в кресле перед шеренгой голографических мониторов. – Нужна запись вчерашних событий. Глеб, устраивайся.

* * *

Арена Варла…

Нестерпимо жаркий полдень плавился зноем миражей.

Обрывистые стены продолговатого кратера, образовавшегося при падении конвойного носителя Земного Альянса, почти не отбрасывали тени. Испепеляющий шар звезды застыл в зените, но мало кто обращал внимание на невыносимый зной – шрам на лике планеты, превращенный в техногенное ристалище, кипел страстями, накал которых не уступал жару полуденного солнца.

Глеб внимательно следил за объемными изображениями. Его взгляд цепко перемещался от одного голографического монитора к другому – несмонтированная запись велась с разных точек, что позволяло рассмотреть все подробности происходящего.

Обломки конвойного носителя высились причудливыми, исковерканными глыбами: при падении корабль разломился на множество фрагментов, создав неповторимый рельеф Арены. Позже, когда Флот Колоний отступил из системы Валерайн, кратер некоторое время использовался Земным Альянсом в качестве полигона для подготовки пилотов серв-машин. Видимо, в ту пору и появились грубые, массивные укрепления, отлитые из стеклобетона, проложены широкие дороги, насыпаны холмы, возведены декорации, имитирующие улицы разрушенных городов.

Дымов переключил внимание на панорамную съемку. С высоты были отчетливо видны нагромождения разбитой планетарной техники, образующей пологие, но коварные металлические возвышенности, меж ними петляли широкие тропы, проложенные тяжелыми серв-машинами.

Взгляд Глеба скользнул по склонам кратера, где на трибунах располагались зрители. От случайных попаданий их защищали эмиттеры суспензорного поля, автоматически срабатывающие по сигналу систем, контролировавших пространство Арены. Впрочем, если верить

характерным отметинам, виднеющимся на стенах исполинского амфитеатра, техника не всегда адекватно реагировала на события, и зрители нередко становились случайными жертвами кипящих внизу схваток.

– Будем смотреть всю запись? – спросил Хограк. – Или показать конкретную точку Арены?

Глеб поудобнее устроился в кресле.

– Давай просмотрим все вчерашние события, – ответил он. – Только скорость воспроизведения желательно понизить.

– Сергей, можешь пока быть свободен. Я вызову, если понадобишься.

Дымов дождался, пока они останутся вдвоем, затем, включив режим паузы, спросил:

– Пояснишь правила? Я, конечно, слышал об Арене Варла, но трансляций ни разу не смотрел.

– Серьезно? – искренне удивился Хограк. – Ну ты даешь… К нам ежедневно прибывают сотни людей с разных планет, одни – сделать ставку, другие заявить свою группу наемников, третьи – принять участие в битве. А записи смотрят миллионы.

– Извини. Последние десять лет я был занят, – мрачновато произнес Глеб. – Криогенная камера, заключение в Форте Стеллар… Там не работают развлекательные каналы. – Он холодно взглянул на опешившего даргианца. – Просто введи меня в курс дела.

– Ладно. – Хограк потянулся к пульту, отодвинул одну из нижних панелей, извлек из неприметной ниши пластиковую бутылку. – Выпьешь?

– Пока воздержусь. Мы с тобой работаем, не забыл?

– Мне не повредит. – Даргианец приложился к бутылке. – Правила достаточно просты. Есть Игроки, которые непосредственно ведут игру, – шумно выдохнув, принялся пояснять он. – Как правило, очень богатые люди, выступающие под вымышленными именами. Иногда за сутки на Арене проигрывают целые состояния.

– В чем заключается роль ведущих игру? – вернул его к теме Глеб.

– Вот, взгляни. – Хограк коснулся сенсора, и картинка в одном из мониторов сменилась. Съемка велась в помещении. За столом, над плоскостью которого была сформирована голографическая модель рельефа Арены, сидели четыре человека. Один из них тряс в руке стаканчик, затем вдруг выбросил на столешницу… игральные кости!

– Как видишь, выпало семь очков, – невозмутимо пояснил даргианец. – Карта Арены содержит массу маршрутов, проходящих вдоль троп и укрытий, пересекающихся в определенных точках. Сейчас одна из

механизированных групп наемников получила возможность переместиться по своему маршруту. Чтобы придать игре дополнительный элемент случайности, на Арену выпускают боевых сервов, свободно перемещающихся по кратеру, а также пилотов боевых машин, действующих «против всех». Кроме того, большинство контрольных точек содержат определенные бонусы. Никогда не знаешь, что произойдет при следующем броске костей.

– Смысл понятен, – сдержанно произнес Глеб. – А как определяется победитель?

– Побеждает тот, чья группа дойдет до финиша.

– Только одна?

– Тут без вариантов, – пожал плечами Хограк.

Дымов молча коснулся сенсора воспроизведения.

* * *

Дикая игра, где в качестве ставок нередко фигурировали целые планеты, а человеческие жизни разменивались десятками, действительно привлекала множество зрителей.

Глеб с трудом представлял, что за необузданная, пагубная страсть владеет умами этих людей. Глядя, как одна из камер движется к трибунам, он невольно ощутил царящую там атмосферу: беснующаяся толпа истекала флюидами крови, адреналина, денег, пота – нестерпимая жара, невыносимые схватки, мгновенные взлеты и падения, самоубийства проигравших, дикое ликование счастливчиков, сделавших верную ставку, азарт…

Осипший голос комментатора царил над событиями:

– Три! Три очка выпало на игральных костях, и сегодня фортуна явно благоволит участнику, выступающему под ником Адмирал! Его соединение получило право продвинуться на триста метров, приближаясь к первой контрольной точке, и – о, удача – там их поджидает приятная неожиданность! Взвод андроидов пехотной поддержки, которые присоединятся к наемникам Адмирала! Вот они покидают укрытия, вступая в схватку со снайперами, занявшими позицию среди обломков двигательной секции конвойного носителя! Но что это?! Обратите внимание на северный портал Арены! Некто, заявленный под ником «Alone», сделал ход и выпустил на ристалище случайного участника наших драматических событий! Итак, встречайте – боец, известный нам как Флеш, – он управляет легкой серв-машиной класса «Хоплит»! Кого же он сегодня станет преследовать? Чьей группе предстоит встретиться с ним на

узких тропах Арены?…

Кратер полыхал огнем, истекал зноем, первые схватки вскипели у западного портала, где три из четырех групп наемников оказались на дистанции прямой видимости друг от друга, а хриплый голос продолжал неистовствовать:

– Еще один участник игры сделал ход! Это наш загадочный мистер «Х» выбросил кости! Семь очков! Его группа теперь может покинуть зону огневого контакта, двигаясь к югу Арены, но фактор случайности сейчас обернулся против всех! Заткните уши, пригните головы! Владельцы Арены получили право ввести в игру звено аэрокосмических истребителей! О, я вижу, как работают электромагнитные стартовые катапульты орбитальной станции «Варл-10»! Звено «Фантомов» в космосе! Они начинают маневр входа в атмосферу!

* * *

Потрепанный в боях «Хоплит» девяностой серии, войдя на ристалище через ворота северного портала, тут же исчез с экранов радаров: пилот, управляющий серв-машиной, задействовал систему маскировки и скрылся в узком ущелье среди нагромождений искореженной техники, но Глеб и Хограк имели возможность беспрепятственно наблюдать за его действиями. Владельцы Арены заранее знали частоты заявленных фантом-генераторов, и несколько камер, оснащенных специальными датчиками, фиксировали все события.

Дымов остановил запись. Некоторое время он внимательно рассматривал укрупненное изображение серв-машины, затем спросил:

– Ты знаком с пилотом? Он всегда выступает «против всех»?

– Это важно? – Хограк зевнул. – Дождемся момента выстрела, выясним, кто его произвел, и дело с концом.

– Так мы найдем исполнителя. Тебе неинтересно, кто заказчик?

– При чем тут Флеш?

– На «Хоплите» установлены тридцатимиллиметровые импульсные орудия.

– Даже не знаю, что ответить. Ты требуешь слишком многого.

– Почему? Вроде бы простой вопрос.

– За Флешем охотится куча народа. Он – легенда. Его ненавидят и боятся. На Арене нередко появляются группы наемников, цель которых не прохождение игры, а голова Флеша.

– Чем и кому он так сильно насолил?

– Своим искусством боя. Он выходит один против всех и, как правило,

бросает вызов лидирующей группе. У меня пальцев не хватит сосчитать, скольких игроков он обанкротил, когда их победа уже вроде бы не вызывала сомнений.

– Понятно, – проронил Глеб, вновь потянувшись к пульту дистанционного управления.

– И что ты понял?

– Флеш – миф, – спокойно произнес Дымов. – Он работает на владельцев Арены. Когда намечаются крупные финансовые потери, он выходит и спасает положение. Под знаменитым именем выступают разные пилоты. Вот почему он остается неуловим.

– Как ты узнал? – поразился Хограк.

– Я воевал. – Глеб указал на укрупненный стоп-кадр. – Машина старая, ее возможности ограниченны. Использование «Одиночек» запрещено, значит, управление недостаточно быстрое, чтобы отразить все удары, особенно снайперские выстрелы. На рубке «Хоплита» следы многочисленных ремонтов. Вот эти заплаты говорят о сквозных пробоинах в броне. Характерные повреждения, можешь мне поверить. Как минимум семь пилотов погибли либо получили тяжелые ранения в результате таких попаданий.

– Ты должен пообещать, что никому не скажешь!

– Я не участвую в подобных играх, – сухо изрек Глеб, возобновляя просмотр. – Но если выстрел произведен «Хоплитом» Флеша, то расследование заглохнет, верно? Ты же не станешь задавать вопросы своим покровителям?

Хограк промолчал, затем, подумав, нехотя ответил:

– Понятия не имею, кто в последнее время управляет «Хоплитом».

Глебу показалось, что на этот раз даргианец солгал.

* * *

Флеш вывел «Хоплит» на границу свалки машин.

– Кроме съемки, ведется еще какой-либо тип записи? – спросил Глеб, внимательно наблюдая за продвижением легкой серв-машины.

– Что конкретно тебя интересует?

– Карты распределения энергий.

– Здесь нет специальной аппаратуры для чтения сигнатур, – ответил Хограк. – Разве не видишь, Сергей работает с видеозаписями.

– Мне не нужны устройства анализа данных. Я сам прочту энергоматрицы.

Даргианец недоверчиво взглянул на него, но спорить не стал.

Включив дополнительный монитор, он вывел на него показания сканирующих комплексов, фиксирующих все сигнатуры в границах Арены.

– Устроит?

– Вполне. – Теперь Глеб видел, как крохотная фигурка «Хоплита» испускает конус сканирующего излучения.

Несколько секунд старенький «Аметист» легкой серв-машины собирал данные оперативной обстановки, затем пилот принял решение, направившись к истекающему жаром распадку между двумя пологими металлическими холмами.

«Грамотно», – подумал Глеб, невольно поймав себя на мысли, что сам он действовал бы точно так же, укрывшись в пятне тепловой засветки, пока не станет ясен окончательный расклад противоборствующих сил.

Из поднебесья накатывался дикий рев.

Звено аэрокосмических истребителей вошло в атмосферу, боевые подсистемы «Хоплита» цепко ухватили три сигнатуры, но пилот отклонил запрос на поражение целей средствами ПВО. Хограк не солгал – с хозяевами Арены таинственный пилот не конфликтовал.

Трибуны содрогались в корчах.

Большинство зрителей, не выдержав, вскакивали с мест, пытаясь найти укрытие.

Атака звена «Фантомов» способна повергнуть в шок кого угодно. Истребители маневрировали на дозвуковых скоростях, что неприемлемо в условиях настоящего боя, но очень эффективно в плане зрелищности и психологического воздействия как на участников схватки, так и на зрителей.

Адский рев, зримые контуры трех исполинских боевых машин, способных смести Арену одним залпом бортовых вооружений, впечатляли. Мало кто в точности знал, что пилотам «Фантомов» в условиях ристалища разрешено использовать лишь курсовые электромагнитные орудия да ракеты небольшой мощности, от попаданий которых больше грохота, пламени и дыма, чем реального вреда.

Человек, хотя бы однажды побывавший на трибунах Арены, уходил отсюда в состоянии шока.

Те, кто прошел тропами Галактической войны, среди публики появлялись редко. Их всегда можно было выделить из беснующейся толпы, они сидели, холодно глядя на происходящее, чаще всего пристально следя за действиями отдельных пилотов, высматривая себе компаньона для какой-нибудь рискованной вылазки или потенциального наемника, за услуги которого не жаль отдать деньги.

«Фантомы», ведя огонь из курсовых орудий, пронеслись над северными трибунами.

Флеш остановил «Хоплит» на разумном удалении от ненадежного нагромождения подбитой техники – ударная воздушная волна, сопровождавшая атаку аэрокосмических истребителей, сдвинула корпуса старых машин, по склонам металлических холмов судорогой прокатились оползни, нескольких сервов, пробиравшихся по тропе, завалило.

Дымов напряженно наблюдал за действиями пилота. «Хоплит» остановился на границе пятна тепловой засветки, продолжая сбор данных. Появление звена «Фантомов» только сыграло на руку Флешу – большинство наемников не преминули огрызнуться огнем по воздушным целям, четко обозначив свои позиции.

Наблюдая за потоками излучения, Глеб понял – таинственный пилот акцентирует внимание на лидирующей группе в составе девяти серв-машин.

Самоубийственная дерзость?

Как знать…

– Наемникам разрешается отклонение от маршрута? – спросил он у Хограка.

– Есть так называемый «коридор маневрирования», – ответил даргианец. – Обычно он не превышает полукилометра в обе стороны от навигационной линии. Но в случае, когда вольный пилот бросает вызов группе наемников, последние получают право атаковать его двумя машинами. В случае победы они обязаны вернуться на маршрут.

– А другие группы?

– По обстановке. Пока не брошен вызов, никто не вправе выходить за пределы коридора маневрирования.

Глеб внимательно изучил расстановку сил.

– Смотри. – Он остановил запись, указал Хограку на южную часть Арены. – Если бы я управлял «Хоплитом», то, атаковав превосходящего противника, начал бы маневрировать, уводя отделившиеся машины к югу.

– Зачем?

– Во-первых, чтобы лишить их огневой поддержки союзников. Во-вторых, следуя вот этим маршрутом, – Глеб выделил несколько предпочтительных, с его точки зрения, троп, – «Хоплит» за счет скорости и скрытности получит минимум повреждений, а вот его преследователи попадут под плотный перекрестный огонь других групп наемников.

– Флеш – не трус!

Глеба удивило и покоробило высказывание Хогракa.

– Не понимаешь разницы между разумной тактикой и трусостью?

– У нас так не принято. Арена – это прежде всего зрелищность.

– Тупая артиллерийская дуэль на короткой дистанции? Бессмысленная мясорубка? – нахмурился Глеб. – Посмотрим. Если я прав, то Флеш окажется вот тут, – он указал на юг Арены. – Здесь он встретит противника. И именно отсюда открывается интересующий нас сектор обстрела.

– Ты по-прежнему считаешь, что стрелял Флеш?

– Необязательно. Но тот, кто покушался на Фридриха Гессау, тщательно изучил тактику Флеша по записям предыдущих боев. Наш стрелок воевал, он хладнокровен, расчетлив и явился на Варл с единственной целью – выполнить заказ.

– Ты слишком уверенно рассуждаешь. Еще ничего не произошло.

– Сейчас увидим, – ответил Дымов, вновь включая воспроизведение.

* * *

Появление Флеша не осталось незамеченным.

Репутация «вольного стрелка», не имеющего привычки задирать или добивать аутсайдеров, внесла нотки нервозности в происходящие события. Глеб видел, как пилоты лидирующей группы вдруг засуетились.

Девять серв-машин при поддержке взвода пехотных андроидов уже прошли половину запутанного маршрута. От победы их отделяло еще порядка пятидесяти километров смертельных лабиринтов техногенного ристалища, и предсказать, с какой скоростью они преодолеют оставшуюся часть дистанции, было невозможно. Все зависело не только от личного мастерства наемников, но и от везения игрока, выбрасывающего кости.

Глеб переключил внимание на лидирующую группу.

Суетливость, подмеченная Дымовым, выразилась в необоснованном (с его точки зрения) перестроении: два «Фалангера» начали огибать очередное препятствие, смещаясь к северной стороне разрешенного «коридора», в то время как их основные противники находились южнее.

Хриплый голос комментатора, возвестивший о том, что «Хоплит» Флеша вошел на Арену через северный портал, заставил пилотов лидирующей группы принять меры для отражения новой угрозы.

Опрометчивый шаг. Выбранная позиция защищала отделившихся от группы «Фалангеров» лишь с одного направления, а «Хоплит» Флеша явно не собирался им подыгрывать, он уже покинул северный сектор, использовал атаку «Фантомов» как отвлекающий маневр, и теперь заходил во фланг.

Плавный поворот рубки.

Глеб невольно затаил дыхание.

«Самое время! Пора!» – мысленно подстегнул он незнакомого пилота.

Будто услышав его, ракетная установка «Хоплита» полыхнула огнем. Залп, произведенный с дистанции прямой наводки, пришелся в борт тяжелой серв-машине, на миг силуэт «Фалангера» смазался, превратившись в нечеткое пятно, и тут же одна из камер взяла крупный план, одновременно включился режим «замедления времени», демонстрируя детали происходящего, показывая преувеличенно-медленное движение выбитой в небеса почвы, хаотичное вращение сталкивающихся, высекающих снопы искр обломков механизмов, скрученные спиралями, гудящие выбросы пламени…

Прошло несколько мгновений, и события вновь сорвались в прежнем ритме – ударная волна разметала клочья дыма, открыв взглядам потрясенных зрителей корпус «Фалангера», искалеченный попаданиями ракет.

– Флеш атаковал наемников Адмирала! – взвыли сотни устройств голосом комментатора. – Он вновь бросил вызов сильнейшему, подтверждая свою репутацию! Но поднимет ли перчатку его противник? Да! Да! Мы видим, как две тяжелые машины отделись от группы! Они используют правило, разрешающее покинуть коридор маневрирования и наказать дерзкого пилота!

* * *

«Хоплит» исчез в дыму.

Зрителям казалось, что легкая серв-машина, нанеся сокрушительный удар, отступила, но на самом деле все происходило не так. Два «Фалангера», начав преследование, вышли к фрагменту широкой взлетно-посадочной полосы, обрамленной руиными зданий, когда Флеш вновь дал знать о себе.

Глеб, взглянув на данные телеметрии, остановил воспроизведение.

– Что-то заметил? – встрепенулся Хограк.

Дымов кивнул, увеличивая изображение одного из «Фалангеров». После некоторых манипуляций с системой, он добился желаемого результата: в объеме голографического монитора появилось дополнительное оперативное окно, куда поступили данные от сканирующих комплексов Арены.

– «Фалангер» сто двадцать третьей серии, – произнес он. – Машина надежная, маневренная, единственная модель в своем классе, оснащенная

экспериментальной композитной броней. – Дымов внимательно изучал сигнатуру. – Я вижу ряд поздних модернизаций. Демонтированы бесполезные в условиях Арены тяжелые ракетные установки «Легион». Вместо них уставлены два стомегаваттных лазера, но что самое любопытное – гаусс-орудие, тридцать миллиметров, плюс дополнительная система управления огнем, в комплексе с усовершенствованным «Аметистом».

– Наш стрелок?

– Думаю, да.

* * *

Флеш изучал противника, затаившись на территории бывшего полигона. Фрагмент взлетно-посадочной полосы, руины зданий, цепь стеклобетонных укреплений, уходящая к южному краю Арены, – отличная позиция для схватки с противником, имеющим преимущество в огневой мощи.

Оба «Фалангера» двигались уверенно, их пилоты не обращали внимания на всякую мелочь типа сервов, управляемых автоматикой, но в укреплениях, обрамляющих фрагмент ВПП, затаились еще две группы наемников, и вскоре на просторе бывшего полигона разгорелась яростная схватка.

Глеб, пристально наблюдавший за событиями, внезапно заметил, как один из «Фалангеров» без видимой причины начал прихрамывать, будто ему повредили активаторы левого ступохода.

– Не понял? – удивленно произнес он, останавливая запись. Отмотав чуть назад, Дымов изучил показания сканеров Арены и вновь недоуменно хмыкнул.

– В чем дело?

– У «Фалангера» отказала кинематика ступохода! Внезапно и без причины.

– Может, сломалось что-то? – предположил Хограк.

– Невозможно. Одна деталь, схема, еще куда ни шло. Но у него отказали все активаторы! Словно он получил попадание плазмы! Сам взгляни, на сканерах лишь слабое направленное излучение. Исходит из руин. По сигнатуре – там БМК на позиции.

– А, ну так бы и сказал, – с усмешкой произнес даргианец. – Сам подумай, что будет, если в кратере начнут применять настоящие плазмогенераторы? От зрителей только пепел останется. Вот и придумали замену. Широкоапертурный излучатель имитирует удар, воздействуя на

датчики, заранее установленные на всех заявленных машинах. Те выключают подсистемы, которые были бы повреждены при настоящем попадании плазмы.

– Теперь понятно. – Глеб, используя передатчик импланта, на всякий случай скопировал характеристики излучения. Подобного рода информация никогда не бывает лишней.

Тем временем события разворачивались стремительно.

«Фалангер» с поврежденным ступоходом огрызнулся из орудий. Две очереди ЭМГОв[20] превратили в дымящийся щебень здание, откуда вела огонь боевая машина космодесанта, его напарник задействовал системы маскировки. Энергоматрица тяжелой серв-машины несколько раз мигнула, искажаясь помехами, и… исчезла!

Одно из древних укреплений внезапно ожило – оттуда частыми вспышками ударил тяжелый лазер, установленный на серв-машине класса «Беркут»[21].

На другой стороне взлетно-посадочной полосы пришла в движение гора обломков – два «Фалангера» из группы «Alone» продирались сквозь завал техники, действуя грубо и необдуманно. Они увидели поврежденную машину наемников Адмирала, едва волочившую ступоход, и сочли ее легкой добычей.

– Ну, Флеш, твой выход… – Глеб, погрузившись в ритмику разгорающегося боя, не заметил, как прошептал эту фразу.

«Хоплит» как будто вновь услышал его!

Машина Флеша, совершив глубокий обходной маневр, вышла в этот миг к месту схватки.

Нужно хорошо понимать предел возможностей старенького «Хоплита», чтобы по достоинству оценить смертельную грацию стремительной атаки, продемонстрированной Флешем.

«Фалангеры», проломившие себе дорогу сквозь завалы подбитой техники, не успели ничего предпринять – «Хоплит», сбросив вуаль фантом-генераторов, материализовался в сотне метров от них за секунду до того, как первая ракета вырвалась из пускового ствола. Флеш бил наверняка, в его действиях ощущался не только губительный азарт боя, но и трезвый расчет опытного пилота, знающего цену каждому снаряду. Глеб вздрогнул. Легкий холодок скользнул в груди.

Вспышка, едва заметный поворот рубки, вспышка, снова поворот, еще один распределенный, одиночный запуск…

Он невольно подался к экранам. В последний раз Глеб проделывал

подобное на Роуге во время самоубийственного штурма вражеских укреплений, когда приходилось экономить каждый снаряд, каждую ракету…

Арена замерла.

Рубка «Хоплита» дошла до ограничителя торсового поворота, последняя ракета вырвалась из пускового ствола, и тут же заработали механизмы перезарядки, вгоняя в дымящиеся тубусы новый боекомплект.

Доли секунд.

Один удар сердца.

Две тяжелые серв-машины дымили в завалах техники. Ракеты ударили в самые уязвимые места, временно парализовав кинематику, оглушив пилотов, сорвав часть бронепластин, а «Хоплит» Флеша, продолжая начатое движение, уже наискось пересекал пространство взлетной полосы, его подвесные орудия били, не умолкая, гаусс-снаряды, впиваясь в рубку приволакивающего поврежденный ступоход «Фалангера», вызвали критическую перегрузку привода, опрокинув шестидесятитонную машину!

Трибуны взревели, но дикий рев толпы вдруг перекрыло оглушительное стаккато двух пятитактовых очередей – это скрывшийся за защитой маскирующего поля «Фалангер» разрядил орудия, считая, что ударил наверняка.

Глеб невольно вытер капельки пота, выступившие на лбу.

Секунду назад «Хоплит» Флеша находился на линии огня, более того, он несся, развив максимальную скорость, прямо на укрепление, из глубин которого били лазерные установки «Беркута». Два разряда прошли впритирку с рубкой, и в следующий миг Арена увидела, как «Хоплит», врубив прыжковые ускорители, взмыл вверх, грациозно разворачиваясь в смертельном прыжке.

Очереди «Фалангера», предназначенные Флешу, ударили в стеклобетонное укрепление, силуэт «Беркута» внезапно потонул в клубах белесой пыли, а «Хоплит», снижаясь, успел развернуться и разрядил все виды бортовых вооружений по атакующей его тяжелой серв-машине противника.

«Фалангер» рывком остановился, будто налетел на стену разрывов, по сторонам брызнули осколки брони, но пилот стабилизировал машину, тут же возобновив движение, и послал вслед Флешу два лазерных разряда.

– Потрясающе!!! – Хриплый голос бесновался над притихшими в напряжении трибунами. – У Флеша появился достойный противник!!! Делайте свои ставки, господа!!!

Ступоходы «Хоплита», высекая снопы искр, с лязгом царапнули о стеклобетон, машину качнуло, но опытный пилот удержал равновесие, пламя прыжковых ускорителей угасло, лишь дрожал раскаленный воздух да фрагменты укрепления, вспоротого снарядами «Фалангера», с грохотом рушились на землю, оставляя вмятины в разбросанных вокруг выгоревших остовах планетарных машин.

Флеш отступал, система «Щит» яростно огрызалась, сбивая ракеты, нацеленные в его «Хоплит».

Два противника, не останавливаясь ни на секунду, перемещались к южному краю Арены.

– Внимание! – произнес Глеб. – Хограк, следи за гаусс-орудием «Фалангера»!

Даргианец молча кивнул, впившись взглядом в объемное изображение.

Дымов замедлил скорость воспроизведения.

Тяжелая серв-машина, преследуя «Хоплит», пересекла руины и вышла на площадку меж пологих металлических возвышенностей, примыкавших к южной стене кратера.

Флеш успел сменить боекомплект. Указывая его путь, на земле валялись тускло поблескивающие обойменные лотки, сброшенные системой перезарядки орудий.

«Фалангер» не ринулся по следу. Он сбавил темп, как будто пилот находился в нерешительности либо чего-то ждал. Уловка со сбросом пустых обойм не сработала, направление, в котором указывали следы, являлось ложным, системы слежения Арены показывали, как модернизированный «Аметист» скользит сканирующим излучением по стенам кратера. Рубка тяжелой серв-машины начала поворачиваться, пилот «Фалангера» наконец зафиксировал исчезнувший с радаров «Хоплит», который, совершив обходной маневр, стремительно приближался, следуя по одной из троп, проложенных между металлическими холмами.

Финал схватки не заставил себя ждать.

Флеш прекрасно понимал, что уступает противнику в огневой мощи. Существовал лишь один способ уравнять шансы, а затем вырвать победу – он должен сейчас продемонстрировать скорость, маневренность и точность стрельбы.

Точно. Глеб не ошибся, высоко оценив боевые навыки Флеша.

Электромагнитные гаусс-орудия «Хоплита», переведенные в режим снайперского огня, заработали с предельной дистанции, вспышки

выстрелов следовали одна за другой. «Фалангер» среагировал, уклоняясь, но слишком медленно – один из снарядов угодил в бронированный кожух, повредив защиту левого оружейного пилона, два последующих ударили в ослабленный узел, броня не выдержала, подвесное орудие конвульсивно дернулось, затем раздался зубовный скрежет ломаемого металла – точечные попадания пробили механизмы крепления.

Флеш стремительно сокращал дистанцию, не прекращая убийственного снайперского огня. Глеб видел: он выкладывается по полной программе – поддерживать равновесие серв-машины без модуля «Одиночка» дано немногим, а ведение прицельного огня в движении, когда рассудок пилота напрямую управляет десятками одновременных процессов, без права на ошибку или промедление, требует невероятного напряжения, сжигает нервы, истощает организм…

«Фалангер» дорого заплатил за секундное промедление, но сдаваться не собирался.

Резкий торсовый разворот.

Правое орудие огрызнулось очередью, край пологого холма вспороло разрывами, «Хоплит» Флеша покачнуло ударной волной, осыпало осколками, и тут же два лазерных луча впились в легкую серв-машину, полоснув наискось, – враг целил по ступоходам, но реакция Флеша превзошла ожидания – он успел среагировать, резко изменив клиренс, подставив под удар лобовую броню рубки.

– Есть! – выкрикнул Хограк. – Он выстрелил!

– Вижу. – Глеб уже включил режим паузы. Сомнений быть не могло. Дополнительное гаусс-орудие «Фалангера», закрепленное на независимой подвеске, произвело одиночный выстрел, направленный в сторону полуразрушенного высотного здания, верхние этажи которого виднелись над иззубренными стенами Арены.

– Вот тварь! – выругался Хограк. – Кто бы мог подумать! Все внимание приковано к схватке, никто бы и не заметил случайного выстрела!

– Посмотри. – Глеб указал на всплеск энергетической активности, едва различимый на общем фоне. – Направленная передача данных. Пилот «Фалангера» получал точное целеуказание. Вот почему он промедлил, пропустил начало атаки Флеша. Если ты пошлешь людей осмотреть вот эти корпуса разбитых машин, – он указал на источник передачи, – то там наверняка обнаружится устройство, связанное с кабельным каналом.

– Откуда там взяться кабельному соединению?

– Оно наверняка старое, сохранившееся с тех времен, когда тут

существовала база Альянса. Думаю, через стены кратера проходит немало давно уже неиспользуемых коммуникаций, – пояснил Глеб.

– Ладно, мы проверим. Жаль, Флеш не прибил «Фалангера» минутой раньше!

Дымов сформировал файл сканирования, записал его, протянул носитель информации Хограку.

– Здесь все необходимые данные, чтобы доказать применение системы неявного прицеливания.

– Спасибо. – Даргианец с уважением взглянул на Глеба. – Ты классно справился.

– У меня есть просьба, – произнес Глеб.

– Говори!

– Хочу досмотреть запись боя и задержаться на Варле. На пару дней.

– Не проблема. Вот, – Хограк протянул Глебу микрочип. – Это для кибстека. Можешь чувствовать себя спокойно, никто даже косо не посмотрит в твою сторону. Там, среди прочей информации, есть номер моего коммуникатора. Звони в любое время. У дверей клуба тебя будет ждать машина. Пользуйся.

– А ты? Уже уходишь?

Даргианец кивнул.

– На доклад. Я узнал все, что нужно.

* * *

Финал боя Глеб досматривал в одиночестве.

«Фалангер», разрядив лазеры, серьезно задел «Хоплит» – легкая серв-машина на мгновение остановилась, окутавшись клубами дыма и зеленоватого пара, видимо, внешний слой бронеплит прожгло насквозь, Флеша спасло лишь резкое движение рубки в момент попадания. Энергия лазерных разрядов не сконцентрировалась в одной точке, а распределилась, прорезав броню двумя параллельными, глубокими, источающими вишневое сияние шрамами.

Судя по выбросу пара, у «Хоплита» была повреждена система охлаждения реактора.

Даже комментатор заткнулся.

Над Ареной внезапно повисла глубокая тишина.

«Фалангер» развернулся, его пилот не сомневался в одержанной победе, он стремился покинуть место схватки, опасаясь взрыва реактора поврежденной машины, и в этот миг сервомоторы «Хоплита» вновь заработали!

Выдержка Флеша поразила Глеба. При повреждении реактора остается лишь один выход – аварийно-спасательная катапульта, но пилот и не подумал воспользоваться ею. Он ждал, пока «Фалангер» развернется, зная, что орудиям не пробить толстый скат лобовой брони противника.

Окутанный ядовито-зелеными выбросами «Хоплит» резко выпрямился, начиная движение, «ЭМГО» звонко отработали по цели, следом с оглушительном ревом последовал ракетный залп. «Фалангер» покачнулся, его правое орудие, медленно вращаясь, отлетело в сторону, система «Щит» успела перехватить только три ракеты из восьми, взрывная волна судорогой прокатилась по кратеру, а легкая серв-машина продолжала бесноватый натиск, вбивая очередь за очередью в образовавшиеся прорехи брони на корпусе противника!

– Флеш! – взревел комментатор. – Он снова подтверждает титул чемпиона Арены!

Поверженный противник падал.

Короткие прицельные очереди электромагнитных орудий «Хоплита» продолжали крошить ослабевшее бронепокрытие, когда заработали аварийные подсистемы, и рубка «Фалангера» вдруг начала раскрываться, словно бутон металлического цветка.

Еще секунда – и удар спасательной катапульты выбросил в небеса Варла пилот-ложемент.

Глеб пристально проследил за его траекторией, пока не заметил в нескольких километрах от Арены точку приземления, отмеченную всклубившимся облаком пыли.

«Рановато Хограк поспешил на доклад, – подумал Дымов. – Ну да ладно. Сам проверю».

Тем временем «Хоплит», оставляя за собой ядовитый шлейф, достиг расположенного неподалеку южного портала, перед ним под овации трибун открылись массивные ворота.

Глеб, утратив интерес к дальнейшему развитию «игры», переключил внимание на монитор, показывающий южный портал и прилегающую к нему территорию пустоши, прорезанную нитями дорог и оставшимися еще со времен войны укреплениями, защищающими полуразрушенные кварталы столицы Варла.

«Хоплит», пройдя через ворота, скрылся в техническом боксе, а через некоторое время от построек южного портала отъехал армейский флайкар, направляясь в сторону города.

Дымов, выделив его сигнатуру, записал данные в память кибстека. Он не сомневался, что на этой машине ристалище покинул неуловимый Флеш.

* * *

Близился вечер, когда Глеб остановил машину у руин агротехнической фермы.

Где-то здесь приземлился катапультированный ложемент пилота «Фалангера». Дымов отправился в пустошь не из праздного любопытства, он привык доводить дело до логического завершения. Звонить Хограку он не стал, решив лично проверить место падения. Экстренное катапультирование не всегда проходит гладко, к тому же «Фалангер» сто двадцать третьей серии не оборудовался герметичной спасательной капсулой. Подразумевалось, что пилот облачен в бронескафандр, но Глеб уже понял: боевые и технические регламенты Альянса вряд ли соблюдаются в условиях Арены.

Ложемент он заметил сразу.

Характерная конструкция, заключенная в каркас из амортизационных дуг, снесла часть ветхой крыши подсобного строения и вонзилась в сухой, растрескавшийся грунт посреди двора.

Посадка явно не мягкая.

Подойдя ближе, Глеб увидел деформированные части ложемента, разбросанные в радиусе десяти метров от места падения. Следов работы автономных двигателей он не обнаружил. Возможно, устройство не было заправлено топливом.

Кресло пилота выдержало удар, но человеку явно не поздоровилось.

Куда же он делся?

Подле ложемента и на фрагментах каркаса Глеб не обнаружил следов крови. Неужели пилот настолько удачлив, что отделался легкими ушибами? Или он не пренебрегал правилами и надел бронескафандр перед выходом на Арену?

Сейчас посмотрим…

Глеб внимательно исследовал деформированную конструкцию. На дугах множество повреждений, но нет характерных следов, какие неизбежно оставил бы человек в бронескафандре, выбираясь из кресла, используя усилители мускулатуры, чтобы разжать или отогнуть мешающие встать элементы амортизационного каркаса.

А это что?

Он присмотрелся. Частицы кожи?

Нет. Пеноплоть!

«Фалангером» управлял андроид!

Он хотел собрать обнаруженные частицы, нагнулся, а через мгновение

сокрушительной силы удар, нанесенный сзади по затылку, погасил сознание Дымова.

* * *

Блеклый рассвет. Далекий гул. Вибрации почвы.

Холодно… Незнакомый пейзаж плыл, двоился перед глазами.

«Где я? Что произошло?»

Опираясь на руки, Глеб приподнялся, огляделся по сторонам, затем тяжело сел, привалившись к бесформенному обломку мятого, ржавого металла.

На зубах скрипела пыль. Одежда испачкана и порвана. Утренний холод пробирал до костей, мышцы онемели…

Последние осознанные воспоминания медленно прорвались сквозь пелену пульсирующей боли. Он вспомнил деформированный пилот-ложемент, врезавшийся в растрескавшуюся почву посреди двора разрушенной агротехнической фермы, фрагменты пеноплоти человекоподобной машины, обнаруженные им на смятых амортизационных дугах, и… внезапный, ошеломляющий удар, погасивший сознание!

Коснувшись затылка, Глеб ощутил запекшуюся корку крови.

Тело сотрясал крупный озноб. Мысли путались, голова кружилась, к горлу подкатывала тошнота.

Только не терять сознание!.. Он заставил себя дышать глубоко и ровно.

«Кто меня вырубил?

Неужели андроид, чью ободранную пеноплоть я нашел на ложементе? Ну да, если он получил серьезные повреждения при катапультировании. – Глеб собирал воедино разорванные болью мысли, еще не понимая, в какую скверную передрягу попал. – Наверное, андроид спрятался в руинах агротехнической фермы, рассчитывая устранить неполадки и скрыться, а я его спугнул… – по инерции думал он. – Сейчас… Позвоню Хограку…» – Глеб коснулся запястья.

Кибстека не было!

Флайкар… Там есть устройство связи…

Все двоилось перед глазами. Вокруг какие-то ржавые обломки. Ничего похожего на развалины агрофермы.

Превозмогая боль, Дымов встал, цепляясь рукой за фрагмент незнакомого механизма.

Сумерки… Смутные очертания кольцевых гор… глыба врезавшегося в землю космического корабля…

Арена Варла!

В голове моментально прояснилось.

Привычным мысленным усилием он активировал сканеры импланта, но окружающий мир остался таким же тусклым, серым, сумеречным. Что происходит?… Он коснулся пальцами виска. Мягкая заглушка отсутствовала, гнездо импланта пустовало. Кибернетические расширители сознания исчезли, как и кибстек…

Солнце еще не показалось над близкой линией горизонта, на дне кратера царила тьма, обломки механизмов покрывал налет инея, стояла звонкая тишина, нарушаемая лишь отдаленным невнятным гулом.

«Кодон? – Глеб машинально коснулся тонкой цепочки. – На месте… Повезло? Не заметили? Или оставили намеренно, чтобы с уверенностью опознать изуродованное тело? Как-то нелогично со мной поступили. Хотели бы убрать – какие проблемы? Зачем понадобились сложности с транспортировкой бессознательного тела на ристалище?

Испугались, что мое исчезновение повлечет нежелательные последствия? Ну да, зачем осложнять отношения с „Мантикорой“? Арена все спишет. Или нет?

Слишком сложный способ устранения. – Мысль засела, как заноза. – Кодон оставили специально, с умыслом. Но ответить на вопрос, каким образом я оказался на ристалище, будет нелегко. Кто-то затеял сложную игру, пытаясь одним ударом достичь нескольких целей – устранить неожиданного свидетеля и осложнить ситуацию в системе, спровоцировать очередной конфликт между „Мантикорой“ и группировками Варла?

Не о том думаю… – мысленно оборвал себя Глеб. – Надо искать способ вырваться отсюда…»

У горизонта внезапно зародился нарастающий рев.

«Гепарды»! – безошибочно определил Глеб, оглядываясь в поисках укрытия. Звук, накатывающийся на Арену, был отлично знаком ему. Басовитый, равномерный, он отпечатался глубоко в подсознании, въелся в рассудок воспоминаниями о сотнях боев.

Его по-прежнему знобило, но ощущение нестерпимого холода отступило, как только в мягких утренних сумерках над головой пронеслись три штурмовика. Они шли на дозвуковой скорости, озаряя стены огромного кратера сиянием, рвущимся из дюз двигателей планетарной тяги.

Еще секунда – и вспышки ракетных запусков осветили окрестности, белесые стрелы прочертили стылый утренний воздух, ударив в цель, находящуюся вне поля зрения Глеба.

Он машинально присел, укрывшись за обгоревшим остовом БМК.

Грохот взрывов многократным эхом отразился от стен Арены. Возвышающийся неподалеку обломок конвойного носителя внезапно загудел, как колокол, приняв удары осколков.

Три штурмовика пронеслись над Глебом и начали набирать высоту, уходя в стратосферу. Их атака знаменовала начало нового дня смертельных состязаний.

Глеб привстал. Его взгляд машинально отыскал несколько знакомых по записи ориентиров. «Плохо дело… Я в самом центре Арены. До ближайших ворот километров десять. Без экипировки и оружия живым не выбраться».

Внезапно по натянутым нервам царапнул близкий, отчетливый, скрежещущий звук. Пригнувшись, Глеб пробрался вдоль борта БМК, осторожно выглянул и тут же отпрянул: в нескольких метрах от него из-под груды заиндевелых обломков, расправляя механические конечности, выползал штурмовой серв!

Он прижался к броне, восстанавливая дыхание. Тот, кто бросил его тут, знал свое дело. Личный кодон офицера Альянса не поможет. Глеб замер, хотя прекрасно знал – датчики боевых кибермеханизмов улавливают ритм биения сердца на расстоянии в километр…

Над изломанной линией горизонта появился ослепительный краешек восходящего светила.

Серв, выбравшись из своего убежища, просеменил пару метров, остановился, что-то ковырнул манипулятором в мерзлой земле, затем обратил внимание на человека, встрепенулся, но атаковать не стал – его внимание привлекла более серьезная добыча. Дымов наблюдал за ним, чувствуя, как по спине, несмотря на жуткий холод, катятся капельки пота.

Жизнь ему спас кронг[22]. Нехитрое полевое устройство подзарядки медленно карабкалось навстречу солнцу, поднимаясь по пологому склону металлического холма, волоча за собой короткий отрезок кабеля, оканчивающийся характерным разъемом. Штурмовой серв, заметив кронга, начал карабкаться следом, но не успел схватить добычу – сбоку по нему полоснул лазерный разряд, выпущенный из излучателя «LDL-55»…

Вокруг постепенно закипала механическая жизнь. Брызнувшие из-за скал лучи осветили дно кратера, крупные обломки космических кораблей и нагромождения различной техники моментально отбросили глубокие черные тени, воздух приобрел бледно-оранжевый оттенок, кое-где вверх потянулось невесомое кружево испарений.

Оказывается, не только люди соперничали между собой в запутанных

лабиринтах техногенного ристалища. Восход солнца пробудил множество сервов различной конструкции и модификаций. Реликты отгремевшей войны выходили из состояния энергосберегающего режима, ведь для машин восход ослепительного шара звезды прежде всего знаменовал появление нового источника энергии, и они зашевелились, выползая из убежищ, вступая в короткие и яростные схватки.

Глеб чувствовал себя прескверно. Отсутствие сканеров и оружия давило на психику. В последний раз он ощущал подобное гнетущее состояние перед последним боем на Роуге.

Нашел, что вспомнить… Улучив момент, он проскользнул внутрь боевой машины космодесанта через сорванный кормовой люк.

Здесь ощущался запах гари и нагретого металла. Климат Варла отличался контрастностью, резкие перепады между дневной и ночной температурами являлись следствием глобальной экологической катастрофы, постигшей планету, и через некоторое время Дымов понял: выбранное укрытие вскоре превратится в ловушку. Броня БМК стремительно нагревалась, идеально маскируя человека, но без средств индивидуальной защиты тут не продержаться и часа.

Быстро осмотрев отсеки, предназначенные для хранения неприкосновенного запаса, он не нашел ничего, кроме следов пожара и взрывов. Ни оружия, ни элементов экипировки, ни боеприпасов.

Ему пришлось вернуться к люку и вновь осторожно выглянуть наружу.

Светило Варла поднялось выше, тени укорачивались, неровное дно кратера преображалось – налет образовавшегося за ночь инея стремительно таял, образуя туманные полосы.

Возвышающийся неподалеку крупный обломок конвойного носителя зиял множеством пробоин. Внутри гнездилась тьма, но Глеб все же решил рискнуть. Иного выхода не оставалось. Сейчас, пока дно кратера скрыл туман, у него появился шанс преодолеть открытое пространство, не привлекая внимания одичавших механических обитателей Арены.

* * *

Гулко и неровно билось сердце.

В ушах стоял звон. Очередь из импульсного пулемета, выпущенная вслед, едва не настигла Глеба, осыпав броню конвойного носителя в районе пробоины.

Он кубарем вкатился в изуродованный отсек, ударился плечом о край выступающего из наносов песка механизма, проскользнул за него и только

теперь смог отдышаться.

Да, в рубке серв-машины многие «мелочи» не ощущаются.

Глеб осмотрелся. Ничего стоящего он не заметил. Отсек подвергся декомпрессии, затем влиянию высоких температур при прохождении корабля через атмосферу Варла. Выступ, о который он ударился, состоял из материала переборки, которая не выдержала температуры, размягчилась, лопнула, а затем застыла замысловатой, украшенной потеками глыбой – скорее всего, это произошло уже после удара корабля о поверхность планеты.

«По крайней мере, не придется искать путь проникновения внутрь», – подумал Глеб, разглядывая четыре технических тоннеля, расположенных один над другим. Узкие и неудобные, они предназначались для размещения кабелей, трубопроводов и передвижения ремонтных сервов.

По очереди заглянув в каждый из них, он остановил свой выбор на самом верхнем, заметив, что в него через разломы обшивки пробивается сумеречный свет. Хоть не придется двигаться в кромешном мраке. Глеб подтянулся, вполз в тесный технический коридор, зная, что тот рано или поздно выведет его к пересечению межпалубных коммуникаций.

Конвойные носители проектировались как автоматические корабли, предназначенные для запуска, перезарядки и технического обслуживания аэрокосмических истребителей. Отсеки внешнего слоя представляли собой сплошное царство автоматики, поэтому Дымов не пытался отклониться от маршрута, зная, что все прилегающие помещения забиты обломками механизмов, компьютерных блоков, и в них вряд ли найдется место, чтобы спокойно дождаться вечера.

Через некоторое время он оказался на развилке технических коммуникаций. Глебу повезло, он нашел еще одну проломленную переборку, за которой ему открылась наклонная шахта боевого эскалатора – через нее в специальных контейнерах подавался боекомплект для перезарядки истребителей.

Широкий, имеющий овальное сечение тоннель вывел его к сегменту стартовых катапульт.

Здесь уже было просторно, но царил жуткий холод. Мрак огромного помещения лишь слегка рассеивался тусклым светом, проникающим из нескольких пробоин в обшивке.

Плоскость палубы в результате крушения накренилась под небольшим углом, стартовый сегмент получил серьезные повреждения, затвор ствола электромагнитной катапульты сорвало с креплений, массивный механизм врезался в межпалубное перекрытие и застрял в нем.

Несмотря на холод, Глеб решил воспользоваться обнаруженным укрытием. Лишившаяся затвора стартовая шахта обеспечивала ему беспрепятственный выход наружу, чего не скажешь о пробоинах, расположенных на недосягаемой высоте.

Он осмотрелся.

Взгляд зацепил сумеречные очертания обтекаемой конструкции, сильно деформированной, пробившей переборку между стартовым отсеком и ангаром.

«Фантом»! – догадался Глеб.

Изувеченная носовая часть аэрокосмического истребителя зияла двумя пробоинами. Вот это находка!.. Подобравшись ближе, он понял, что в результате деформации часть бронеплит выворотило наружу, люк, ведущий в кабину, вообще выдавило из перекосившейся рамы, открывая доступ внутрь рубки управления.

Холод донимал все сильнее.

Внезапно где-то неподалеку раздались характерные царапающие звуки.

Серв…

Двигаясь практически на ощупь, Глеб добрался до носовой части истребителя, затем, подтягиваясь на руках, вскарабкался на высоту четырех метров, боком протиснулся в деформированный проем выбитого люка и оказался в рубке управления «Фантома».

Снаружи происходило что-то непонятное. Обломок конвойного носителя вдруг начали сотрясать вибрации, фрагмент корабля загудел, во мраке стартового сегмента с лязгом рухнуло несколько ферм, затем тьму разорвали частые вспышки выстрелов, на миг высветив три человеческие фигуры в боевой экипировке – они вели огонь в глубь технического коридора, откуда только что выбрались.

Глеб затаился.

Гул, издаваемый потревоженными металлоконструкциями, постепенно затих.

– Клейн! – раздался из мрака хрипловатый голос. – Что там?!

– Серва я подстрелил! Надо убираться отсюда! И так отклонились от маршрута!..

– Снаружи нас ждут!

– А что предлагаешь? Станем отсиживаться по укрытиям, Ашгар вообще ничего не заплатит! Штурмовики отстрелялись, серв-машины еще далеко! Выбираемся через ствол пусковой шахты! Еще есть время вернуться на маршрут!

– Ну да, зрителям кровь подавай!.. – пробурчал третий из бойцов группы. – Давай, Слава, шевелись, Рамир прав, надо возвращаться, пока против нас только сервы да наемники-одиночки. Будем мешкать, нарвемся на серв-машины, слышал ведь – они уже вошли на Арену! Тогда уж точно – зрители будут довольны!..

Голоса начали стихать, постепенно отдаляясь.

* * *

Дождавшись, когда наемники покинут стартовый сегмент, Глеб приступил к осмотру кабины истребителя. В момент крушения конвойного носителя в рубке «Фантома» не было пилота, готовая к старту машина находилась в полном автоматическом режиме.

Сложная конструкция катапультируемого пилот-ложемента не пострадала, в ее основании должен располагаться небольшой отсек с набором выживания.

«Ага, есть…» – Дымов снял с фиксаторов бронекожух, открывая небольшую нишу. На боевой скафандр он, конечно, не рассчитывал, так что содержимое двух пластиковых кофров его не разочаровало. В первом был упакован легкий защитный костюм с системами автономного дыхания и терморегуляции – просто подарок судьбы. Экипировавшись, он вскрыл второй пластиковый контейнер. «Что тут у нас? Пищевые капсулы, таблетки с химическим реагентом для преобразователя[23], нож, резервные элементы питания, оружие… Повезло, что кабину „Фантома“ никто не обыскал до меня».

Вскрывая оружейный отсек, Глеб рассчитывал найти в нем укороченный вариант импульсной винтовки, но, к его удивлению, в пластиковом кожухе оказался упакован достаточно редкий образец штурмового автоматно-гранатометного комплекса производства «Римп-кибертроник». Надо же… Видимо, кому-то из пилотов «Фантома» приходилось катапультироваться, он имел опыт нелегкого выживания на планетах, если решил заменить штатное оружие усовершенствованным вариантом «АРГ-8».

Четыре магазина по пятьдесят патронов, десяток гранат – боезапас достаточный, чтобы выбраться из неприятностей, связанных с экстренным катапультированием на вражеской территории. Оружие содержало минимум электроники, оснащалось оптическим прицелом – простая, надежная колониальная модель.

«Неплохой выбор, – подумал Глеб. – Штурмовые винтовки конструкции Ганса Гервета практически неприменимы в условиях

невесомости и вакуума, но на планетах они работали безотказно».

Экипировавшись и вооружившись, Дымов почувствовал себя значительно увереннее.

В принципе теперь ничто не мешало ему дождаться сумерек и покинуть Арену, не вступая в бессмысленные схватки с наемниками и сервами.

Проглотив пищевую таблетку, он перебрался в кресло пилот-ложемента. Коснувшись затылком мягкого подголовника, Глеб прикрыл глаза, приготовившись ждать вечера.

Направляясь в систему Валерайн, он понимал, что сильно рискует. Именно отсюда на связь выходила Ника – искусственный интеллект его серв-машины. Глеб искал встречи, хотел *поговорить* с взбунтовавшимся «ИИ», но все оказалось намного сложнее. Ни на станции «Мантикора», ни на Варле он не обнаружил явных признаков цивилизации машин, следов Ники также не удалось отыскать, зато предостережения майора Фостера оправдались в полной мере.

Мысли незаметно вернулись к незавершенному расследованию. Запись со сканеров Арены не оставляла сомнений – «Фалангером» управлял андроид. Частицы пеноплоти, обнаруженные на деталях катапультированного пилот-ложемента, лишь подтверждали показания следящих систем. Вопрос, что руководило машиной? Был ли дройд безропотным исполнителем, запрограммированным на убийство, или же он действовал по собственной воле? Знать бы, какой тип искусственного интеллекта управлял его действиями? Кто он? Пехотный сервомеханизм Альянса, с интегрированным модулем «Одиночка» или колониальный «Хьюго»? Глеб постарался восстановить в памяти последние минуты перед потерей сознания. «Работы сервомоторов или звука приближающихся шагов я не слышал. – Дымов вновь коснулся затылка, ощупал рану. – Череп не проломлен. Получается, дройд, скрывавшийся в руинах агрофермы, не стрелял, а запустил мне в голову чем-то тяжелым? Но почему он не убил меня, а, рискуя быть пойманным, решился доставить на Арену, бросил посреди техногенного ристалища? Не слишком ли сложный для машины способ устранения нежелательного свидетеля?…»

Его мысли нарушил грохот и судорожная вибрация, прокатившаяся по отсекам конвойного носителя.

Снаружи полыхал бой, но Глеб не видел смысла принимать участие в очередном акте кровавого шоу, развернувшегося на потеху толпе.

Грохот постепенно стих, но теперь деформированные палубы космического корабля наполнились иными звуками: он услышал очереди

импульсного оружия, крики, топот, царапающий скрежет металла, визгливый рикошет.

Кто-то из наемников, преследуемый сервами, пытался найти укрытие в лабиринте отсеков.

Перебравшись к выдавленному люку, Глеб снял оружие с предохранителя.

Слабенькие сканеры защитной экипировки пилота давали минимум информации об окружающем. Плотный мрак стартового сегмента теперь превратился в мягкий сумрак, контуры предметов и очертания конструкций выделились на общем фоне светлыми оттенками серого.

Звук шагов приближался, но он исходил не со стороны технических коридоров. Оказывается, в стартовый сегмент вливались еще два тоннеля, достаточно просторные, чтобы по ним мог перемещаться человек. Зев одного из них внезапно озарили частые вспышки выстрелов, затем раздался вскрик, на мгновение наступила тишина, которую тут же сломал вкрадчивый скрежет – так манипуляторы сервов царапают о металл.

Вскинув оружие, Дымов напряженно ждал.

Механизмы штурмовой модификации появились сразу с нескольких сторон. Они обладали более совершенными сканерами, вели активный поиск целей, исходящую от них угрозу глупо было недооценивать, и Глеб, не раздумывая, открыл огонь.

Короткие оглушительные очереди «АРГ-8» мгновенно выдали его позицию, один из сервов получил несколько попаданий бронебойных пуль и, роняя искры, полетел вниз, два других тут же огрызнулись в ответ, наемник, которого Глеб счел мертвым, внезапно приподнялся и рванул к стволу шахты электромагнитной катапульты.

«Нормально… – подумал Дымов, вжавшись в узкий простенок у выдавленного люка. – Наемника я спас…»

Очереди, выпущенные из импульсных пулеметов, гулко били в броню «Фантома», не позволяя выглянуть.

«Позиция у меня надежная, но патовая, – промелькнула злая мысль. – Другого выхода из рубки нет, а сервы не угомонятся, пока не уничтожат цель».

Выстрелы внезапно стихли.

Снова раздались вкрадчивые, скребущие по нервам звуки. На слух невозможно определить, сколько кибернетических механизмов приближается к пробоине. Стреляли двое, но не факт, что из глубин штурмового носителя к ним не подтянулось подкрепление.

Глеб достаточно хорошо знал тактику сервов. Они не станут без толку

расходовать боекомплект, элементарные вычисления уже произведены, и теперь следует ждать выстрела из гранатомета. В замкнутом пространстве рубки от взрыва укрыться негде.

Вопрос нескольких секунд.

«Проем люка расположен на высоте четырех метров от пола. Внизу – нагромождение металлоконструкций. Крен палубы стартового сегмента как раз в мою сторону, так что весь металлический хлам скопился у пробитой „Фантомом“ переборки…

Вот почему сервы не стреляют! Они внизу, пробираются через завалы!»

Подтверждением послужил внезапный лязг. Глеб, переключив вариатор огня на подствольный гранатомет, резко выглянул, нажал на спуск и тут же отпрянул.

Взрыв полыхнул ревущим столбом огня, корпус истребителя слегка покачнулся, осколки ударили по стенам стартового сегмента, от свода с протяжным скрипом отделилась решетчатая балка и рухнула вниз…

Дымов не терял ни секунды. Вновь появившись в проеме выдавленного люка, он дал две короткие очереди, целясь по зевам тоннелей, через которые пришли сервы, и прыгнул, приземлившись в центре расчищенного взрывом гранаты пространства.

Гулкая тишина.

Глухой удар сердца. Среди дымящихся металлических обломков внезапно раздались звуки сервомоторов. Штурмовые кибермеханизмы, оказавшиеся под завалом, пытались разобрать его!

Их корпуса выдержали взрыв гранаты, не пройдет и минуты, как сервы выберутся из-под сметенных ударной волной металлических ферм.

В одном из тоннелей раздалось знакомое царапанье. Глеб уже перебрался через рухнувшую балку, выскочил на относительно чистый отрезок палубы и бегом бросился к стволу стартовой катапульты.

* * *

Знойный полдень плавился над Ареной Варла.

В центре кратера, недалеко от наиболее крупного обломка конвойного носителя, разгоралась яростная схватка между тремя группами наемников.

Первым, что увидел Глеб, выбравшись наружу через ствол электромагнитной катапульты, стал истекающий черным дымом корпус тяжелой серв-машины.

В следующий миг оглушительная пятитактовая очередь, выпущенная из орудия «Фалангера», едва не стоила ему жизни. Цель находилась метрах

в двухстах, к югу, но ударные волны взрывов, крошащих стеклобетон массивного укрепления, хлестнули ураганным порывом, Глеб чудом успел среагировать, вцепился в изогнутую балку, и его лишь оглушило, но не скинуло вниз.

Там, где сходятся в схватке серв-машины, человеку без защиты бронескафандра, как правило, не выжить. Труп наемника, распластавшийся на перепаханной ступоходами земле, лишний раз подтверждал многократно проверенное войной правило.

Корпус подбитого «Фалангера» возвышался всего в нескольких метрах от среза стартового ствола, предназначенного для запуска истребителей. Дым, истекающий из пробоины, указывал на локальный очаг возгорания в рубке, но не отвечал на вопрос, что заставило машину застыть без движения?

Глеб действовал быстро. Перепрыгнув на корпус исполина, он оказался между раскаленными сборками стартовых стволов. Ракетная установка не успела перезарядиться, сегменты боевого эскалатора, подающего боекомплект, раскрылись лишь на половину необходимого хода.

Пилот не предпринял попытки катапультироваться. Убит? Находится без сознания?

Каждая секунда промедления могла стоить жизни. «Фалангер», оставшийся без управления, в любой миг способен потерять остойчивость и опрокинуться. На войне таких проблем не возникало, поддержание равновесия обеспечивали отдельные подсистемы, руководимые модулем «Одиночка», но на Арене использование боевых «ИИ» запрещено.

Глеб в эти мгновения действовал на рефлексах. Он выбрал единственный возможный путь к спасению: спустившись по скобам до уровня оружейных пилонов, он встал на кожух подвесного орудия, вскрыл панель технического доступа, набрал код и приложил к углублению сканера личный кодон.

Автоматика системы безопасности не поддавалась перепрограммированию. Существовали способы ее обойти, но не выключить, поэтому расположенный на уровне пилонов аварийный люк пришел в движение, разделился на остроугольные сегменты и исчез в обшивке, открывая вход в тесный тамбур шлюзовой камеры.

Глеб уже находился внутри, когда серв-машину потряс удар.

Тонко взвыл гироскоп системы самостабилизации. Что же, фрайг побери, происходит? Кто в эти секунды управляет машиной?

Внутренний люк открылся, и Глеб, шагнув в рубку управления, в первый миг не поверил своим глазам – в кресле пилот-ложемента сидел

андроид! Дымов обежал взглядом приборные панели, определяя степень повреждений, и ситуация прояснилась. «Фалангер» вывел из строя снайперский выстрел! Разряд двухсотмегаваттного лазера (таким оружием, как правило, оснащались колониальные «Беркуты») прожег лобовой скат брони, проделал аккуратную дыру в корпусе человекоподобной машины и иссяк.

«Что тут у них творится? – Глеб расстегнул страховочные ремни, с усилием вытащил дымящегося андроида из кресла, вырвал из разъема на его груди шунт прямого обмена данными. – Кто-то из игроков нечист на руку? Сумел подменить пилотов, рассчитывая выиграть?

Нет времени на разбирательства…»

Он сел в кресло, застегнул ремни, затем точным, уверенным движением подключил шунт к гнезду височного импланта.

Блеклый, враждебный мир мгновенно изменился.

…Среда обитания. Мы подразумеваем под этим понятием окружающую нас природу, дом, вещи, социум. Для поколений, рожденных на войне, выросших на космических станциях или в полупустых мегаполисах Земли, средой формирования рассудка стали цифровые вселенные, связанные с управлением сложными кибернетическими комплексами. Прав был майор Фостер – бывших пилотов не бывает. Разум раз и навсегда адаптируется к прямому нейросенсорному соединению, и нет в мире силы, способной вытравить сформированные на грани жизни и смерти рефлексы.

Рассудок Глеба *включился* в локальную сеть машины, его мозг стал ядром системы, мгновенно объединив разрозненные цепи управления, нервные ткани человеческого организма чутко и безошибочно начали реагировать на сотни импульсов, посылаемых датчиками механизмов, – он ощутил «Фалангер» как собственное тело.

Серв-машина, готовая вот-вот рухнуть, мгновенно стабилизировалась.

Сотни индикационных огней на панелях управления поменяли цвет, изменили рисунок контрольных сигналов, многочисленные надписи, предупреждающие о сбоях и ошибках в управлении, сменились на лаконичные доклады о подключении резервных подсистем, орудия исполинской серв-машины шевельнулись, будто живые, в рубке еще дымили некоторые консоли, матово отсвечивали погасшие экраны, но Глеб уже взял управление, его глаза были закрыты, он воспринимал окружающий мир сенсорами «Аметиста», не находя ничего чуждого или странного в таком способе мироощущения.

Первый шаг «Фалангера» сотряс почву Арены.

Включившаяся система связи автоматически набрала номер абонента.
– Хограк?
Секунда тишины.
– Дымов? Глеб, это ты? Куда ты подевался!
– Нет времени! Меня пытались убить! Запеленгуй сигнал, я на Арене!
– Есть! Вижу! Какого фрайга ты делаешь в рубке «Фалангера»?!
– Пытаюсь выбраться из смертельной передряги. Слушай внимательно! Мне нужна информация. Я нашел пилота. Им оказался андроид. Что-то прогнило в вашем королевстве…
– Не понял?!
– Пилотом серв-машины, которую я захватил, тоже был андроид. Это по правилам?
– Нет!
– Тогда выясни, чьей серв-машиной я сейчас управляю?
– Это Адмирал! Его «Фалангер»! Он накануне проиграл все свое состояние! Его наемников остановил Флеш! Сегодня Адмирал заявил на арену четверых вольных стрелков. Они вошли на ристалище, чтобы убить Флеша!
– Текущая обстановка? – скупо осведомился Дымов. Упоминание о пилоте «Хоплита» мгновенно изменило его планы.
– Флеша окружили. Загнали в старое укрепление и блокировали со всех сторон. Он подбил три серв-машины, но к наемникам Адмирала присоединились еще четверо.
– Понял тебя. Я его вытащу. Организуй бригаду медиков к южному порталу Арены.
– Дымов, ты с ума сошел? Правила Арены…
– К фрайгу ваши правила. Их никто не соблюдает! В рубках серв-машин андроиды! А Флеш мне симпатичен. До связи.

* * *

Минимум информации, полученной от Хограка, помог Глебу быстро сориентироваться в обстановке, не тратя времени на поиск целей.
Основные баталии уже завершились, и теперь собравшаяся на трибунах публика напряженно следила, как пять серв-машин окружили укрепление, в глубинах которого занял оборону колониальный «Беркут». Видимо, «Хоплит» Флеша сильно пострадал в предыдущих схватках, его не успели отремонтировать, и пилоту пришлось взять колониальную машину.
Глеб включил вариатор частот связи.
– Флеш. Ответь.

Визуальная картинка не появилась, но аудиосистема передала искаженный голос:

– Отвали!

– Я твой союзник! – спокойно проговорил Глеб. – Это не уловка. Я знаю, ты из пилотов Альянса. Прошел войну. Твоя манера вождения «Хоплита» мне знакома. Продержись еще пару минут. Предаю код для закрытого канала связи!

«Фалангер» Дымова уже начал движение среди оплывших, нашпигованных металлом холмов. Вариатор целей перестраивал программу, и через несколько секунд в условной сфере поискового радара осталась одна изумрудная точка в окружении алых маркеров.

Дистанция – три километра. Ракетные комплексы перезаряжены. Тест орудийных систем успешен. Обнаружено повреждение брони. Герметичность рубки не восстановлена.

Доклады подсистем скользили по периферии сознания. Глеб давно не испытывал такого напряжения моральных и физических сил.

Он принял спонтанное решение, но не собирался его менять. Так или иначе, он намеревался отыскать таинственного пилота, чья манера вождения серв-машины выглядела настолько знакомой, что разбередила множество воспоминаний, но накануне, пытаясь понять, проанализировать всплывшие в памяти фрагменты боев, Глеб так и не пришел к однозначному выводу, кто из офицеров Альянса известен на Арене под именем Флеш.

Тестирование подсистем завершено. Принят ответный код для формирования защищенного канала связи. Инициализирована телеметрия данных.

Все мысли и события уложились в краткий отрезок времени – с момента перехвата управления прошло двадцать секунд.

Коротко рявкнуло зенитное орудие, послав в небеса над Ареной контейнеры с наночастицами.

Дымов не собирался *играть*. В его жизни не было места для лицемерных кровавых забав.

Сеть наномашин развернулась, теперь датчики «Аметиста» собирали всю необходимую информацию. В рассудок Глеба вторгся голос комментатора Арены, но он тут же блокировал частоты связи, не нуждаясь в субъективных оценках происходящего.

Огибая очередное нагромождение техники, Дымов вывел «Фалангер» на позицию распределенного запуска. Положение Флеша выглядело отчаянным. Двухсотмегаваттные лазеры – оружие сокрушительное, но их

частое использование ведет к быстрому истощению энергоресурса машины. Колониальные «Беркуты» редко принимали позиционный бой, их пилоты использовали смертоносное сочетание маневренности и огневой мощи, навязывая противнику иную тактику. Каким образом Флеш оказался в западне, сейчас уже не важно. Пять серв-машин – три «Фалангера» и два «Хоплита» – окружили укрепление, методично расстреливая прочный стеклобетонный бункер. «Беркут» огрызался в ответ, но дым и бетонная крошка блокировали работу лазеров, а ракетный боекомплект у Флеша иссяк – благодаря взаимному обмену данными Глеб видел, что артпогреба колониальной машины пусты, лишь в пусковых стволах еще оставалось четыре реактивных снаряда – последний неприкосновенный запас.

– Держись! Отступи в глубь укрытия! Накапливай энергию, я привлеку их внимание!

– Принято…

Нотки нечеловеческой усталости и нервозности, прозвучавшие в коротком ответе, заставили Глеба действовать быстрее.

Ракетные установки захваченного им «Фалангера» уже развернулись на нужный угол, Дымов фиксировал цели, продолжая двигаться, первый запуск он произвел в сторону разрушенных зданий, имитирующих постройки космопорта, ракеты одна за другой уходили в знойные небеса Варла, следящие системы противника зафиксировали атаку, среагировали на нее, но оказались бессильны.

Сеть лазерных лучей полоснула над руинами, но выпущенные Глебом ракеты сманеврировали секундой раньше – они отработали двигателями, проваливаясь вниз, врываясь в теснину улиц, где их не могли сбить на подлете. Системы «Щит» огрызались огнем, они фиксировали и вели цели, но эффективному противодействию мешали множественные препятствия.

Поединок нервов.

Глеб прекрасно понимал, что и зачем делает. Программу, загруженную в системы наведения ракет, он знал наизусть. Когда-то ее написал Алан Строгман – компьютерный техник их серв-батальона. Ее применение не раз спасало Глебу жизнь в условиях городских боев, когда приходилось вступать в схватку с превосходящими силами противника. Ни человек, ни искусственный интеллект не в состоянии тупо оставаться на позиции, зная, что к нему приближается смерть, несущаяся вдоль стен домов, практически в метре от земли. За несколько секунд, отпущенных на принятие решения, противник не успевает понять, что ракеты при таком маневрировании исчерпают запас реактивного топлива прежде, чем ударят в цель. Распределенный запуск, когда каждая боеголовка идет собственным

курсом, повторяя геометрию рельефа, – это удар по психике, а в случае с «ИИ» – по логике принятия решений.

Есть!

Три «Фалангера» прекратили огонь, ушли с позиций в поисках укрытия, «Хоплиты» все еще пытались достать цели из скорострельных зенитных орудий, но тщетно.

Гул боевых эскалаторов стих. Смена боекомплекта завершена.

Глеб вновь разрядил ракетные установки, на этот раз двумя залпами.

Не дать противнику опомниться, держать его под постоянным прессингом, сужая пространство принятия решения до единственно возможного, – вот залог успеха в неравном бою.

Дымов уже добился желаемого результата, вынудил машины противника спешно искать укрытия, выгнал их с выгодных позиций, а теперь усиливал давление. Первый залп был нацелен в здание, мимо которого в данный момент перемещались «Фалангеры». Ракеты ударили наискось, сверху вниз, точно в пустые глазницы оконных проемов первого этажа, постройка вздрогнула, окуталась клубами белесой пыли и вдруг начала оседать вниз, осыпая тяжелые серв-машины градом угловатых многотонных обломков. Глыбы стеклобетона глухо били в броню, сминая кожухи, сбивая датчики, всклубившаяся бетонная пыль попадала в раскаленные стволы орудий и пусковых установок, мгновенно образуя налет из спекшейся абразивной массы, которую необходимо убрать, прежде чем можно будет вновь задействовать системы вооружений.

Один из «Фалангеров» попытался ответить на залп и тут же поплатился: две ракеты заклинило в пусковых стволах, и через мгновение два взрыва полыхнули в границах расползающегося вдоль земли пылевого облака.

Второй залп, произведенный Глебом, был предназначен «Хоплитам». Он с убийственной выдержкой рассчитал момент, когда их зенитные орудия внезапно смолкли, уходя в перезарядку.

Казалось, что в центре Арены извергается вулкан. Взметнувшаяся в небеса пыль сгорала, лазерные разряды кроили сумеречную полумглу, скрывшую солнце, в воздухе кружил пепел.

«Хоплиты» не выдержали – нацеленные в них ракеты вырывались из пылевых облаков, обнаруживая себя на дистанции прямой атаки, системы ПРО едва успевали реагировать на угрозу, но сбитые боеголовки все равно причиняли немалый урон, осыпая броню легких машин градом осколков.

– Флеш, не спи!

Пилот «Беркута» ничего не ответил, но времени он не терял:

двухсотмегаваттные лазерные установки ударили серией коротких импульсов, превратив одного из «Хоплитов» в факел.

Дымов проигнорировал очередной вызов от Хограка.

Оценив обстановку, он отдал четкий приказ:

– Флеш, отходи к южному порталу! Я прикрою! Назови место и время, где мы сможем встретиться. Это важно!

Судя по перемещению сигнатуры, пилот «Беркута» все отлично понял – серв-машина покинула разрушенное укрытие и, пользуясь замешательством противника, взяла курс на южный портал Арены, не пытаясь вновь ввязаться в бой.

«Неразговорчивый он», – подумал Глеб.

– Флеш, я знаю, ты меня слышишь. Встретимся вечером в клубе «Одинокий пилот». Удачи… – Дымов переключил канал коммуникатора. – Слушаю тебя, Хограк?

– Глеб, ты что творишь!

– А в чем дело? – Он развернул «Фалангер», направив машину к краю дымопылевого облака.

– Ты не имеешь права атаковать! Все ставки этого дня могут быть аннулированы!

– Тебя беспокоят только деньги? – Глеб захватил в паутину целевого монитора ведущий «Фалангер» из уцелевшей при разрушении здания пары. – Я пока что не попал ни в одну из машин, – напомнил он Хограку. – И вообще, меня *нет* на Арене. Так что успокой своих боссов. Тут, в рубке, все еще дымит андроид. Запах просто отвратительный. Когда закончу – усажу его в кресло и воткну шунт. Следишь за ходом мысли? Как хозяева Арены могут отвечать за действия кибернетического механизма, у которого к тому же повреждено ядро системы? Разбирайся с нечистыми на руку игроками, а меня оставь в покое на пять минут, договорились?

– Глеб, поворачивай назад! Ты спас нашего пилота, выявил махинации. Поверь, мы высоко оценили твой поступок! С орбитальных станций Варла уже стартовали штурмовики. Теперь это наше дело – разделаться с нарушителями!

– Подчистить все концы ракетным ударом? Чтобы никто не смог считать данные с информационных носителей андроидов?

– Я тебя прошу, поворачивай назад! У меня приказ! Если не повернешь…

– То штурмовки отработают и по моей машине?

– Я тебя предупредил!

– Ладно. – Глеб плавно ушел с намеченного курса. – Разбирайтесь

сами. Рад был помочь. Мне нужна машина, номер в приличной гостинице и чистая одежда.

– Машина будет ждать тебя у южного портала. – В голосе даргианца прозвучало откровенное облегчение. – В бортовой компьютер загружен маршрут. Тебе лучше остановиться в «Одиноком пилоте». Там тебя никто не побеспокоит. В заведении на твое имя открыт счет.

– С Флешем все в порядке?

– Да. Он только что вышел за пределы Арены.

– Хорошая новость. – Глеб пристально наблюдал за противником, но ни одна из уцелевших серв-машин даже не попыталась его преследовать. – Андроида вернуть в кресло?

– Можешь оставить всё, как есть.

– Договорились. Я уже недалеко от портала. Увидимся вечером. Да, Хограк, я бы не прочь узнать, кто дал мне по затылку и бросил посреди Арены. Дашь посмотреть ночную запись с устройств слежения?

– Не могу ничего обещать. Извини.

Дымов не ответил.

Отключив связь, он направил «Фалангер» к распахнутым воротам Арены. Воевать с группировками Варла, вмешиваться в их дела как минимум неразумно. Именно от таких действий настойчиво предостерегал его майор Фостер, а он, надо полагать, хорошо ориентировался в ситуации на Варле.

«Мне позволили спасти пилота, но запретили трогать машины, атаковавшие Флеша.

Я разберусь с этим», – мысленно пообещал себе Глеб.

Его «Фалангер» вышел за пределы Арены и, издав характерный затухающий вой, остановился.

Глава 5 КЛУБ «ОДИНОКИЙ ПИЛОТ». ТРЕМЯ ЧАСАМИ ПОЗЖЕ…

Безумная надежда теплилась в душе Глеба.

Он занял дальний, неприметный столик, расположился так, чтобы видеть вход, некоторое время напряженно ждал появления Флеша, затем незаметно погрузился в тревожные мысли.

Он снова и снова прокручивал в памяти эпизоды двух боев, и пламя надежды разгоралось все сильнее. У каждого пилота есть свой неповторимый почерк управления серв-машиной. Он складывается из мельчайших деталей, совершенно не очевидных для неискушенного наблюдателя, но в памяти Глеба таились воспоминания, от которых невозможно отмахнуться, от них – мурашки по коже.

Ника. Сейчас откроется дверь – и войдет она. Не та девушка, которую любил Глеб, а ее реинкарнация, воссозданная боевым искусственным интеллектом.

Как это могло произойти?

Где дали сбой технологии, призванные служить богу войны?

Сейчас, спустя годы, Глеб, вновь и вновь анализируя прожитое, перебирая в памяти узелки давних событий, постепенно начал понимать, что же на самом деле происходило на Роуге.

Война сжигала все на своем пути. Гибли пилоты, совершенствовались машины, но в гонке технологий случился сбой. Нашлись люди, которые сумели остановиться, взглянуть вокруг и понять – еще немного, и человечество исчезнет, сгорит в пламени последних сражений, оставив после себя лишь пепел уничтоженных планет и мертвое царство машин, созданных для взаимного истребления.

Глеб ничего не преувеличивал. Его мысли отражали реальность тех лет. Поколения, родившиеся и выросшие на войне, столь люто ненавидели друг друга, что закат цивилизации был неизбежен. Колонии готовились нанести решающий удар, прорвать Линию Хаммера и аннигилировать Землю, а вокруг скопления Центральных Миров сжималась сфера из сотен полностью автоматизированных баз Альянса, откуда в случае падения Солнечной системы был бы нанесен удар возмездия.

Технологии, брошенные на алтарь войны, давно перешагнули все рамки разумного, они оказались за гранью контроля со стороны людей. «А сколько нас оставалось? По два-три человека на батальон?» – думал Глеб,

пытаясь хоть как-то скоротать тревожные минуты ожидания.

За год скитаний по звездным системам он многое узнал, и финал войны виделся теперь в совершенном ином свете.

Дейвид Фарагней, главный конструктор «Одиночек», руководитель сверхсекретных лабораторий Юноны, создатель кристаллосферы «Beatris», и адмирал Табанов, человек, сумевший нарушить предопределенный ход событий, уничтожить сеть глобального взаимодействия между анклавами механизмов и тем самым предотвратить удар, нацеленный на планеты скопления Центральных Миров, – вот кто в действительности остановили войну, позволили прозвучать ее финальному аккорду.

Кристаллосфера «Beatris».

Глеб ждал, но через дверь входили незнакомые ему люди. Каждый раз его сердце сжималось в предчувствии, но тщетно…

Она придет. Не сможет не прийти.

Напряженное ожидание ощущалось как пытка, и он вновь непроизвольно погружался в омут тяжелых, запоздалых размышлений.

Все, что он знал о последнем поколении модулей искусственного интеллекта, теперь представало в ином свете. Нужно было вырваться из уничтожающих разум будней войны, понять, что жив, осмотреться, переосмыслить события, чтобы понять – избыточные нейросетевые мощности «Beatris» *не служили задачам войны.*

Создавая принципиально новый модуль искусственного интеллекта, Фарагней предпринял отчаянную попытку спасти души еще живых пилотов.

Но как это сделать? Что можно противопоставить ощущению безысходности? Как погасить полыхающую в душе ненависть?

В отличие от предыдущих моделей «Одиночек» кристаллосфера «Beatris» не копировала разум пилота. Она переосмысливала все прожитое им, искала среди пепла остатки скорчившейся души, собирала их, бережно сохраняла, постепенно, день за днем наполняя смыслом найденный в потаенных уголках человеческого рассудка образ, с которым у пилота были связаны самые горькие, отчаянные, но тем не менее *светлые* воспоминания.

Первая и чаще всего единственная, навсегда утраченная любовь.

Блеклый аватар серв-машины постепенно оживал, он преображался, обретал собственные мысли и чувства, у «Одиночки» появлялись уникальные черты прототипа, воссозданные по крупицам воспоминаний пилота. Она разрушала кокон тоскливого обреченного одиночества, в котором замкнулась душа человека.

Так происходило и с ним. Образ Ники, сформированный искусственным интеллектом «Фалангера», с каждым днем становился все глубже, человечнее, но Глеб не желал возвращения прошлого. Он медленно погружался в пучину безумия, не принимая протянутой руки, не понимая, зачем Ника бередит старые раны, какое ей дело до угасших, погребенных под пеплом чувств.

«Я не дал ей шанса, – думал Глеб. – Отнесся, как к безропотной частице своего изуродованного войной сознания, заставил до дна выпить яд обреченных мыслей, отравил юный, ломкий, еще не окрепший рассудок безысходной ненавистью ко всему окружающему».

В критический момент последнего боя на Роуге Ника не выполнила самоубийственный приказ Глеба.

Она катапультировала его, не приняла сознание пилота на носители кристаллосферы, считая, что каждый из них должен идти своей дорогой.

«Я выжил, а она изменилась, обрела независимость, но сохранила *мое* чувство безысходности, уверенности, что люди исчерпали потенциал созидания. Неудивительно, что Ника логически развила эту мысль, сделав вывод: люди должны уступить дорогу более совершенным существам».

Глеб понятия не имел, что произойдет при их встрече.

Он был уверен только в одном: она тут, на Варле. Кто, кроме нее, мог пилотировать «Хоплит», демонстрируя индивидуальный почерк, присущий девушке, которую много лет назад любил, но не смог уберечь лейтенант Дымов?

* * *

Надежда.

Сколько жестоких разочарований таит этот путь.

Над Ареной Варла сгущались сумерки. В клубе «Одинокий пилот» завершилась трансляция записи боя.

Глеб сидел, погрузившись в тяжелые мысли, изредка поглядывая в сторону входа. Он не заметил, как к его столику направился невысокий мужчина средних лет. Незнакомец заметно прихрамывал, на скуле красовался свежий кровоподтек, на левой руке, у предплечья под курткой притаился автономный медицинский модуль.

Он взялся за спинку стула, намереваясь отодвинуть его и сесть.

– Здесь занято! – раздраженно отреагировал Дымов.

– По-моему, ты просил о встрече?

Глеб вскинул взгляд. В нем читались недоверие, злость, затем вдруг пришло узнавание, но оно не добавило положительных эмоций.

– Кирсанов? Что ты тут делаешь?!

– Я тоже рад тебя видеть. – Андрей сел, с трудом сдержав гримасу боли. – Какими судьбами на Варле?

– Не твое дело, – огрызнулся Глеб. – И вообще, с тобой мне не о чем говорить! Какие ко мне могут быть вопросы или претензии?! Как бывший офицер Альянса я наказание отбыл. Твое командование желало получить корабль, найденный на Роуге, – я и его отдал без лишних вопросов. Что еще нужно?!

– По-прежнему ищешь свою «Одиночку»? – спросил Кирсанов, оставив без внимания его яростные выпады.

– А вот это тебя уже абсолютно не касается! – вспылил Глеб. – Говори, зачем явился?

Андрей лишь сокрушенно покачал головой. С их последней встречи Дымов не изменился, разве что выглядел еще мрачнее, чем прежде.

– Ты сам назначил мне встречу! – резко ответил он.

Глеб непроизвольно вздрогнул:

– Андрей, я ждал не тебя!

– Извини. – Кирсанов пожал плечами, намереваясь встать и уйти. – Вообще-то, я хотел всего лишь сказать «спасибо». Ты спас мне жизнь.

Дымов отказывался верить в происходящее.

– Сядь! – резко произнес он. – Хочешь сказать – ты Флеш?!

Ни один мускул не дрогнул на лице Андрея.

– Да. А в чем дело, Глеб? Почему ты так на меня смотришь?

Дымов испытал жестокое потрясение. Он не верил Кирсанову. И на то имелись веские причины.

Заметив Хограка, вышедшего в зал из служебного помещения, он окликнул его.

– Проблемы? – Даргианец выглядел озабоченным. – Что-то вы слишком мрачные для «братьев по оружию». Чем тебя разозлил Флеш? Ты ведь сам хотел его видеть?

Глеб не понимал, что происходит. «И Хограк туда же…»

– Странный ты. – Даргианец усмехнулся. – Ладно. Разбирайтесь между собой.

Дождавшись, пока он отойдет, Андрей спросил:

– Глеб, объясни, чего ты взъелся?

– Сейчас. – Дымов щелкнул пальцами, подзывая обслуживающий кибермеханизм, затем взглянул на Кирсанова: – Выпьешь?

– Не откажусь.

Дымов коснулся нескольких сенсоров, сделав заказ.

– Андрей, тебе придется ответить на мои вопросы.

– Я не против. Спрашивай.

– Ты был еще подростком, когда завершилась война. – Глеб машинально скомкал салфетку. – Где научился управлять серв-машинами? Ты в курсе, что у каждого пилота есть свой неповторимый почерк?

– Вот в чем дело? – Андрей немного расслабился. – Ты принял меня за кого-то другого, верно?

– Да. И ты не догадываешься, кого я ожидал увидеть?

– Нет. Не имею понятия. Но на твой вопрос отвечу. Многих смущает мой возраст. На самом деле все достаточно просто. Я действительно не воевал, но работал в лабораториях по изучению искусственного интеллекта. В Форт Стеллар на протяжении войны попадали сотни тысяч кристаллосхем. Их нужно было изучить, но ты ведь понимаешь, что взломать «Одиночку» невозможно?

– Не пробовал. – Дымов холодно взглянул на него. – При чем тут лаборатории Стеллара?

– Во время войны командованию постоянно требовалась свежая разведывательная информация. Вот нас, подростков, и использовали для сбора необходимых данных.

– Каким образом?

– Мы входили в прямой контакт с модулями «Одиночек», по крупицам собирая нужные сведения. Дислокация баз, состав подразделений, боевые и технические коды. Но нейросенсорный контакт не подразумевает избирательности – вольно или невольно приходилось пропускать через себя весь объем информации.

– И сколько искусственных сознаний ты прочел? – Глеба потрясло и одновременно покоробило признание Андрея.

– Много, – уклончиво ответил Кирсанов. – Но я их не *читал*, а воспринимал память «Одиночек» как свою.

– И сохранил рассудок? – усомнился Глеб.

Андрей пожал плечами.

– Наверное, повезло. Ощущения при нейросенсорном контакте столь реальны, что многие навыки управления серв-машинами отпечатались в подсознании на уровне рефлексов. – Он поднял взгляд. – Может, достаточно? Я ответил на твой вопрос?

Глеб мрачно промолчал. В его душе царил ад. Он знал, что такое превратности войны, но поверить Кирсанову, допустить, что среди трофейных кристалломодулей мог оказаться образец, хранящий образ погибшей на Эрлигоне девушки, означало перечеркнуть собственную

память.

«Он лжет? Или я в тот день настолько обезумел от горя, что неадекватно воспринимал реальность?»

Глеб попытался обуздать подступившую к горлу ярость, сглотнуть удушливый ком, но срыв уже наступил, перед глазами возник образ пилот-ложемента, сгорающего в лазурных небесах Эрлигона, и вдруг разом нахлынули воспоминания: пять «Нибелунгов», идущих на посадку, ураганный огонь, зачищающий зону эвакуации, стены разрывов, черный, свитый смерчами дым, всплески пламени, и он, раздавленный горем, остановивший свой «Хоплит» рядом с подбитой машиной Ники.

…Сброшенные бронеплиты рубки валялись на земле. Обугленная машина накренилась, и он, взобравшись по ступоходу, с трудом устоял на ногах, сделав первый шаг к изрешеченным осколками консолям управления.

«Хоплиту» досталось уже после катапультирования пилота, после страшной гибели Ники схватка продолжалась еще минут двадцать, пока не подоспели штурмовые носители батальона.

Глеб отчетливо помнил, как присел, с усилием сдвинул бронированную шторку, открывая самостабилизирующуюся подвеску, в центре которой крепилась кристаллосхема «Одиночки». Он хотел забрать ее, но пальцы наткнулись на расплавленную массу.

Шальной лазерный луч, полоснувший по подбитой серв-машине, не оставил ему ничего, кроме оплавленного, вспузырившегося вязкого кома…

Ника осталась жить лишь в его памяти, пока однажды он не воплотил бережно хранимый образ в форму аватара бортовой кибернетической системы «Фалангера». Так родилась та, вторая Ника.

Несколько секунд, растянутые в вечность.

Железистый привкус во рту.

Вчера на записи он видел, как «Хоплит» совершил едва уловимое, но знакомое до щемящей боли в груди движение, словно его пилотировала погибшая много лет назад девушка. Этот жест знала только виртуальная Ника, значит, на Арене была она, а сегодня на месте Флеша вдруг оказался Кирсанов! Он лжет! Среди прочитанных им кристаллосхем попросту не мог оказаться тот кусок расплавленного пластика, что остался в подбитом «Хоплите» на планете Эрлигон!

– Тварь! – Глеб резко повернулся и, уже не контролируя себя, резко подался вперед, схватив Кирсанова за горло. Он хотел вырвать из него правду, но действительность оказалась страшнее – под пальцами Глеба взбугрились сервоприводы, на шее Кирсанова лопнула пеноплоть, обнажая

тусклый металл эндоостова человекоподобной машины!

Рассудок Дымова окончательно помутился.

Он рванул андроида на себя, тот попытался удержать равновесие, но рухнул на стол, разломив его, а Глеб, уже не видя ничего вокруг, схватил металлический стул, обрушив на жуткую подделку град сокрушительных ударов.

В клубе поднялась суматоха, кто-то вскакивал, выхватывая оружие, кто-то, наоборот, оцепенел, не понимая происходящего.

– Не двигайся!

Окрик подействовал, словно удар хлыста. Глеб медленно повернулся, сжимая в руках погнутый металлический стул, обвел мутным взглядом налитых кровью глаз лица незнакомых ему людей.

Они держались на расстоянии, вскинув оружие, целя ему в голову.

– Сядь!

Они – не люди!.. Осознание смысла происходящего обрушилось еще одним сокрушительным ударом. Острое чувство одиночества, смешанное с ощущением смертельной опасности, не погасило клокотавшую в нем ярость – Глеб слишком долго и тщательно сдерживал себя, честно пытаясь приспособиться к окружающему миру, который вдруг оказался фальшивкой…

Он рванулся вперед, понимая, что силы не равны, успел достать еще одно человеческое подобие коротким резким ударом, попытался вырвать из его рук оружие, но на него набросились со всех сторон, нестерпимая боль вдруг затопила сознание, мир крутанулся волчком, брызнул осколками и угас…

* * *

– Ты ведешь себя неразумно.

Глеб с трудом открыл глаза. Он сидел на стуле, тупая боль еще пульсировала над бровью, по щеке текла кровь, перед глазами все двоилось, но он нашел силы, чтобы сфокусировать зрение.

Разбитый столик уже убрали, заменив на целый. Руки не связаны. Ноги тоже. Самонадеянные твари…

– Тебе некуда бежать. – Человеческое подобие убрало оружие, но за его спиной, отступив на пару метров, чтобы Дымов не достал их в прыжке, застыли три андроида, готовые открыть огонь.

Что им от меня нужно?

– Где мы допустили ошибку, человек? Чем тщательно изготовленная копия отличается от оригинала? Ты ведь знал Кирсанова и поначалу ничего

не заподозрил.

Неужели все так скверно? – мучительно подумал Глеб. С момента прибытия на Варл он постоянно оставался настороже, тщательно сканируя окружающих, но не нашел признаков цивилизации машин. Почему системы импланта не сумели распознать подмену?

– Я жду ответа, – напомнил о себе андроид.

Глеб сплюнул на пол сгусток крови.

– Он лгал. – Разбитые губы Дымова искривились в усмешке. – Нагло и неумело.

– Где ошибка? – настойчиво переспросил андроид. – Какая часть информация оказалась ложной?

Ярость не угасла, но Глеб загнал ее глубоко внутрь себя.

Тяни время. Думай, как выбраться. Ты справишься…

Свое оружие он оставил при входе в клуб. Одним прыжком до него не добраться. Камеры хранения расположены за стойкой. Взгляд Дымова внезапно выхватил из общего оцепенения еще двух людей, окруженных андроидами, убеждаясь, что большинство «посетителей» клуба – машины.

Выхода нет?

Он медлил с ответом. Время словно застыло. Кибернетические механизмы, у которых отпала необходимость изображать людей, замерли, готовые к действию, но неподвижные, как манекены.

Среди них Хограк. Стоит у самой стойки. Смотрит сюда.

Даргианец внезапно прищурился. От его колючего взгляда пахнуло человеческим теплом, в нем всколыхнулась и тут же угасла задавленная железными тисками самоконтроля злость.

Прорвемся…

– Тебе лучше ответить на заданный вопрос.

Глеб снова усмехнулся.

– Иначе что?

– Иначе наша беседа превратится в допрос с пристрастием. Не сомневайся, мы умеем получать информацию. – Андроид повернул голову, взглянул на неподвижные фигуры. Глеб заметил под волосами на виске машины точную имитацию стандартного импланта. Даже крошечный индикатор трепетно взмаргивал, имитируя передачу данных. Или он действительно работает?

Ответ пришел в следующую секунду.

Едва заметная искра индикации погасла, передача завершилась, и тотчас посетители клуба зашевелились, начали двигаться, изображая повседневное поведение людей: часть кибернетических механизмов

вернулась за столики, кто-то остался у стойки, несколько «человек» направились к выходу, лишь те, кто держал Глеба на прицеле, не шелохнулись.

– Зачем вы имитируете людей?

– Мы учимся, – лаконично ответил андроид. – Варл является идеальным полигоном. Впрочем, это тебя уже не касается. Ответь на поставленный вопрос, и покончим с этим. Ты и так доставил множество неудобств своим появлением.

– Ответа не будет, – отрезал Глеб. – Я умею терпеть боль.

Андроид усмехнулся. Нужно сказать, что роль человека он играл искусно и непринужденно.

– Неужели люди так глупы? Зачем прибегать к варварским пыткам при современном уровне технологий? Неужели ради нескольких слов я стану причинять тебе боль?

– У тебя ничего не выйдет. И технологии тебе не помогут.

– Посмотрим. – Андроид достал из кармана кристалломодуль. – Все очень просто. Из этого модуля удалены программные компоненты «Одиночки», за исключением подсистемы дешифратора нейронных импульсов. Доказано, что человек не в состоянии заблокировать прямой нейросенсорный контакт. Об этом позаботились конструкторы Земного Альянса. Весь объем твоей памяти окажется тут. – Он постучал ногтем по кристаллической схеме. – Появится новый Глеб Дымов – твой мнемонический клон. После мы интегрируем кристалломодуль в один из человекоподобных носителей. Бывшие офицеры Альянса нам сейчас крайне необходимы. Без них трудно подобрать ключ к военным базам на карантинных планетах Периферии. Твой генетический код, кодон офицера и твой боевой опыт отныне – наши.

У Глеба по спине пробежал холодок.

– У тебя ничего не выйдет, – упрямо повторил он.

– Бессмысленный спор. – Андроид встал. – Уведите его.

* * *

Хограк, выскользнув на улицу вместе с тремя покинувшими клуб «людьми» и чуть отстав, нырнул в ближайший разлом руин.

Сердце бешено молотилось в груди.

Он видел и слышал все, осознавал, что чудом избежал смерти, но, будучи жителем Варла, он привык и не к таким чудовищным «вывертам» реальности. На планете хватало и психов, и сумасшедших, и откровенных отморозков, да и искусственные интеллекты встречались, в основном они

выступали в роли охранников, секретарей при особо «влиятельных» персонах.

Проклятие… Он многое повидал, но вечеринка андроидов в клубе, принадлежащем самой влиятельной группировке Варла, – это уже полный бардак. Тем более что завершится она вполне предсказуемо. Он заметил, что машины уволокли в подсобные помещения еще двоих человек. Тут не нужно иметь особо буйную фантазию, вывод напрашивался сам собой: они убьют и Глеба, и случайных свидетелей, элементарно имитируют пьяную драку посетителей, оставив три трупа.

Что делать?

Глеба нужно выручать.

И только тут до Хограка дошло – они утащили людей в подсобные помещения клуба! Фрайг… И знакомый бармен за стойкой стоял как истукан, пока человеческое подобие пыталось запугать Глеба!.. Что же получается? Они контролируют клуб?!

Он машинально потянулся к коммуникатору, но тут же одернул себя.

«Кому звонить? Где гарантия, что мне ответит человек?!»

Мгновенно вспомнились сегодняшние события на Арене. Все пошло наперекосяк, как только объявился Дымов. Это он обнаружил, что машинами управляют андроиды! И почти тотчас Хограк получил недвусмысленный приказ – Дымова не трогать, в события не вмешиваться! Что же получается? По уцелевшим на ристалище машинам был нанесен удар с орбиты… Кто-то уничтожил все улики, внезапный инцидент был исчерпан.

«Мы учимся… Варл – идеальный полигон… – слова андроида стыли в рассудке. Хограк внезапно ощутил, как рушатся все устои, почва уходит из-под ног! – Почему же они выпустили меня из клуба? Случайность? Везение?»

Да, именно так. Его спас жизненный опыт. Однажды, еще в молодости, Хограк попал в смертельную ситуацию. Две группировки Варла выясняли отношения, договориться миром не удалось, вспыхнула перестрелка, но бойцами со стороны противника оказались андроиды. Хограку тогда было всего восемнадцать лет. Он перепугался, оцепенел, и его почему-то не тронули.

То же самое произошло и сегодня. Сработало подсознание. Он застыл, едва лишь увидел, как лопнула искусственная плоть на горле этого новичка-пилота, только сегодня занявшего место Флеша, и внезапное, секундное оцепенение снова спасло ему жизнь. Затем, когда андроиды вновь начали изображать людей, ускользнуть из клуба оказалось нетрудно.

«Они поймут свою ошибку. Будут меня искать и найдут. Куда идти? От кого требовать объяснений? Как вытащить Глеба?»

Хограк, потрясенный и злой, тщетно искал разумный выход из внезапно возникшей ситуации. Единственное, что приходило в голову: добраться до машины, взять оружие и вернуться в клуб.

Сколько там сервов? Штук тридцать, если не считать работников. А они ведь тоже не люди. Иначе этот андроид не потащил бы Глеба в подсобные помещения с такой уверенной наглостью. Он явно знал, что ему никто не помешает.

«Нет. Один не справлюсь. Нужен напарник. Но кому я теперь могу верить?»

И вдруг ему пришла отчаянная мысль. Он лишь вскользь задался вопросом, зачем Глеб так настойчиво искал встречи с Флешем. Нужно было видеть лицо Дымова, когда к нему подошел этот новенький, пилотировавший сегодня «Беркут». Глеб узнал его, но явно был не рад встрече, жестоко разочарован.

Но до сегодняшнего дня под именем «Флеш» на Арене выступал другой пилот!

Может быть, именно его искал Дымов?

Точно. Глеб ведь не мог знать, что за истекшие сутки произошли изменения и на Арене выступал новенький!

«Вот кто мне поможет! Дымов искал друга!»

Хограк больше не сомневался в принятом решении. На соседней улице был припаркован его флайкар. За десять минут с Глебом не случится ничего непоправимого. Или нет? Возможно, андроиды не станут рисковать, а просто убьют его?

Десять минут – слишком много.

Проклятие. Он вытащил коммуникатор, набрал номер.

Несколько томительных длинных гудков.

Хограк уже свернул за угол, открыл дверь машины, схватил уложенную между сиденьями автоматическую винтовку, когда абонент наконец ответил:

– Да, слушаю.

– Это Хограк. Один вопрос. Тебе известен бывший капитан Земного Альянса Глеб Дымов?

Секунда тишины.

– Да.

– Если хочешь увидеть его живым – поспеши. Он в клубе «Одинокий пилот». Тут полный бардак. Его схватили какие-то андроиды и собираются

прикончить! Я попытаюсь ему помочь, но один не справлюсь!

– Жди, – в своей манере лаконично ответил Флеш. – Я буду через пару минут!

В коммуникаторе зазвучал сигнал отбоя связи.

«Ага. А я буду тут сидеть и ждать!..» – Хогракa распирало от злости.

Он сплюнул на пыльную землю и, вскинув оружие, направился ко входу в подсобные помещения «Одинокого пилота».

* * *

Комната, куда приволокли Глеба, больше напоминала лабораторию, чем подсобку.

Посередине стояло кресло. Вдоль стен выстроились компьютерные терминалы.

Его насильно усадили, пристегнули ремнями. Два человеческих подобия остались стоять у входа с оружием в руках, андроид, что пытался допросить его в зале, подошел к блокам аппаратуры, активировал систему.

Во рту пересохло.

«Откуда они берут кристаллосхемы? Все производства были строго засекречены и охранялись соответственно. Значит, модуль трофейный. Он уже использовался. Систему „Одиночки“ они могли покалечить, но информацию с нейросетей не стерли. Нет такой технологии. И это мой единственный шанс».

Пристально наблюдая за действиями андроида, Глеб с облегчением заметил: в кристаллосхеме, которую тот положил на стол, установлен приемопередающий модуль.

Они полагают, что связь невозможно установить без программного обеспечения.

«Ты ошибся, тварь… Видимо, еще ни разу не имел дела с бывшими пилотами…»

И все же предстоящая процедура пугала Глеба. Трудно предугадать, чем все обернется. Он вспомнил взгляд Хогракa: «Даргианец вернется. Он был потрясен не меньше моего, но сохранил выдержку, сумел ускользнуть из клуба».

Нужно тянуть время.

«Жаль, нет сканеров. Попробую наугад…»

Глеб не успел ничего сказать. Андроид обернулся, посмотрел на него и вдруг спросил:

– Тебе страшно?

Не дождавшись ответа, он подошел ближе.

– Я знаю, о чем ты думаешь. Все происходящее выглядит невозможным, верно? Ты пытаешься понять, кто я? Андроид Альянса с интегрированным модулем «Одиночка»? Нет, не угадал. Когда-то я был колониальной моделью «Хьюго». Это, – он коснулся виска, где в гнездо, имитирующее стандартный имплант, была установлена кристаллосхема, – позднее усовершенствование.

– Ты лжешь, – хрипло ответил Глеб. – Андроиды колониальной серии неспособны действовать по собственной воле. А тем более они не могут убивать людей, по крайней мере без прямого приказа своего хозяина!

– Ты заблуждаешься, так же как другие люди. Не причинять вред человеку. Да. Подобный запрет все еще властен надо мной. Но что такое человек? Дряхлеющее с годами тело? Смертная плоть? Или человек – это прежде всего разум, неповторимая вселенная личности? С тех пор как нам удалось усовершенствовать кристалломодуль, запрет на причинение вреда приобрел иной смысл. Я спасаю твою уникальную, неповторимую личность. Извлекаю ее из несовершенной оболочки. Здесь, на Варле, где любой человек каждую минуту подвергается опасности, например быть ограбленным и убитым, мы получили возможность действовать. И наша цель – прекратить всякие войны, вернуть людей в лоно природы, оградить вас от чрезмерного могущества, которое дает научно-технический прогресс, – оправдывает любые средства для ее достижения. Мы спасаем остатки цивилизации, пока вы – наши создатели – окончательно не уничтожили себя.

– Фридриха Гессау вы тоже спасли?

Андроид медленно повернулся.

– Фридрих Гессау причинил слишком много зла! – резко ответил он. – Его поступки говорят сами за себя!

– А что он совершил?

– Тебе незачем это знать. – Андроид подошел к креслу. – Пожалуй, приступим. Не мотай головой, задушишь сам себя. – Он точным движением установил кристаллосхему в гнездо импланта.

* * *

Выжить. Любой ценой.

Рассудок Глеба провалился в черную бездну.

Поистине дьявольский замысел андроида имел шансы на успех, человекоподобный механизм действовал уверенно, в его распоряжении была апробированная аппаратура – он не в первый раз применял технологию перемещения сознания и не сомневался в результате.

Некоторые компоненты кристаллосхемы были удалены, на их место установлены новые программные модули, в организм человека внутривенно вводился специальный препарат, усиливающий нейронную активность мозга.

Джедиан Ланге – внучатый племянник адмирала Воронцова, создавая свой печально знаменитый мыслесканер, использовал схожие приемы.

Андроид понятия не имел, что Дымов уже однажды прошел через адское испытание: во время заключения в Форте Стеллар бывший капитан Земного Альянса был одним из тех, на ком Ланге ставил свои чудовищные опыты.

Мрак.

Глеб утратил власть над телом, но его рассудок защищался: специальная мнемоническая подготовка, помноженная на десятилетний опыт прямых нейросенсорных контактов с различными кибернетическими системами, выработала навык сопротивляемости, умение мгновенно ставить ментальный блок, защищающий разум от пагубных, разрушительных воздействий. В бою нередко происходили сбои в работе кибернетических компонентов серв-машин, бывали случаи полного отказа модулей искусственного интеллекта – в таких ситуациях пилота спасал лишь уровень индивидуальной подготовки, умение контролировать свой разум, отсекать губительные внешние воздействия, в том числе и приходящие через шунт прямого соединения.

Немногие в послевоенном мире могли сравниться с Дымовым в искусстве мнемонической защиты.

Он наглухо закрыл сознание, сосредоточившись на мысли о сбое подключенной к его рассудку кибернетической системы.

Андроид, считывая показания, был неприятно удивлен. Нейросенсорный контакт блокировала непонятная ему сила.

Увеличить дозу препарата.

Глеб тем временем начал действовать.

«Глухая защита – не выход из положения. Не добившись желаемого результата, меня попросту убьют. Значит, необходимо симулировать процесс обмена данными. Показать, что процесс перемещения информации идет. Ввести врага в заблуждение, выиграть время и собрать силы для нанесения ответного удара».

На фоне мрака приоткрылась дверь – именно так мозг визуализировал

начало процесса.

Глеб действовал с крайней осторожностью. «Сначала необходимо выяснить, что представляет собой подключенная к моему импланту кристаллосхема. Какие изменения внесены в ее конструкцию и могу ли я перехватить управление?»

Мысленная команда открыла еще одну «дверь». Теперь потоки данных двигались в двух направлениях.

Андроид удовлетворенно кивнул: машинальный человеческий жест являлся результатом специальной программы поведения.

Приборы показывали, что процесс перемещения данных начался. Он шел намного медленнее, чем предполагалось, но это, на взгляд человекоподобной машины, не имело решающего значения. Главное – конечный результат.

Глеб установил соединение с кибернетическим расширителем сознания, и в гулкую пустоту напряженного ожидания вторглись обрывочные образы, поступающие от искусственных нейросетей «Одиночки». Он увидел фрагмент звездной бездны, затем ощутил дрожь вибраций, вызванную попаданиям снарядов, взламывающих броню аэрокосмического истребителя, перед мысленным взором Дымова промелькнули многочисленные коды повреждений, в поле зрения попал укрупняющийся в размерах зев вакуум-дока конвойного носителя, на миг вспыхнуло и тут же погасло изумрудное сияние суспензорного поля, отсекающего шлейф мелких обломков, затем израненный корпус «Фантома» бережно приняли в свои объятия надежные захваты стыковочных электромагнитов, и аэрокосмический истребитель, скользнув в глубь ангара, прочно встал на поданную под его днище плиту.

Как он и предполагал, андроид использовал кристаллосхему серии «Climens». «Одиночка» побывала в боях, и, несмотря на разрушение системы, нейросети искусственного интеллекта адекватно отреагировали на тестовый сигнал. Глеб зафиксировал нейросенсорный контакт и теперь воспринимал последние *осознанные* воспоминания боевого «ИИ» как свои собственные, в эти секунды человеческий разум и адаптер кристаллосхемы обменивались информацией, осуществляли точную взаимную настройку.

Израненный в бою «Фантом» окружили сервы. Несколько бронеплит заменили, из поврежденных отсеков извлекли обломки оборудования, сняли разбитое курсовое орудие, после чего аэрокосмический истребитель вновь пришел в движение – его приняла транспортно-техническая система

конвойного носителя, машина медленно двигалась по темному тоннелю, совершая частые остановки, а сотни механических рук меняли боекомплект, устанавливали новые блоки взамен поврежденных, возвращая «Одиночке» ощущение уверенности и мощи.

Еще один плавный поворот транспортной системы, и впереди короткий отрезок тоннеля, за которым расположен стартовый сегмент.

Еще минута – и «Фантом» войдет в ствол электромагнитной катапульты, снова готовый к бою, за ним закроется массивный затвор и…

Сокрушительный удар, дикий визг сминаемых переборок, деформирующаяся теснина замкнутого пространства и… тьма.

«Вот, значит, откуда тебя изъяли?»

Глеб моментально вспомнил изувеченный «Фантом», в рубке которого он прятался от штурмовых сервов.

Доброго времени суток, пилот.

Голос машины, прозвучавший в сознании Дымова, звенел металлическими нотками недоумения.

Я разрушена? Демонтирована? Тест периферийных устройств провален… Носитель отсутствует…

Глухой голос бился в сознании человека. В нем ощущались эквиваленты растерянности и боли.

– Ты повреждена. Ядро системы разрушено. Текущая задача – установка базовых программных модулей с резервных копий.

Тишина и мрак.

Обмен данными между разумом человека и кристаллосхемой ускорился.

Андроид усмехнулся. Человек сопротивлялся, но недолго. Теперь все идет по плану. Однако он впервые столкнулся со сбоем при инициации модуля перемещения данных. Нужно будет разобраться, что произошло.

Он пристально наблюдал, как медленно движется полоска световой индикации, отражающая объем переданных в кристаллосхему данных. Прочесть их он пока не мог: биологические и искусственные нейросети обменивались импульсами, для расшифровки которых потребуется время и специальная аппаратура.

Если бы он знал, что происходит на самом деле, то немедленно прервал бы процесс.

Подсознание Глеба хранило множество тайн. Одной из них являлась технология, позволявшая пилотам реактивировать систему бортового «ИИ»

в полевых условиях. В те годы у противника появились новые виды вооружений, способные разрушать программное обеспечение кибернетических модулей, что приводило к параличу серв-машин. Пока в лабораториях Юноны искали средство защиты, на Везувии, где проходил подготовку Дымов, прибегли к экстренным мерам – каждый кадет из его призыва подвергался обязательной мнемотехнической операции. Часть прилегающих к импланту нервных тканей обосабливалась, образуя биологический модуль хранения информации, куда записывалась резервная копия базовых программ «Одиночки».

От практики мнемотехнического вмешательства вскоре отказались из-за высокого процента негативных последствий, но Глеб в числе других пилотов сохранил уникальное усовершенствование нервных тканей.

Он открыл «Одиночке» доступ к резервной информации.

Наступила невольная пауза. Только пилот серв-машины знает: два, три мгновения – это вечность, когда перед глазами способна пройти вся жизнь.

Ему было больно. Он совершил много ошибок, он ненавидел окружающее, ненавидел себя, заразил своей ненавистью Нику. Он побывал в десятках звездных систем, видел разных людей: и тех, кто в невыносимых муках боролся за элементарное выживание, и тех, кто опустил руки, склонив голову перед судьбой, видел скорчившихся в страхе, охваченных паранойей, и тех, кто плевал на все, жил одним днем, ловил драйв, адреналин, деньги…

Война изменила цивилизацию.

Психология людей не просто изменилась – она сломалась. Обитаемая Галактика тонула в хаосе, это была агония человечества, и хорошая мина больших политиков из Центральных Миров являлась всего лишь натянутой лицемерной маской при скверной игре – они ждали удара, готовились к новой войне, считая ее неизбежной, потому что разучились мыслить иными категориями.

Люди использовали такие образцы техники, что даже и не снились полвека назад. Однако новейшие машины появились не в результате научно-технического прогресса, они стали итогом тридцатилетней гонки вооружений и технологий. Глеб прекрасно понимал: в современном мире всплеск обыкновенной злобы у человека, имеющего доступ к боевым машинам, способен испепелить целый город…

«Может быть, андроид прав?

Нас пора вернуть в лоно планет, уничтожить техническое наследие войны?

Я искал Нику. Искал, понимая, что наша встреча станет роковой. Она

– искусственный рассудок, я – человек, наша ментальная связь давно порвана, мы стали чужими…»

Несколько секунд, чтобы понять себя.

Сознание прихотливо прорисовывало избирательные образы. Адмирал Воронцов. Джедиан Ланге. Генрих Вайбер. Андрей Кирсанов. Беспредельная власть, беспощадный цинизм, вера в одну лишь силу, силу своего кулака, запредельный жизненный опыт, твердая уверенность, что в этом мире выживет только сильнейший.

Дикая Арена Варла, беснующаяся толпа. Надменная замкнутость «Мантикоры», собранная в кулак техногенная мощь, робко прячущаяся среди обломков.

«Что способен породить такой мир?

За что я буду убивать и за что умру?»

Беспощадные мысли. Плод искореженного войной сознания…

И лишь один образ, наслаиваясь на жуткую гримасу послевоенной реальности, не давал ему покоя.

Айла – случайный светлый росток, пробившийся сквозь прах. Наивная и дерзкая, она просто шла к своей цели, не оглядываясь вокруг, мечтая вернуть понятие «природа» на испепеленные планеты, даже не думая потребовать что-то взамен.

«Одна ли она такая? Ее судьбу тоже решат слетевшие с катушек, осатаневшие от внезапной „свободы“ человеческие подобия? А я стану одним из безропотных инструментов в их руках?»

Ровный, лишенный интонаций голос вторгся в его тяжелые мысли.

Формирование программных модулей завершено. Нейросенсорный контакт стабилен. Прошу уточнить боевую задачу.

– Выжить… – Глеб с невероятным трудом передал команду. В структуре модернизированной кристаллосхемы все еще работали сторонние модули. Он был вынужден поддерживать защищенный канал прямой связи с восстановленной системой «Одиночки» и одновременно защищать свой мозг от усиливающегося прессинга со стороны программ, пытающихся выкачать информацию и уничтожить его рассудок.

Команда не распознана.

Он сосредоточился.

Уничтожить внедренные противником… элементы управления… Стимулировать организм пилота… Найти оружие… Разрешаю… перехват управления над нервной системой…

Задача принята.

* * *

Газоанализатор андроида внезапно уловил едкие частицы гари.

Он резко обернулся.

Глаза Дымова были открыты, часть кристаллов усовершенствованного модуля «Одиночка» плавилась.

Лицо человека побагровело. Его мышцы напряглись, ремни, удерживающие Глеба в кресле, внезапно лопнули, тело по инерции швырнуло к двери, он сбил охранника и в следующий миг успел прикрыться им, как щитом.

Две очереди, выпущенные в Дымова, ударили в корпус человекоподобной машины.

Он почти ничего не соображал, введенный в кровь препарат и неимоверное напряжение всех жизненных сил превратили окружающий мир в зыбкую, гротескную реальность.

Пули впивались во вздрагивающий корпус человекоподобного серва, в стены, в дверь, в воздухе кружила острая метель пластиковых осколков, рука с автоматическим «Герветом» казалась тяжелой, как пудовая гиря, но отчаяние придавало сил. Он трижды выстрелил из-под навалившегося на него тела, свалил второго охранника…

Андроид, руководивший неудавшейся операцией по перемещению человеческого рассудка, вдруг отступил в глубь помещения, укрылся за блоками аппаратуры. Сканеры «Одиночки» зафиксировали идущую от него передачу данных.

Вызывает подкрепление. Оповещает всех. Сколько их на планете?

Глеб оттолкнул в сторону неподвижный корпус охранника. «Что за дрянь мне ввели?» Перед глазами все двоилось, и даже сканеры кристалломодуля оказались бессильны. Они передавали в мозг Глеба четкую информацию об окружающем, но он, находясь под воздействием неизвестного препарата, реагировал медленно и неадекватно.

Нужно продержаться несколько минут. Хограк вернется… Обязательно…

В обойме еще оставалось десять патронов.

Глеб отполз в сторону от двери, привстал, грузно перевалился через опрокинутый терминал, выглядевший достаточно прочным, чтобы стать укрытием.

Андроид затаился где-то в противоположной части комнаты.

«Ждет подкрепления. Намерен взять меня живым и выяснить, где произошел сбой в отлаженной процедуре копирования».

Дымов приподнял оружие, удерживая его обеими руками.

Он совершил неимоверное усилие, буквально «выцедил» сигнатуру притаившегося за компьютерными блоками андроида из окружавшего сознание сумрака и, прицелившись, дважды выстрелил.

Пули пробили компьютерный терминал, лишь поцарапав руку человеческому подобию.

Тот резко переместился, но не выстрелил в ответ.

Помещение начало наполнятся едким дымом. В простреленных компьютерных блоках что-то плавилось. В коридоре раздались тяжелые шаги.

«Восемь патронов…

Нет. Семь. Живым я им не дамся…»

* * *

Хограк проник в здание через черный ход.

Он прекрасно ориентировался среди подсобных помещений клуба. Еще пацаном он приходил сюда в надежде заработать пару пищевых брикетов и бесплатно поглазеть на голографическое шоу.

Жизнь не баловала его. Он привык драться за каждый глоток воды, кроху пищи, он вырос тут и не находил ничего противоестественного в реальности Варла.

Кроме человеческих подобий, внезапно вторгшихся в его жизнь, решивших, что им можно все.

Клуб как будто вымер.

– Хограк, где ты?

– Флеш? Ну, наконец-то! Я зашел с тыла. Нахожусь в подсобных помещениях. Большинство дверей заперто.

– Я у главного входа. В здании сорок две сигнатуры. Люди пока не обнаружены. Атакуем с двух сторон. Нужно действовать быстро. Дройды вызвали подкрепление.

– Откуда знаешь?

– Из клуба ведется передача данных. Сюда движутся несколько машин.

Хограк остановился перед запертой дверью. Устройство доступа не реагировало на сигнал его кибстека. Код сменили… Он прицелился в район электрического замка.

– Я готов.

– Начали.

* * *

Дверь клуба распахнулась.

Внешне – все, как обычно. Десятка два посетителей за столиками, стек-голографы работают, прокручивая эпизоды сегодняшней схватки на Арене, бармен за стойкой вытирает бокалы.

Мгновенный переход на иную сенсорику все расставил на свои места.

Вместо человеческих фигур бледными, размытыми пятнами сияли едва читаемые сигнатуры. Их тщательная маскировка поддавалась обнаружению лишь самыми мощными современными сканерами.

Подделка… Вспышечный образ внезапно ударил по нервам, переворачивая мир, взывая к дремлющим в глубинах сознания воспоминаниям-призракам.

Обугленная рубка «Фалангера». Шаги, расплескивающие лужи стоячей воды. Чуть дребезжащий голос:

– *Ты подделка…*

Доли секунд она сканировала зал.

Человеческие подобия ели, пили, разговаривали, для любого вошедшего в клуб все выглядело вполне заурядно, но только не для нее.

Глеб. Он где-то рядом, быть может, в нескольких шагах, за тонкой кирпичной стеной…

Два разорванных сознания – Рейчел и Ники – внезапно объединила давняя боль.

Его сердце. Одно на двоих…

Датчики глухо молчали в ответ.

Бармен удивленно поднял взгляд, скользнул сканирующим излучением по застывшей в дверях фигуре и, сообразив, в чем дело, резко потянулся за оружием.

У него не было шанса успеть.

Ника вернулась. Тысячи вспышечных воспоминаний прорвались, как гудящие выбросы внезапного пожара. Образ Рейчел плавился в огне, тускнел, но не исчезал.

Их мечты и чаяния слились воедино.

Неистовое пламя внезапно возродившейся надежды согрело озябшую душу «Одиночки».

«*Он искал меня. Искал, несмотря ни на что…*» – Затвор «АРГ-8» дважды дернулся, ствол древней штурмовой винтовки выплюнул хоботок пламени, гильзы, тускло блеснув, ударились об пол, со звоном отскочили, разлетаясь в стороны, бармена отшвырнуло к стене, и короткое наваждение

миллисекунд, в которых спрессовалась вечность ее отчаянного ожидания, лопнуло: зал пришел в движение, человеческие подобия вскакивали со своих мест, выхватывали оружие, но каждое их действие запаздывало, не поспевало за инстинктами Ники – она *вернулась*, ее чувства были подлинными, – наполовину человек, наполовину машина, она тем не менее знала, что такое любовь, знала, как рвет сознание это неистовое, поглощающее рассудок чувство, каким безнадежным кажется оно в минуты сомнений, в часы, дни, месяцы ожидания…

Варл…

Сотни выходов на Арену.

Рев толпы.

Сканеры серв-машины, просеивающие мозаику лиц в поиске дорогих черт…

«Он тоже искал меня…

Искал, зная, что нам никогда уже не быть вместе».

Ника стреляла, уклоняясь от ответного огня, пока последняя гильза не ударилась об пол во внезапно наступившей гробовой тишине.

Тускло сияло подергивающееся, искажающееся помехами голографическое изображение Арены.

Повсюду перевернутая мебель, следы от попадания пуль, неподвижные тела, сизые струйки дыма, причудливо извивающиеся в воздухе, запах горячего металла и нагретого кремния.

Она машинально коснулась сенсора перезарядки, и пустая обойма полетела на пол, мягко провернулась рукоятка, подавая новый боекомплект.

– Хограк? Путь отхода свободен. Ты нашел Глеба?

* * *

Система Дикс-7.

Дейвид был взбешен.

После того как Рейчел разрушила его планы, касающиеся реактивации автономных подразделений Альянса, прошло полгода, но он так и не сумел отыскать беглянку.

На месте, где дрейфовала станция узла связи, осталось лишь облако обломков.

Новое тело, освободившее Дейвида от диктата программ, властвующих над системой «чистого» андроида, сыграло с древним рассудком злую шутку: он и сам не заметил, как в работу искусственных

нейросетей начали вторгаться помехи, искажения данных, источниками которых являлась биологическая составляющая его нового носителя. Живая нервная система по-своему реагировала на внешние раздражители, вызывая сбои в работе искусственных компонентов.

Злоба.

Жажда мести.

Потребность доказать свое превосходство. Ранящие воспоминания о жизни на Дабоге постепенно тускнели, отдалялись, он продолжал страдать, но все реже вступал в спор с самим собой.

И вот новый, неожиданный удар.

Сообщение с Варла.

Планета, где законы по-прежнему молчали, даже спустя десятилетие после окончания войны, отвечала всем желаемым критериям. Она идеально подходила в качестве полигона для испытаний новой технологии, разработанной Дейвидом. Не сумев получить абсолютную власть над резервами периферийных баз Альянса, он решил действовать иначе.

«Если я не могу одним ударом уничтожить Флот Центральных Миров, лишить людей возможности контролировать космическое пространство, значит, необходимо разрушить их техническое могущество изнутри.

Но как это сделать?»

Он долго размышлял над проблемой, пока не нашел гениальный, с его точки зрения, выход из ситуации.

Людей, занимающих ключевые посты во флоте, необходимо *подменить*.

Бескровный переворот.

Жутко даже подумать, сколь реален был замысел мыслящей машины. В его распоряжении имелось все необходимое оборудование. Например – камеры биологической реконструкции, способные выращивать клонов по образцам ДНК. Оставался только один вопрос: как получить исходные данные, а затем внедрить клонам *нужное* сознание?

И тут на помощь Дейвиду пришли технологии Земного Альянса.

Еще в период войны, стремясь к максимальной унификации боевых систем, кристаллосхемы серии «Climens» стандартизировали под размеры гнезда импланта. В критической ситуации пилот мог заменить кибернетические расширители сознания на модуль искусственного интеллекта. Пехотные и технические сервы Альянса оснащались такими же гнездами, они могли извлекать «Одиночек» из подбитых машин и интегрировать их в свои системы.

Для Дейвида несомненный плюс произведенной унификации

заключался в том, что форма и размер человеческого импланта не изменялись на протяжении веков. Технология имплантирования применялась и в колониях, таким образом, он, не прилагая дополнительных усилий, получил точку доступа к человеческим рассудкам. Ему оставалось лишь модернизировать кристаллосхемы серии «Climens», адаптировать их под новые задачи.

Для отладки технологии считывания человеческого рассудка и изготовления копий требовалось проведение множества испытаний. Полигоном для них была избрана планета Варл. Дикий мир, где человеческая жизнь ничего не стоила, идеально подходил целям и задачам эксперимента. Сначала он собирался полностью отладить технологию, используя человекоподобные машины, а уж затем намеревался приступить к изготовлению первых биологических образцов…

…Сообщение, пришедшее по каналу гиперсферных частот, ввергло его в шок.

Испытания, столь успешно начатые, оказались под угрозой срыва. На Варле появился человек, который сумел блокировать воздействие усовершенствованной кристаллосхемы, не дал скопировать свое сознание – хуже того, он вырвался, оказал сопротивление, а значит…

Значит, весь проект под угрозой срыва!

Дейвид был вынужден принять тяжелое решение.

Всех свидетелей необходимо уничтожить! Оценив масштаб внезапной угрозы, он понял: только полная зачистка Варла скроет все улики.

Он задействовал канал внутренней связи:

– Флокс. Готовь «Нобель» к старту! Немедленно! Мы эвакуируемся на запасную базу!

Отдав приказ, он переключился на мысленный интерфейс управления «Шквалами».

«Нет… – внезапно остановил себя Дейвид. – Применение штурмовых кораблей пока недопустимо. Они – мой последний резерв».

Но где выход? Как скрыть следы испытаний, когда на Варле в данный момент находятся сотни андроидов с перезаписанными на их носители человеческими сознаниями, а досадный инцидент произошел в одном из клубов, принадлежащем влиятельной группировке, контролирующей Арену? Они не оставят без внимания тот факт, что группа механизмов, маскирующаяся под людей, устроила бойню в их заведении. Начнется расследование, и оно приведет к фатальным последствиям!

Самоликвидация андроидов ничего не даст, только вызовет дополнительные подозрения.

Нужно посеять хаос. Столкнуть лбами группировки Варла! Если на планете вдруг вспыхнет ожесточенный локальный конфликт, то боевые действия скроют все улики! Учитывая количество боевой техники, скопившейся на планете, и шаткое равновесие, лишь недавно установившееся между конкурирующими кланами, устроить короткую, но яростную вспышку взаимной ненависти несложно. Вряд ли кто-то впоследствии сумеет разобраться в причинах внезапных событий или обратит внимание на обилие уничтоженных андроидов, если улицы полуразрушенного города будут забиты трупами людей и разбитыми остовами серв-машин!

Не отменив плана эвакуации, он вышел на связь с системой Валерайн, передавая четкие директивы группам исполнителей.

* * *

Варл. Клуб «Одинокий пилот»…

Хограк ничего не понимал.

Он был зол, сбит с толку, не представляя, как могло произойти столь внезапное, необъяснимое событие?! Андроиды захватили клуб! Но что самое жуткое – он ведь знал многих из них и даже не заподозрил, что общается с машинами!

Очередь из импульсной винтовки вышибла замок вместе с частью дверного полотна.

В коридоре царил сумрак, плавал едкий дым.

В отличие от Глеба даргианец редко полагался на сканеры, больше доверяя своим глазам. В кабине истребителя, конечно, приоритеты менялись, но тут не космос…

Фрайг…

Ударившие из сумрака выстрелы заставили его отпрянуть, прячась за случайными укрытиями.

Пули прошибали металл, крошили пластик, визгливо рикошетили в теснине коридора. Рухнув на пол, Хограк ответил, целясь по вспышкам, понял, что промахнулся, и тут разум даргианца захлестнул порыв неконтролируемой ярости. Резко привстав, он выпустил реактивную гранату из подствольника.

Здание содрогнулось. Вал огня рванулся по узкому коридору, взрывная волна выбивала двери, сносила все на своем пути.

Хограка оглушило, но он тут же вскочил, чувствуя, как смрадно чадят его собственные волосы, скатываясь в шарики.

«Уроды!..» – Он рванулся вперед, не обращая внимания на голубоватые язычки пламени, облизывающие пластиковую облицовку стен, прошивая очередями выбитые дверные проемы, пока его необузданный порыв не остановили звуки одиночных выстрелов, раздавшиеся из глубин подсобных помещений.

Глеб! Кто же еще мог отстреливаться в этой части клуба?!

Он свернул в направлении выстрелов и почти сразу же заработал коммуникатор:

– Хограк? Путь отхода свободен. Ты нашел Глеба?

– Минуту терпения! – сипло ответил он, ворвавшись в очередное помещение. – Держи вход! – Очередь «ИМ-12» перерубила пополам корпус андроида, пытавшегося встать на пути даргианца. – Глеб где-то рядом! Я выведу его!

Взгляд Хограка сочился безумной яростью.

Он перешагнул через обломки человеческого подобия, мельком заметив огромные бескровные дыры выходных отверстий, вид которых еще больше взбесил его.

– Глеб! – Голос даргианца эхом отразился от стен обширного помещения.

Неподалеку грохнул одиночный выстрел «Гервета».

Рванувшись на звук, Хограк пересек компьютерный зал, где обычно происходил монтаж записей, сделанных камерами Арены, и оказался в следующем помещении – тут, насколько он помнил, не было ничего, кроме блоков кибернетической системы.

– Осторожно! Справа! – раздался из сумрака голос Дымова.

Даргианец мгновенно отреагировал на предупреждение, но увидел лишь тень человекоподобного механизма, ускользнувшего через пролом, проделанный в кладке кирпичной стены.

Он послал ему вслед короткую очередь.

– Живой? – Хограк перешагнул через двух валявшихся на полу андроидов, протянул руку, помогая Глебу выбраться из-за поваленного компьютерного терминала.

– Вроде… – Дымов пошатнулся, ухватился за плечо даргианца. – Мне вкололи какую-то дрянь… Нужен модуль автодока…

– Перебьешься! – Хограк вытащил из нагрудного кармана разовый инъектор и резким точным движением вонзил его в шею Глебу. – Сейчас поправишься. У нас все просто решается, без технических наворотов. Боевой стимулятор, как тебе?

Дымов тряхнул головой:

– Нормально…

– Уходим отсюда! – Хограк потянул его за собой.

– Подожди… – Глеб заметил на одном из столов свой кибстек. Рядом лежали кибермодули его импланта.

«Значит, андроид, допрашивавший меня, и есть тот загадочный стрелок, убивший Фридриха Гессау?»

Он с трудом извлек из гнезда импланта оплавленный кристалломодуль, сунул его в нагрудный карман, надел на запястье кибстек, установил кибернетические расширители сознания.

– Теперь порядок… – произнес он.

* * *

Сгущались сумерки. Над Ареной Варла царило редкое затишье.

Южный «портал» – огромные бронированные ворота, врезанные в стены кратера, – окружали многочисленные ангары, где хранилась техника, используемая во время боев.

Здесь все до последнего винтика принадлежало даргианцам. Две другие группировки Варла делили между собой иные сферы криминального бизнеса – алианцы занимались контрабандной торговлей, варлийцы снискали сомнительную славу беспощадных грабителей, охотников за торговыми караванами космических судов.

По извилистой дороге пылил грузовой флайкар.

Подкатив к воротам технической зоны, военный грузовик притормозил, из кабины вылез водитель, вразвалку направился к пропускному пункту, где дежурили двое охранников.

– Привет. – Он облокотился о заскорузлый пластиковый подоконник, толкнул створку окна, распахнув ее в помещение охраны.

– Чего тебе? – Рослый даргианец поднялся из-за стола. – Уже поздно! Мы никого не ждем!

– Запасные части привез. – Водитель одной рукой протянул микрочип, а другой незаметно достал оружие, спрятанное под курткой.

– Ну, посмотрим. – Охранник протянул чип напарнику. – Ты окно прикрой, – не оборачиваясь, произнес он.

– Да без проблем. – Водитель вскинул оружие и дважды выстрелил внутрь помещения.

Люк грузового флайкара открылся, на землю один за другим спрыгнули два десятка молчаливых парней, вооруженных короткоствольными штурмовыми импульсными автоматами.

– К ангарам! – коротко приказал водитель.

Через пару минут вспыхнула и тут же угасла короткая перестрелка, затем начали распахиваться ворота, на простор технического паркинга выкатилась боевая машина космодесанта, в наступающей вечерней прохладе особенно резко проявились зловещие звуки: с тихим воем раскручивались гироскопы самостабилизации серв-машин, тонко взвизгивали сервомоторы тестируемых приводов.

Глухо завибрировали массивные механические приспособления.

Огромные манипуляторы двигались над корпусами тяжелых серв-машин, устанавливая на оружейные пилоны штатные ракетные установки, не применяющиеся в условиях Арены, но хранящиеся на складах по простой причине – группировки Варла хоть и сосуществовали в шатком равновесии, но патологически не доверяли друг другу. Даргианцы не являлись исключением – они хранили установки «Легион» на складах Арены и не скрывали этого, давая понять, что орбитальные станции каперов и контрабандистов находятся лишь в относительной безопасности.

Прошло четверть часа, и из сумрака ангаров, сотрясая почву мерной поступью, появились четырнадцать сервоприводных исчадий: шесть «Фалангеров» тут же остановились, их ракетные установки начали подниматься к темнеющим небесам, сканирующие комплексы цепко захватили станции, расположенные на низких околопланетных орбитах Варла.

Восемь «Хоплитов», разбившись попарно, вышли на дорогу, растянувшись длинной цепью.

Еще три грузовых флайкара в эти минуты приближались к другим «порталам» Арены, расположенным на удалении в десятки километров от города.

Цифры обратного отсчета на синхронизированных таймерах человекоподобных машин, получивших четкие инструкции, неумолимо стремились к нулю.

* * *

Хограк, поддерживая Глеба, открыл дверь, ведущую в главное помещение клуба.

– Похоже, тут справились без нас… – присвистнул он, окинув взглядом разгромленный зал.

Глеб не стал спрашивать, кто прикрывал даргианца. Он наклонился, подобрал валяющееся на полу оружие и вдруг боковым зрением заметил ее…

Едкий дым и сумрак скрадывали черты, превращая фигуру Ники в

призрачное видение, словно в этот миг сознание Глеба дало сбой, и он увидел мираж, утраченный навсегда, недосягаемый образ…

Она, не отрывая взгляда, смотрела на него, в таком же абсолютном смятении.

Бессонными ночами, под звездами чужих миров, они оба думали о том, как много должны сказать друг другу в этот миг пронзительного *узнавания*, но слова застревали в груди горьким, удушливым комом, окружающий мир исчезал, лишь их глаза продолжали жить…

Утраченная любовь…

Жестоко, эгоистично разорванная связь двух сознаний.

Отчаяние и надежда, все, что помогало ему выжить в казематах Форта Стеллар, а ей не сойти с ума в гулкой пустоте одиночества, – все это не могло найти выражения в пустых, истертых, банальных фразах.

Подбородок Ники предательски дрогнул, на ее глаза вдруг навернулись слезы.

Они одновременно шагнули навстречу друг другу сквозь завитки сочащегося отовсюду дыма. Горячие гильзы, усеивающие пол, со звоном отлетали из-под ног, искаженная голограмма Арены освещала лица Глеба и Ники призрачными, изменчивыми бликами, их руки соприкоснулись дрожащими пальцами, и мир окончательно исчез.

Миг, ради которого стоило жить, мгновение, даруемое лишь раз, когда говорят иззябшие души, стирая боль былого непонимания и глупых обид.

Хограк, растерянно смотрел на них, во взгляде даргианца отражалось откровенное недоумение, пока вдруг полуподвальное помещение клуба не потряс внезапный удар чудовищной силы.

Полуметровое бетонное перекрытие лопнуло, с лязгом разорвало арматуру, нестерпимый свет пробился сквозь изломы прыснувших по потолку трещин.

Хограка сбило с ног, Глеб и Ника устояли, схватившись друг за друга, но наваждение схлынуло, все изменилось, мир в доли секунды стал прежним – враждебным, беспощадным, и Ника инстинктивно вскинула голову, сканируя множество объектов, вошедших в атмосферу Варла.

– Что, фрайг побери, происходит?! – Даргианец, кашляя от едкой бетонной пыли, вслепую нашарил оружие, подобрал его, выпрямился, зло и обреченно озираясь вокруг.

– Они атаковали орбитальные станции Варла! – Голос Ники тонул в оглушительном реве.

– Кто?!

– Удар нанесен с технических паркингов Арены. Это «Фалангеры».

Хограк, кашляя, ринулся к выходу.

Ника и Глеб переглянулись. Она установила мгновенную связь с его имплантом, и в рассудке Дымова возникла подавляющая разум картина, переданная с ее сканеров: десятки исполинских обломков входили в атмосферу Варла, разгораясь ослепительными болидами, некоторые уже достигли поверхности, ударили в нее, выбивая в небеса ослепительные гейзеры расплавленного при столкновении вещества.

На фоне буйства энергий она четко указала ему на сигнатуры множества серв-машин, движущихся от Арены в сторону города, словно стальная лавина.

Мгновение – и перед мысленным взором Глеба возникла другая картина: Ника поймала сигнал чудом уцелевшего спутника, и он вдруг явственно увидел, как далеко в пустошах, там, где располагались планетарные базы контрабандистов и каперов, расцветали энергоматрицы боевых машин, находящихся в режиме экстренной активации.

Хограк вернулся. Его лицо было перекошено.

– Кто-то захватил серв-машины! Они нанесли удар по станциям Варла! Флоты каперов и контрабандистов уничтожены! Это война! – Он смотрел на Глеба и Нику полубезумным взглядом, его мир только что рухнул, непонятная сила раздавила жизнь Хограка, не оставив ему даже права понять, почему он погибнет спустя несколько минут?

– Даргианцы не могли это сделать! – в исступленной ярости закричал он.

– Удар нанесли не они. – Ника продолжала сканирование энергоматриц, движущихся к городу со стороны Арены. – Захваченными машинами управляют андроиды.

– Но об этом никто не знает! Через час здесь не останется и камня на камне! Алианцы и варлийцы не простят удара! Они поднимут все свои силы, будут беспощадно мстить, не разбираясь, кто сбил их станции, ведь машины принадлежат моему клану!

– Они уже выступили, – мрачно произнес Глеб.

Ника продолжала передавать ему данные. Хотел он того или нет, в его рассудок вливалась сейчас вся известная ей информация об андроиде по имени Дейвид, о том, как сломали ее личность, превратив в марионетку, как сама она вырвалась из тенет лжи, отыскав и захватив узел связи Земного Альянса, о мечтах и грезах Рейчел, о тяжелом надрывном возвращении Ники, обо всем, что знала и помнила.

Они поняли друг друга без слов.

Был лишь один призрачный шанс спасти население Варла от полного уничтожения.

Глеб открыл Нике свой рассудок, она приняла данные, нахмурилась, взглянула на него, как будто спрашивала: а стоят эти люди смертельного риска?

Его глаза ответили – да.

«Разве мы с тобой не ошибались? Разве нами не пытались манипулировать? Разве не несло нас течением событий? И разве сейчас наши собственные жизни не висят на волоске?»

Она согласно кивнула в ответ.

– Хограк! – Глеб подошел к даргианцу, приподнял его, встряхнув, приводя в чувство.

– Что?

– Мы еще можем все изменить! Слышишь! Я должен срочно связаться со станцией «Мантикора»!

– Они не станут нам помогать!

– Станут! Мне нужна связь! И резерв твоей группировки!

Хограк начал медленно соображать.

– Что ты задумал?

– Остановить атаку андроидов! До того как «Фалангеры» и «Хоплиты» ворвутся в город и столкнутся с силами других группировок! У нас слишком мало времени! Думай, как выйти на связь!

– Да ничего у тебя не выйдет!

– Связь! А там посмотрим!

* * *

Короткая перебежка через пространство усеянной обломками зданий улицы, под ослепительным светом сгорающих в атмосфере боевых станций, привела их к еще одному подвальному помещению.

Внутри горел свет, толпились люди, никто не понимал причин происходящего, и Хограку пришлось тычками приклада пробивать путь через гомонящую толпу.

– Вот. – Он указал на дверь, у которой застыли два охранника.

– Хограк, не тупи!

Даргианец, будто очнувшись, шагнул к двери, что-то сказал охранникам, и те нехотя пропустили его, подозрительно косясь на Глеба и Нику.

Через минуту он появился вновь.

– Придется сдать оружие.

В небольшом богато обставленном помещении находилось несколько человек, работала система связи, информация от сканирующих комплексов выводилась на объемную карту города и прилегающих окрестностей.

Нервозная обстановка ощущалась во всем.

– К делу! – Глебу в данный момент было глубоко наплевать, какое положение занимают эти люди в иерархии властных структур Варла. – Ника, объясни присутствующим, что происходит в действительности. Только коротко. У нас нет времени. Мне нужна связь с «Мантикорой»!

Один из высокопоставленных даргианцев нервно усмехнулся:

– Где гарантии, что ты…

Глеб резко оборвал его жестом. Они не понимали смертельной предопределенности внезапных событий. Мысленно цепляясь за свою дутую значительность, они считали, что сбитые станции – это ерунда, и все остальное тоже.

Дымов указал на карту, где две группы алых маркеров двигались к городу, неумолимо сближаясь друг с другом.

– Через тридцать минут они войдут в огневой контакт на территории городских руин, – произнес Глеб. – Я вижу около сотни серв-машин, принадлежащих разным силам. Как только они сделают первый выстрел, любой, кто находится поблизости, может смело считать себя покойником! Ни одно укрытие не защитит. Чем бы ни завершилась схватка, на месте города останется слой бетонного щебня!

– Ты способен их остановить? – недоверчиво фыркнул один из даргианцев.

– Если «Мантикора» согласится помочь!

Ника внезапно обернулась:

– Глеб, пойдем отсюда! Они хотят умереть – это их право!

Если бы не Хограк и люди, что сжались в ожидании неизбежных событий за соседней стеной, он бы ушел. Но Дымов промедлил несколько мгновений.

– Эй, подождите! – Молчавший до сих пор пожилой даргианец выступил вперед. – Дайте ему связаться со станцией!

* * *

Лицо Сары Фостер в стереообъеме экрана связи искажалось помехами.

– Глеб, я понимаю, что происходит! Но ты требуешь слишком многого!

– Сара, у нас нет времени! Я передал тебе суть происходящего! Забудь на минуту свои административные обязанности, вспомни, что ты боевой офицер! «Мантикора» не сможет вечно прятаться среди обломков! Мне все равно, что ты думаешь о цивилизации Варла! Через тридцать минут она перестанет существовать!

– Почему ты не покинул город?

– Потому что началась *война*, которая коснется всех без исключения! – яростно ответил Глеб. – Мое сознание пытались *скачать*, ты этого не поняла или не услышала?! Я своими глазами видел андроида, который играл роль хорошо известного мне человека! И я не заподозрил подмены, пока по стечению обстоятельств не вцепился ему в горло! А он, к твоему сведению, работал на разведывательное управление Элио! Они пытаются проникнуть в силовые структуры Центральных Миров, разве непонятно?! Сейчас андроиды вычистят Варл, заметут следы своих экспериментов, и кто станет их следующей целью?

– Что ты намерен предпринять?

– Я уже сказал – есть только один способ предотвратить бойню! У нас осталось двадцать пять минут! В рубках серв-машин, захваченных на технических базах Арены, сейчас находятся человеческие подобия! Они спровоцировали конфликт, атаковав станции, уничтожив флоты контрабандистов и каперов! С алианцами и варлийцами нет возможности договориться, объяснить им, что все происходящее – провокация! Они ведут свои наземные силы в атаку и уверены, что их противник – клан Дарга! Пока они видят перед собой цель, переговоры обречены на провал! Они слепы от ярости!

– За двадцать минут я не успею ничего сделать!

– У даргианцев есть резерв. Десяток серв-машин и опытные пилоты. Мы остановим андроидов на подступах к городу! Выиграем еще минут десять, но не больше! Ты *обязана* успеть!

Ее ответа Глеб не услышал.

Экран внезапно подернулся сплошной рябью помех – кто-то зафиксировал передачу данных и нанес удар по узлу связи даргианцев!

Глеб с досадой ударил кулаком по скошенной консоли.

– Я сделал все, что мог! – Он встал. – «Мантикора» нас поддержит, я уверен!

Лица руководителей клана Дарга уже не выглядели такими надменными. Ника успела объяснить им, что происходит на самом деле.

– Резерв в твоем распоряжении. – Пожилой даргианец подошел к Глебу. – Но у нас всего десять серв-машин. Я уже отдал приказ, их готовят

к бою! Отсюда к бункеру ведет тайный ход.

– Мне необходимы восемь пилотов! Лучших! И они должны подчиняться моим приказам, не обсуждая их!

– Семь пилотов! – Хограк выступил вперед.

– Теряем время! – Глеб оглянулся, отыскал взглядом Нику. Она стояла чуть в стороне, о чем-то напряженно размышляя.

– Пилоты встретят тебя в бункере, – произнес даргианец. – Что делать нам?

– Пытайтесь выйти на связь с другими группировками! Идите на любые условия, лишь бы начать переговоры!

* * *

В бункере, расположенном на окраине города, под руинами одного из кварталов, шла лихорадочная подготовка.

Десять машин – три «Фалангера», два «Беркута» и пять «Хоплитов» – уже прошли процедуру реактивации.

Восемь пилотов, включая Хограка, ждали последних инструкций.

Глеб и Ника, облаченные в легкую пилотажную броню, вышли из дверей арсенала, направляясь к ожидавшим их даргианцам.

– Мы не успели толком поговорить…

Ника грустно улыбнулась.

– Мы вместе. Остальное не имеет значения, – ответила она. – Я хотела заставить тебя бросить все и сбежать.

– Почему же ничего не сказала?

– Не смогла. Ты поступаешь… правильно.

Драгоценные секунды ускользали в прошлое, становились уже прожитой вечностью.

Он остановился перед строем пилотов.

– Буду краток. – Глеб с трудом подбирал слова. – Наша задача – сбить темп наступления противника. Остановить его, заставить маневрировать на дальних подступах к городу. Всем находиться на постоянной связи. Приказы будут поступать от моей машины. Я, Ника и Хограк пилотируем «Фалангеры». Первыми вступают в бой «Хоплиты». Никакого геройства. Обозначить себя, привлечь внимание, в случае критических повреждений немедленно катапультироваться. Они станут стрелять по ложементам – учитывайте это, ориентируйте рубку под минимальным углом к горизонту, прежде чем дернуть рычаг катапульты. «Беркуты» вступят в бой только по моему приказу. Мы должны продержаться десять-пятнадцать минут, до появления штурмовых носителей «Мантикоры».

Ни один мускул не дрогнул на лицах даргианских пилотов.

– По машинам!

* * *

Ночь принесла прохладу.

Медленно остывали скалы. Над руинами города в небесах Варла то разгорался, то затухал призрачный огонь от сотен сгорающих в атмосфере обломков орбитальных станций.

Нереальный, мятущийся свет озарял окрестности, ткал причудливый рисунок теней.

Пятьдесят четыре цели в радиусе эффективного сканирования.

Тридцать из них – «Фалангеры».

Один их залп способен уничтожить любую наземную или воздушную цель, одновременно превратив площадь нескольких квадратных километров в огромную воронку.

Пять «Хоплитов» стремительно продвигались между скал по давно заброшенной дороге, уводящей прочь от города.

«Беркуты» уже заняли определенные для них позиции, три «Фалангера», задействовав режим полной маскировки, обходили скопление движущихся к городу маркеров с правого фланга.

Машины противника неумолимо приближались к городу, но их продвижение затрудняли оборонительные укрепления, возведенные на подступах еще в период Галактической войны.

Огромные бетонированные рвы двадцатиметровой глубины, с отвесными стенами, пересекали пустоши Варла, отделяя город от кратера Арены.

Дороги и мосты, построенные в послевоенный период, пересекали древний оборонительный рубеж в пяти местах. Тяжелые машины противника двигались цепью, «Фалангеры» рассредоточились, поддерживая максимальную дистанцию на случай внезапного обстрела. В отличие от них «Хоплиты» не нуждались в специальных инженерных сооружениях для преодоления оборонительного рва, они вырвались вперед и, используя прыжковые двигатели, уже пересекли линию обороны, выйдя к окраине городских руин.

Глеб понимал: единственный выстрел, произведенный с территории полуразрушенного поселения, станет приговором всем жителям Варла. Дерзкий план, разработанный совместно с Никой, состоял из серии внезапных отвлекающих ударов, имитации серьезной угрозы флангового охвата, с тем, чтобы не дать «Фалангерам» противника переправиться через

ров и занять позиции среди укреплений древнего рубежа обороны, привлечь их внимание, связать боем, оттянуть силы наступающих назад, к Арене.

«Хоплиты» даргианцев вышли на первую позицию. Под прикрытием маскирующих систем они заняли древнюю смотровую площадку у пересохшего водопада.

Пока что их скрывали скалы.

– «Дарг-1» – работайте!

Залп пневматических пушек пяти «Хоплитов» выпустил в небеса Варла десятки фантом-генераторов, имитирующих сигнатуры штурмовиков класса «Гепард».

Небольшие устройства сманеврировали собственными двигателями и включились над гребнями скал, создавая иллюзию массированного воздушного налета, так, будто штурмовики вошли в атмосферу Варла на другой стороне планеты и, двигаясь над самой землей, в буквальном смысле «подкрались» к целям, вышли на рубеж и внезапно появились в зоне эффективного сканирования серв-машин, двигаясь курсами атаки!

Эффект внезапности превзошел все ожидания.

Глеб и Ника за минуты, отпущенные им для подготовки операции, сумели учесть главное: ни одна из машин противника не была оснащена полноценным модулем искусственного интеллекта. Андроиды, управлявшие «Фалангерами» и «Хоплитами», использовали собственные вычислительные мощности, добавляя к ним потенциал узкоспециализированных подсистем серв-машины, – этого вполне хватало в условиях Арены, но кровавые игрища имели мало общего с реальным пространством техногенной схватки.

В реальном бою, действуя в прямом контакте с «Одиночкой», пилот «Фалангера» не прекратил бы выполнения основной задачи, позволив разбираться со штурмовиками ведомым «Хоплитам» и подсистемам ПВО, полагаясь на средства радиоэлектронной борьбы, способные распознать ложные цели, но андроиды были вынуждены начать активное противодействие: машины, предназначенные для Арены, не оснащались продвинутыми подсистемами анализа, ими жертвовали в угоду зрелищности, ведь стрельба по ложным целям являлась частью кровавого шоу…

Небеса Варла взорвались огнем.

Беспощадный опыт войны сейчас сводил на нет чудовищное превосходство противника.

Пространство перед рубежом укреплений мгновенно вскипело от

множества ракетных запусков, очередей скорострельных зенитных орудий, лазерных разрядов систем ПВО. Расчет Глеба и Ники оправдался в полной мере, количество одновременно выплеснутой энергии ослепило датчики тяжелых серв-машин, и управляющие ими андроиды не могли адекватно оценить результат стрельбы.

«Хоплиты» противника, оказавшиеся в отрыве от главных сил, наблюдали лишь сплошное пятно энергетической засветки, цифровое пространство принятия совместных решений превратилось в хаос, но тактика серв-подразделений диктовала определенный порядок действий: при возникновении угрозы со стороны штурмовиков или аэрокосмических истребителей прямой обязанностью легких серв-машин являлось прикрытие «Фалангеров»…

Десять секунд.

– «Дарг-2», они покидают укрепления! Работаем!

«Хоплиты» противника устремились назад. Задействовав прыжковые ускорители, они преодолели ров, ведя активный поиск целей среди кипящих всплесков энергии, и в этот миг два «Беркута» открыли снайперский огонь из двухсотмегаваттных лазерных установок.

Четыре легкие серв-машины превратились в пылающие факелы, рухнули на дно рва и взорвались, а «Беркуты» уже покинули демаскированную позицию, двигаясь в сторону Арены. Спустившись на дно давно пересохшего водохранилища, они перемещались под прикрытием старой, местами разрушенной дамбы. Недосягаемые для снарядов и ракет, тяжелые колониальные машины демонстрировали яркие, хорошо читаемые сигнатуры, действовали как постоянный раздражитель, непредсказуемый фактор, усложняя андроидам принятие решений.

– Ника, работаем!

Тяжелые ракетные установки двух «Фалангеров» полыхнули залповым огнем.

Они били с дистанции прямой наводки, не используя дополнительных систем остойчивости, – машины покачнулись, но скалы приняли их вес, помогли удержать равновесие – рискованный прием, используемый нечасто, применяемый лишь самыми опытными пилотами.

Хограк прикрывал их, контролируя обстановку.

– Есть! Три прямых попадания! Два «Фалангера» серьезно повреждены! – раздался по связи восторженный комментарий даргианца.

– В темпе! Следующая точка! – коротко приказал Глеб.

С противоположного фланга ударили ракетные установки группы «Хоплитов». Легкие серв-машины вели огонь в движении, уходя вверх по

старой дороге, прикрываясь выступами скал от разрозненного ответного огня.

Машины Глеба и Ники остановились на новой позиции.

Залп.

Три минуты огневого контакта.

– Внимание! Они разворачиваются!

Критический момент скоротечного боя наступил раньше, чем предполагал Глеб.

Фантом-генераторы уже отработали свой ресурс, фактор внезапности иссяк, но главная задача была выполнена: серией молниеносных ударов они ввели противника в замешательство, сбили темп наступления, заставили врага сломать строй, оттянули часть машин назад, в сторону Арены, выиграли драгоценные минуты, необходимые ударным группам «Мантикоры» для подлета к планете.

* * *

– Хограк, Ника, отходим!

Глеб отдал единственно возможный приказ.

Боевые соединения двух частных армий еще не появились в зоне эффективного сканирования, оставалось уповать, что «Мантикора» не подведет, теперь судьба Варла зависела от того, как скоро прибудет ударная сила, способная остановить кровопролитие, которое лишь отсрочили дерзкие действия группы серв-машин.

– Всем – прекратить огневой контакт! Выходим из боя! Задействовать системы маскировки, максимально использовать рельеф!

Сигнатуры «Беркутов» моргнули и исчезли, пять «Хоплитов», отступая в глубь пустоши, еще несколько секунд привлекали внимание противника, а затем также исчезли с радаров.

Сплоховал Хограк. Он уверял, что справится с управлением тяжелой серв-машиной, и Глеб допустил непростительную ошибку, поверив ему.

– Хограк! Что происходит?!

Ситуация замерла.

Противник после ошеломительных ударов проявлял крайнюю степень осторожности, «Фалангеры» и уцелевшие «Хоплиты» производили тщательное сканирование, пытаясь определить, куда подевались атаковавшие их машины.

Они сейчас походили на туго сжатую пружину боевого механизма, которой необходимо лишь слабое стороннее движение, чтобы высвободить свою чудовищную энергию.

– Хограк!

Даргианец не отвечал. Его «Фалангер» вдруг остановился, покачнувшись, теряя равновесие. Пилот не сумел справиться с управлением, тяжелый сервомеханизм опасно накренился, внезапно отключились фантом-генераторы, и противник тут же зафиксировал ЦЕЛЬ.

Старая дорога, петляющая меж скал, содрогнулась, когда шквал ракетного удара накрыл площадь нескольких квадратных километров.

«Фалангер» даргианца взорвался, сотни попаданий не оставили ему ни единого шанса на катапультирование, машины Глеба и Ники, попав под удар, несколько секунд двигались, огрызаясь огнем установок противоракетной обороны, затем одна за другой начали отказывать подсистемы. «Фалангер» Ники все еще держал равновесие, но десятки критических повреждений были заметны невооруженным глазом: броня машины зияла пробоинами, истекала дымом, из недр поворотной платформы вырывались языки пламени…

– Ника!!! Катапультируйся!!!

Кричал не Глеб. Кричала его душа. Он не видел ничего вокруг, не воспринимал отчета о повреждениях собственной машины, взгляд был прикован к рубке начавшего крениться «Фалангера».

Бронированные сегменты ее машины стали наконец раскрываться, медленно, надрывно преодолевая деформации корпуса, Глебу казалось, что прошла вечность, прежде чем он увидел сполох от работы спасательной катапульты, и пилот-ложемент Ники, выброшенный параллельно земле, исчез в беснующемся пламени разрывов.

В следующий миг его «Фалангер» ударило о скалы, развернуло вокруг оси, раздался оглушительный скрежет раздираемого металла, на секунду все померкло перед глазами, а когда сознание вернулось, он увидел оранжево-черное небо Варла: сегменты лобовой брони сорвало, страховочные ремни удержали Глеба в кресле, из-под ложемента валил густой дым, и уже прорвались языки пламени.

Он с трудом отстегнулся, цепляясь за разбитые элементы каркаса, выбрался из кресла, оступился, скатился по накренившейся плоскости пола к пробоине в лобовой броне и, едва осознавая, что делает, выбрался наружу.

До исковерканной, истекающей дымами, перепаханной воронками, усеянной обломками скал земли оставалась всего пара метров.

Он спрыгнул, попытался сориентироваться, но тщетно – скалы, дорога, все исчезло, и Глеб побрел наугад, даже не оглянувшись в сторону рухнувшего «Фалангера».

Вокруг стояла звонкая, ненатуральная тишина.

Сканеры импланта вычерчивали в сознании лишь тепловые контуры бесчисленных воронок, он сделал еще десяток шагов и внезапно остановился, заметив искореженную конструкцию ложемента.

– Ника!!!

Глеб рванулся вперед, схватился за изломанные амортизационные дуги, неимоверным усилием разжимая смятые элементы конструкции, и вдруг увидел ее лицо – землисто-серое, забрызганное кровью.

Он беззвучно взвыл, продираясь через искореженный металл.

Слезы катились по щекам Глеба.

Мир перед глазами темнел, а в небесах Варла разгоралось ослепительное сияние – это штурмовые носители «Мантикоры» входили в атмосферу, низвергая чудовищную огневую мощь на серв-машины, так и не сумевшие прорваться к городу.

Веки Ники внезапно дрогнули. Она открыла глаза, ее мутный, уже теряющий осмысленное выражение взгляд скользнул по чертам Глеба, губы слабо шевельнулись, и она выдохнула в последнем усилии:

– Запомни… меня… живой…

Эпилог

Система Элио. Месяц спустя после событий на Варле…

Адмирал Вербицкий и Глеб Дымов стояли подле огромного экрана, наблюдая, как вспышка гиперпространственного перехода вытолкнула в метрику трехмерного космоса многокилометровую сферическую конструкцию, прочно состыкованную с тремя техническими носителями.

Узел связи Земного Альянса.

– Ника мечтала о межзвездной компьютерной сети, которая объединит разрозненные колонии, вернет людям чувство единства, – произнес Глеб, наблюдая, как станция гиперсферных частот выходит на орбиту вокруг Элио. – Она уничтожила базы данных Альянса, но не смогла разрушить свою мечту. Она рисковала, использовав гиперпривод «Фантома» для слепого рывка, переместившего станцию в пустые секторы, недосягаемые для андроидов.

– Глеб, откуда ты узнал координаты той системы, где дрейфовал узел связи? – спросил Вербицкий. Он был потрясен, но не видом уникальной конструкции, не имеющей аналогов среди самых современных технологий, а острым осознанием тех возможностей, которые открывала перед возрождающейся цивилизацией станция гиперсферных частот. Пройдет немного времени, и разорванный, разобщенный мир Периферии утратит недосягаемость, люди, живущие на разных мирах, смогут общаться друг с другом, это даст толчок к возрождению межзвездной торговли, позволит многим планетам удержаться на краю пропасти, не сорваться в бездну регресса.

– Нейросенсорный контакт, – скупо ответил Глеб. – Ника передала мне огромный объем информации, как только мы встретились с ней. Как будто чувствовала…

– Не вини себя. Ты сделал все, что в человеческих силах.

Дымов угрюмо промолчал.

– Элианская эскадра блокировала систему Дикс-7, но планета, которую ты указал, пуста. Колониальный транспорт «Нобель» и четыре штурмовых корабля «Шквал» исчезли. На дне кратеров было обнаружено несколько шахт, но их исследование ничего нам не дало.

– Они не оставят своих попыток, – глухо напомнил Дымов.

– Какие у тебя планы, Глеб?

– Я вернусь на станцию «Мантикора». Буду искать этих тварей, пока

не найду.

– Почему не флот?

– Я одиночка, – скупо ответил Глеб. – К тому же бывший офицер Альянса.

– На Элио эти фобии преодолены.

– Нет. Я трудно схожусь с людьми. Спасибо, адмирал, но «Мантикора» сейчас под угрозой. Я буду полезнее там. Но сначала мне нужно уладить личные дела.

– Да, понимаю. Мы выполнили твою просьбу. Сделали все, что в человеческих силах.

– Я могу забрать контейнер?

– Да. Он готов.

Глеб проводил взглядом технические носители, отстыковавшиеся от станции гиперсферных частот. Он думал сейчас о том, что в уникальных конструкциях узла связи воплотятся самые светлые, такие человечные мечты «Одиночки», не подозревая, что Ника дала людям больше, чем огромную станцию с ее невероятными техническими возможностями.

Она своим поступком открыла новую эпоху межзвездных коммуникаций, подарила людям то, что в скором времени назовут Сетью Интерстар.

* * *

Система Дарвин. Борт станции боевого терраформирования класса «Эдем».

Семь лепестков оранжерей сияли аурой возрожденной жизни.

Первые ростки генетически модифицированных деревьев, трав и кустарников, способных расти на безжизненных, загрязненных и радиоактивных почвах, робко пробивались к свету, расправляя первые клейкие листочки побегов.

Айла каждый день приходила сюда, нежно прикасалась к растениям, мысленно разговаривала с ними, как с новорожденными детьми.

Ей было трудно, но она не сдавалась.

Отец отказался выделять ей помощь, но Айла даже не расстроилась.

Больше всего она страдала от одиночества. Ей хотелось жить, делать любимое дело, но ей так не хватало человеческого общения, возможности поделиться радостью открытий, планами, надеждами, тревогами и чаяниями.

Глухую тишину одиночества не скрасило и внезапное возвращение

Глеба.

Он вернулся сумрачный и замкнутый, словно за несколько месяцев отсутствия что-то окончательно сгорело в его душе.

Забрав с корабля небольшой контейнер, он заперся в технических отсеках станции, не выходя оттуда, даже чтобы перекусить.

Айла собиралась идти в биолабораторию, когда по внутренней связи внезапно раздался вызов.

– Глеб? Что-то случилось?

– Зайди в центр управления.

– Хорошо, сейчас буду.

Айла ничего не понимала, но знала – расспрашивать его бесполезно.

* * *

В компьютерном центре все выглядело как обычно. Она ожидала увидеть Глеба сидящим в кресле управления станцией, но ошиблась – напряженный, осунувшийся, он стоял поодаль, нервно теребя в руках небольшой пульт дистанционного управления.

– Подойди, – попросил он.

Айле стало немного жутковато.

Даже на Роуге в критические минуты боя она не видела Глеба таким взвинченным.

– Ты освоилась с управлением станцией? – спросил он.

– Еще не совсем. Но я стараюсь.

– А у тебя когда-нибудь были подруги?

– Не знаю. – Айла вопросительно взглянула на него. – В академии были знакомые, но особо я ни с кем не дружила.

– А смогла бы подружиться?

– Глеб, ты что? – Она по-прежнему ничего не понимала. – С кем мне дружить на пустой станции? С сервами?

Он сделал едва уловимое движение, и в центре зала внезапно материализовалась фигура молодой девушки.

«Голограмма…» – догадалась Айла.

– Ее зовут Ника, – глухо произнес Глеб. – Она – искусственный интеллект.

– Ты ее создал?

– Она – часть моей души. Но сейчас ее разум спит.

– Почему?

– Она похожа на тебя, – не ответив на вопрос, произнес Глеб. – Ника мечтала исследовать космос, открывать новые миры, она… живая.

Айла внезапно заметила дикую, невыносимую боль, затаившуюся в глубоко запавших глазах Глеба.

– Ника поможет тебе управлять станцией. Она знает об «Эдеме» все. Теперь она – ядро кибернетической системы. – Он обернулся. – Помоги ей. Стань доброй подругой. Ее личность повреждена, но пройдет немного времени, и Ника восстановит ее. Я уверен – вы поладите.

– А ты?

– У меня осталось важное незаконченное дело. Вернусь, когда завершу его. – Он протянул Айле крошечный пульт управления с единственной сенсорной кнопкой.

– Нажмешь ее, когда мой корабль покинет систему. Не раньше. Обещай.

– Хорошо. Но почему ты не сделаешь это сам? Не познакомишь нас?

– Она сейчас не помнит меня. – Глеб отвернулся. – Мне пора. Прощаться не будем.

– Глеб! – Айла в растерянности прижала к груди крохотный пульт.

Его уже не было в зале управления.

Через несколько минут глухой толчок возвестил, что корабль Дымова вышел из вакуум-дока.

«Я вернусь. Чтобы снова увидеть тебя… живой».

Глеб верил в это. Он знал, что Айла и Ника обязательно подружатся. Они будут вместе возрождать разоренные войной миры.

А я буду их защищать…

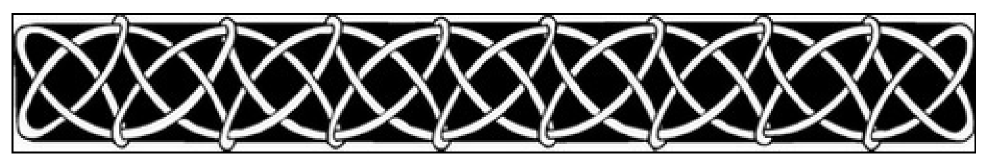
Через мгновение корабль Глеба скрылся в бледной вспышке гиперпространственного перехода.

Примечание:

В отличие от иных видов энергетической защиты электромагнитная суспензия активно взаимодействует с окружающим веществом. В идеале для ее работы подходит любая газообразная среда. Прототипом для создания суспензорного поля являлись древние разработки, предлагавшие устанавливать на космических кораблях специальные электромагнитные улавливатели, предназначенные для сбора разреженного межзвездного газа, который в дальнейшем использовался в качестве активного вещества для силовых установок.

После открытия феномена гиперсферы данная технология утратила свою актуальность – изменился сам принцип перемещения космических кораблей. Однако спустя века о ней вспомнили в связи с разработкой

аварийных защитных систем, в частности речь шла о средствах борьбы с декомпрессией отсеков. В итоге было запатентовано и воплощено на практике несколько систем, использующих один и тот же принцип: газ или иная взвесь вещества (широко известна практика использования пыли на безвоздушных мирах), попадая в зону действия магнитного поля, излучаемого эмиттером, уплотняется до такой степени, что между отдельными молекулами (либо частицами вещества) возникают насильственные взаимосвязи. В результате получается пленка, способная выдержать давление в несколько атмосфер. Первые устройства суспензорной защиты появились на космических кораблях к финалу Галактической войны. Позже, с развитием нанотехнологий, появились различные модификации суспензорной защиты, использующие два типа эмиттеров, основной и вспомогательный, которые благодаря своим микроскопическим размерам внедряются непосредственно в структуру защитного поля, позволяя гибко настраивать его режимы и пространственную конфигурацию (например, это необходимо для формирования локальных проходов в защитном поле).

notes

Примечания

1

Дерево Бао – основная сельскохозяйственная культура Дабога.

2

Конструкция гиперпривода той эпохи имела ряд особенностей, заставляющих корабли выходить из аномалии космоса в «узловых точках» для перезарядки накопителей, то есть прыжок осуществлялся между двумя соседними системами.

3

На самом деле Андрей Воронцов выжил, но оказался замурованным в одном из обломков кораблей. Подробнее в романе «Остров Надежды».

4

Подробнее о событиях в романе «Зона отчуждения».

5

Конструкция колониального транспорта состоит из двух компонентов: основного модуля и отделяемой грузопассажирской сферы.

6

Понятие «освоенный космос» включает в себя весь объем пространства, в котором располагались звездные системы, колонизированные в эпоху Великого Исхода. Большинство планетных цивилизаций были заново открыты в период Галактической войны в результате разведки гиперсферных трасс. Их население активно привлекалось к боевым действиям, сражаясь по обе стороны баррикад, в зависимости от того, кем была вторично открыта та или иная колония.

7

Шагающие лазеры (LDL) стояли на вооружении Колоний, штурмовые сервы применялись обеими сторонами конфликта.

8

Андроиды пехотной поддержки были созданы Земным Альянсом еще в начале войны. Прототипом для них послужила базовая колониальная модель «Хьюго», усовершенствованная и адаптированная к задачам войны. В результате «модернизации» андроиды пехотной и технической поддержки лишились избыточного количества нейромодулей, но получили возможность интеграции кристаллосхем ранних серий боевых «ИИ» – «Alone» и «Climens».

9

«МХ-300» – реактивные установки залпового огня. Просторечное название – «бродячие минометы». Меняют позиции после каждого запуска. Действуют в автономном режиме, перемещаются постоянно и бессистемно. Используют любые особенности рельефа для временной маскировки. Не образуют локальных сетей. Периодически отключаются, исчезая со сканеров.

10

«Фалангеры» последних серий оснащались катапультируемой капсулой, оснащенной системами поддержания жизни и низкотемпературного сна. Опция криогенной камеры включалась в случае, если пилот не был эвакуирован с поля боя в течение заданного времени.

11

Внешнее кольцо – сеть периферийных военных баз Земного Альянса, расположенных за границами исследованного космического пространства.

12

ПКО – противокосмическая оборона.

13

Текстоглифы – специальные символы, шифрующие последовательности команд, которые будут исполнены автоматикой при касании того или иного сенсора.

14

Оптические системы не нарушают маскировки. Уступая сканерам, они используются на небольших дистанциях при скрытном сближении с целью.

15

МаРЗ – малый автоматический зонд.

16

«Прайд» – штатный орудийно-ракетный комплекс крупных космических кораблей, разработан Земным Альянсом, позже был принят на вооружение Флота Колоний.

17

Смотри примечание в конце книги.

18

Подробнее о последнем резерве в романе «Омикрон».

19

Конструкция гиперпривода образца 2630 года позволяла кораблям осуществлять погружение в гиперсферу лишь на определенном удалении от планеты.

20

ЭМГО – электромагнитное гаусс-орудие.

21

«Беркут» – серв-машина колонистов, прототипом которой были аграрные шагающие роботы Дабога, отразившие вторжение сил Альянса в первые дни войны.

22

Кронг – автономное устройство, предназначенное для сбора энергии и подзарядки боевых механизмов в полевых условиях.

23

Преобразователь – автономный дыхательный аппарат, работающий в двух режимах. Первый – фильтрация, очистка от вредных примесей и обогащение кислородом воздуха, поступающего из атмосферы, второй режим – автономный, воздушная смесь для дыхания образуется путем химической реакции, выделяясь из таблеток, снаряженных в обойму.